



ИЗБРАННЫЯ ИЗЪ ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ

ЧУДЕСА И ВИДѢНІЯ

какъ доказательства различныхъ истинъ Христіанской Православной вѣры.

Матеріалъ для пастырей при составленіи поученій и назидательное чтеніе для всѣхъ православныхъ христіанъ.

Рязань.
Типографія наслѣдниковъ З. П. Позняковой.
1880.





„Никто же буди невѣрующь пишущему, яже слышахъ ниже да мнитъ кто дерзающа мя не истинная писати сумнящся о вещи сей великой: не буди мнѣ лгати на святыя. Аще-же будутъ нѣцыи, иже получивше сіе писаніе, и преславному сему дѣлу дивящеся неудобь восхотятъ вѣровати, и онымъ милостивъ да будетъ Господь.“

Св. Софроній, патріархъ Іерусал. въ жит. преп. Маріи Египетской.

Печатать разрѣшено Московскимъ Комитетомъ для цензуры духовныхъ книгъ. 24 Іюля 1880 года.

Вмѣсто придисловія.

Въ житіи св. Копрія (9 Іюля) повѣствуется:

Однажды св. Копрій разсказывалъ собравшимся къ нему братіямъ о житіи преподобпаго Патермуѳія и о прочихъ святыхъ, а братъ одинъ, не вѣря симъ разсказамъ, не слушалъ и задремалъ, и вотъ видитъ въ сопномъ видѣніи въ рукахъ св. Копрія написанную золотыми буквами книгу, отъ которой онъ бесѣдовалъ къ братіямъ, а близъ него стоялъ нѣкій свѣтлый мужъ, благообразный и украшенный сѣдинами. Грозно посмотрѣвъ на дремлющаго, мужъ сей сказалъ: „зачѣмъ не вѣришь разсказываемому и дремлешь не слушая?“ Тогда братъ, пробудившись въ ужасѣ, тотчасъ разсказалъ прочимъ что видѣлъ, и съ того времени всегда съ вѣрой и вниманіемъ слушалъ разсказы св. Копрія.

Бытіе Божіе.

Искушеніе преподобнаго Нифонта.

Когда уже преподобный Нифонтъ ([1]) стоялъ на высотѣ иноческихъ подвиговъ, Богъ попустилъ придти на него искушенію, дабы, очистивъ, какъ злато въ горнилѣ, содѣлать его достойнымъ еще высшей благодати. Искушеніе сіе состояло въ четырехлѣтнемъ изступленіи ума отъ діавольскаго навожденія.

Однажды вечеромъ преподобный стоялъ на молитвѣ, и вдругъ слышитъ необыкновенный шумъ, идущій отъ правой стороны къ лѣвой. Святой ужаснулся и ожидалъ, что будетъ дальше. И вотъ явился діаволъ съ великимъ ревомъ, угрозами и гнѣвомъ, и такъ устрашилъ святаго, что онъ какъ-бы лишился ума. Когда же, пришедши въ себя, онъ хотѣлъ помолиться и осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, діаволъ устрѣмился на него, говоря: „оставь молитву, и я не буду бороться съ тобой“. Преподобный же отвѣчалъ: „никогда не послушаю тебя, духъ нечистый; если Богъ повелѣлъ тебѣ погубить меня, я принимаю сіе съ благодареніемъ, если-же нѣтъ, то скоро, при помощи Вышняго, имѣю побѣдить тебя.“ Діаволъ же сказалъ: „прельстился ты, Нифонтъ, гдѣ Богъ?—нѣтъ Бога“, и это постоянно говорилъ ему бѣсъ, развращая и помрачая умъ его. А

([1]) Жилъ въ IV в. по Р. Х.

святой отвѣчалъ: „ты, діаволъ, говоришь какъ безумный, *рече бо безуменъ въ сердце своемъ: нѣсть Богъ.* (Пс. 13, 1)". И хотѣлъ сотворить молитву, но не могъ,— устами говорилъ, а умъ разсѣявался. И былъ святой въ великой печали, имѣя умъ помраченный, отчего лишился и смысла человѣческаго. А когда немного приходилъ въ себя, опять бѣсъ не переставалъ говорить ему: „нѣтъ Бога." Святой же къ нему: „если сдѣлаю блудъ или убью или еще что злое сдѣлаю, но Христа моего не отвергнусь". А діаволъ снова начиналъ говорить ему: „что говоришь, есть Христосъ?—Нѣтъ Христа: я одинъ содержу все и царствую надъ всѣмъ, кто же тебѣ сказалъ, что есть Богъ или Христосъ." Святой отвѣчалъ: „не прельстишь меня, область темная, отступи отъ меня, врагъ всякой правды." Діаволъ же неотступно боролся съ нимъ, помрачая его умъ и понуждая говорить, что нѣтъ Бога. Такъ провелъ святой четыре года, борясь съ бѣсомъ и нудя себя къ молитвѣ. И вотъ однажды, молясь и сомнѣваясь, есть-ли Богъ, воззрѣлъ онъ на икону Спасителя, и, вздохнувъ изъ глубины сердца, простеръ свои руки къ иконѣ, говоря: „Боже, Боже мой, почто Ты оставилъ меня! Извѣсти мнѣ, Богъ ли Ты и нѣтъ ли другаго, кромѣ Тебя, дабы я не преклонился къ совѣту врага." Сказавъ это, онъ увидѣлъ на иконѣ лице Христово святящееся, какъ солнце, и почувствовалъ неизрѣченное благоуханіе. Объятый ужасомъ упалъ онъ на землю, говоря: „прости меня, Владыко, что я искусилъ Тебя, сомнѣваясь о Тебѣ, Богѣ моемъ; вѣрую отнынѣ, что Ты одинъ—Богъ и Создатель всей твари." Лежа на землѣ онъ приподнялся и, посмотрѣвъ на образъ Спасителя, увидѣлъ чудную вещь: образъ, какъ живой человѣкъ, поводилъ глазами и двигалъ бровями. Ни-

фонтъ воскликнулъ: „благословенъ Богъ мой и благословенно имя славы Его нынѣ и во вѣки, аминь". Съ сей минуты возвратилась къ преподобному благодать Божія, и онъ сталъ веселъ и свѣтелъ лицомъ. Нѣкоторые же, видя это, говорили: „что это значитъ: сколько лѣтъ ходилъ онъ посупленный, а нынѣ радуется и веселится?" А святой возъимѣлъ съ того времени дерзновеніе на бѣсовъ и, ругаясь имъ, говорилъ: „гдѣ говорящіе „нѣтъ Бога", и побѣждалъ ихъ непрестанно молитвой. Размышляя же о прежнихъ грѣхахъ своихъ, говорилъ къ себѣ: „пойдемъ, грѣшный Нифонтъ, въ церковь, исповѣдуемъ грѣхи наши Господу, ибо тамъ ожидаетъ насъ щедрый Отецъ" и—пошелъ. Приблизившись къ дверямъ церковнымъ, поднялъ къ верху руки свои и воскликнулъ съ горькимъ плачемъ: „Господи Іисусе Христе, Боже мой, прими меня, умершаго душею и умомъ, прими хульника и грѣшника, сквернаго душею и тѣломъ, прими непріязнь безстыдную и не отврати лица Твоего, Владыко, говоря „не знаю кто Ты", но услыши гласъ молитвы моей и спаси меня, какъ нехотящій смерти грѣшникамъ; не оставлю Тебя и не отступлю отъ Тебя, доколѣ не послушаешь меня и не дашь прощенія грѣхамъ моимъ." Когда онъ молился такъ, вдругъ сдѣлался великій шумъ съ неба, и онъ какъ бы въ восхищеніи увидѣлъ въ облакахъ лице пресвѣтлаго Мужа съ распростертыми руками. Обнявъ ими блаженнаго, какъ нѣкогда отецъ блуднаго сына, Мужъ сей цѣловалъ шею преподобнаго и говорилъ: „хорошо ты сдѣлалъ, что пришелъ сюда, чадо Мое, ибо Я много тужилъ и плакалъ о тебѣ, какъ горѣло сердце Мое, ожидая, когда обратиться ко Мнѣ—въ вечеръ или утро. Теперь радуюсь и веселюсь, видя тебя обращающагося ко Мнѣ

всѣмъ сердцемъ.“ И долго плакалъ преподобный. Потомъ, когда онъ опять сталъ молиться, явился Ангелъ Божій, держа чашу, полную мура, которое излилъ на главу его, и исполнилось то мѣсто благоуханія. Все это передалъ послѣ Нифонтъ ученику своему.

Житія святыхъ, Декабря 23.

Троичность Лицъ въ Единомъ Богѣ.

Св. Спиридонъ, объясняющій троичность Лицъ въ Единомъ Богѣ.

Когда на первомъ вселенскомъ соборѣ (въ 325 году, въ Никеѣ) у святыхъ отцевъ былъ великій споръ о Богѣ съ аріанами (еретиками), святой Спиридонъ, епископъ Тримифунтскій, показалъ троичность Лицъ въ Богѣ такимъ образомъ: взялъ кирпичъ въ руку и стиснулъ его, и тотчасъ изъ кирпича вышелъ огонь въ высоту, потекла вода внизъ, а въ рукѣ осталась самая глина. Святой сказалъ: „вотъ тутъ три стихіи, а кирпичъ одинъ: такъ и въ Святой Троицѣ три Лица, но Единъ Богъ.“ Декабря 12.

Предопредѣленіе Божіе о спасеніи людей.

Преподобный Макарій Желтоводскій какъ подвижникъ благочестія съ самаго младенчества.

Угодникъ Божій Макарій ([1]), тезоименитый блаженству, родился въ Нижнемъ Новгородѣ отъ благочестивыхъ и богобоязненныхъ родителей, отца именемъ Іо-

([1]) Жилъ въ XV вѣкѣ.

анна и матери Маріи. Онъ былъ достоинъ удивленія отъ сосцовъ матери своей. Ибо бывши еще младенцемъ, когда бывалъ церковный звонъ къ утрени, онъ пробуждался на постели своей, плакалъ и кричалъ, какъ бы понимая и слезами, вмѣсто словъ (поелику еще говорить не могъ) выражая свое желаніе, дабы несли его въ церковь. И не только когда бывалъ звонъ къ утрени, но и ко всякой другой церковной службѣ,— отрокъ начиналъ плакать, а въ другое время скромно молчалъ. Сначала родители не понимали причины плача ребенка и тужили о семъ, потомъ узнали такимъ образомъ: въ одинъ праздничный день, когда былъ звонъ къ утрени и ребенокъ, по обычаю, заплакалъ,— родители его, собираясь въ церковь, говорили между собою: „если-бы ребенокъ нашъ отвыкъ плакать (въ это время), то мы всегда стали-бы носить его въ св. церковь къ службамъ церковнымъ", и, взявъ ребенка, понесли его съ собою въ церковь. Тотчасъ пересталъ плакать ребенокъ, и вошли съ нимъ въ церковь. Въ церкви, во время богослуженія, ребенокъ радовался, улыбаясь матери своей. Ибо какъ древле голосъ Пречистой Матери Божіей, пришедшей къ Елисаветѣ, исполнилъ радости носимаго во чревѣ матернемъ младенца—св. Іоанну Предтечу, *се яко бысть* (сказала Елисавета) *гласъ цѣлованія твоего во ушію моею, взыграся младенецъ радощами во чревѣ моемъ* (Лук. 1, 44): такъ, нѣчто подобное сему произошло и съ симъ блаженнымъ отрокомъ, ибо гласъ пѣнія церковнаго, касаясь его слуха, претворялъ плачъ его въ радость. Съ сего времени родители, понявъ причину плача ребенка, приказывали носить его въ церковь къ каждой церковной службѣ. Если же когда ребенокъ не былъ носимъ въ церковь, то, по прежнему, начиналъ неутѣшно плакать,

когда же бывалъ несенъ, радовался, и принесенный изъ церкви также бывалъ радостенъ: изъ сего родители его догадывались, что объ отрокѣ семъ будетъ особенное промышленіе Божіе. Іюля 25.

Преподобный Макарій Египетскій, избранный Богомъ до рожденія.

Отечествомъ сего преподобнаго Макарія была страна Египетская, весь, называемая Птинапаръ, но прежде родители его жили въ самомъ Египтѣ и были тезоимениты древнѣйшимъ святымъ праотцамъ Аврааму и Саррѣ, ибо отецъ Макарія былъ Авраамъ, саномъ пресвитеръ, а мать Сарра. А поелику были неплодны, то совсѣмъ оставили супружеское ложе, но не оставили взаимной любви другъ къ другу и, пребывая безъ соединенія плотскаго, были соединены духовно. Украшали также жизнь свою воздержаніемъ и постомъ, молитвами и бдѣніями, милостынями и странноприимствомъ и многими другими добродѣтелями. Когда, по попущенію Божію, на Египетъ напали варвары, въ сіе время родители Макарія лишились всего своего имѣнія и намѣревались оставить свое отечество. Послѣ сего, въ одну ночь, когда Авраамъ, отецъ Макарія, спалъ, явился ему святой патріархъ Авраамъ, честный по виду, свѣтлый красотою, сіяющій одеждою какъ-бы солнечною; онъ, утѣшая отца Макаріева и повелѣвая ему имѣть надежду на Господа, совѣтовалъ ему не отлучаться далеко отъ странъ Египетскихъ, но переселиться въ ближайшую весь, называемую Птинапаръ, бывшую въ тѣхъ же предѣлахъ Египетскихъ; также не лишать себя супружескаго соединенія, „поелику, сказалъ онъ, Богъ хочетъ благословить васъ плодомъ блаженнымъ, какъ благословилъ и меня—переселенца

въ землю Ханаанскую, давъ мнѣ сына въ старости". Пресвитеръ Авраамъ, пробудившись отъ сна, разсказалъ видѣніе сіе своей супругѣ Саррѣ, и, воздавъ славу Богу, не медля переселились они въ названную весь. Весь сія отстояла недалеко отъ пустыни Нитрійской, и, какъ нужно думать, для того промыслъ Божій и переселилъ сюда родителей Макаріевыхъ, дабы имѣющему родиться у нихъ сыну удобнѣе было возлюбить пустынную жизнь. Когда Авраамъ пребывалъ съ своей супругою въ сей веси—Птинапарѣ, случилось заболѣть ему тяжкою болѣзнью, и онъ уже былъ близокъ къ смерти. Въ сіе время, лежа въ одну ночь на своей постели и немного заснувъ, увидѣлъ онъ видѣніе такое: показалось ему, что онъ видитъ Ангела Божія, который, вышедши изъ алтаря и подошедши къ нему, сказалъ: „Авраамъ, Авраамъ, встань съ постели твоей". Авраамъ отвѣчалъ: „болѣнъ я, господинъ, и не могу встать". Тогда Ангелъ ласково взявъ его за руку, тихимъ голосомъ сказалъ ему: „Богъ помиловалъ тебя,—отнимаетъ отъ тебя твою болѣзнь и даетъ тебѣ Свое благословеніе, ибо жена твоя Сарра родитъ тебѣ сына, который будетъ тезоименитъ блаженству, сдѣлается жилищемъ Святаго Духа, будетъ жить на землѣ какъ Ангелъ. и многіе чрезъ него приведутся къ Богу". Пробудившись въ семъ видѣніи, больной тотчасъ всего себя почувствовалъ здоровымъ, исполненный страха и радости всталъ, сталъ ходить и все видѣнное и слышанное отъ Ангела разсказалъ своей сожительницѣ Саррѣ. А что видѣніе то было истинное,—въ томъ увѣряло ихъ неожиданное выздоровленіе Авраама отъ тяжкой болѣзни, и оба вмѣстѣ возблагодарили они Бога, премилостиваго Благодѣтеля своего. Послѣ сего, Сарра зачала въ

старости своей и, когда пришло время, родила младенца мужескаго пола (около 301 г. по Р. Х.); родители назвали его Макаріемъ, что значитъ блаженный, и просвѣтили его святымъ крещеніемъ. Января 19.

Промыслъ Божій.

Инокъ, спасенный отъ смерти.

Въ житіи преп. Іоанна Лѣствичника (30 Марта) разсказывается:

Нѣкій инокъ, по имени Моисей, ревнуя добродѣтельной жизни преподобнаго Іоанна Лѣствичника, просилъ его, дабы тотъ принялъ его въ ученики къ себѣ: ибо желалъ научиться отъ него истинному любомудрію. За Моисея ходатайствовали предъ святымъ Іоанномъ нѣкоторые честные старцы, и Іоаннъ, убѣжденный симъ ходатайствомъ, принялъ къ себѣ Моисея въ сожители и ученики. Послѣ сего, сей великій отецъ повелѣлъ однажды Моисею копать въ одномъ мѣстѣ землю и носить ее въ огородъ для улучшенія въ немъ почвы. Моисей, пришедши на указанное мѣсто, безъ лѣности дѣлалъ приказанное; когда наступилъ полдень, а съ нимъ сильный солнечный жаръ, такъ какъ былъ Августъ мѣсяцъ, Моисей, уставши, вошелъ въ тѣнь подъ одинъ большой камень, легъ тамъ и заснулъ. И вотъ Господь, не желая ни въ чемъ опечаливать рабовъ Своихъ, по обычному благоутробію Своему, избавилъ Моисея отъ нечаянной смерти, а святаго Іоанна отъ печали. Ибо когда преподобный сидѣлъ въ келіи своей съ богомысленной молитвой и заснулъ легкимъ сномъ, то увидѣлъ нѣкоего явившагося ему священнолѣпнаго мужа, который, оговоривъ его за сей сонъ, сказалъ:

„такъ-ли, Іоаннъ, ты спишь безпечально, а Моисей—въ бѣдѣ“. При этихъ словахъ Іоаннъ пробудился и вооружился теплой молитвой объ ученикѣ своемъ. Затѣмъ, когда наступилъ вечеръ, и ученикъ возвратился отъ дѣла, старецъ спросилъ его, не случилось-ли съ нимъ чего нехорошаго. Ученикъ отвѣчалъ: „камень огромный едва не убилъ меня, и убилъ-бы непремѣнно, если-бы ты, отче, не позвалъ меня; ибо, когда я въ полдень уснулъ подъ нимъ, вдругъ услышалъ твой голосъ, зовущій меня, я поскорѣе выбѣжалъ изъ—подъ камня, и въ ту минуту камень упалъ“. Смиренномудрый Іоаннъ ни слова не сказалъ ученику о своемъ видѣніи, тайноже въ сердцѣ своемъ благодарною молитвою прославилъ благаго Бога.

Промышленіе Божіе объ обители преподобнаго Ѳеодосія Великаго.

Однажды, когда наступилъ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, ученики преподобнаго Ѳеодосія (¹), которыхъ въ то время было уже двѣнадцать, скорбѣли, что у нихъ не было чѣмъ питаться въ праздникъ,—ни хлѣба, ни масла и вообще ничего съѣстнаго, а что еще важнѣе—въ такой великій праздникъ не могла быть совершена у нихъ божественная литургія, поелику не было ни просфоръ, ни вина для служенія, такъ что они лишались и причащенія св. Таинъ. Посему, тайно роптали между собою на преподобнаго, а онъ, имѣя несомнѣнную надежду на Бога, повелѣлъ братіямъ благоукрасить божественный алтарь и быть безпечальными,—„питавшій древле въ пустынѣ Израиля, сказалъ онъ, и послѣ малыми хлѣбами насытившій многія тысячи,—

(¹) Умеръ близъ Іерусалима въ 529 г.

Тотъ промыслитъ и о насъ, поелику Онъ нынѣ не бѣднѣе силою, чѣмъ прежде, и не лѣнивѣе, но тотъ-же есть Богъ во вѣки". Съ твердой надеждой сказалъ сіе преподобный, и вскорѣ послѣдовало исполненіе словъ его. Какъ въ древности Аврааму предсталъ готовый для жертвы овенъ, такъ и сему блаженному старцу все нужное приготовлено было самимъ промысломъ Божіимъ: ибо когда заходило солнце, къ пещерѣ ихъ пришелъ нѣкій боголюбимый мужъ, на двухъ подводахъ привезшій различную пищу пустыннымъ постникамъ, а также просфоры и вино для совершенія божественной литургіи. Увидѣвъ сіе, ученики блаженнаго возрадовались и узнали, какую благодать у Бога имѣетъ старецъ ихъ. Затѣмъ, весело праздновали Пасху, а принесенной пищи хватило имъ на всю пятидесятницу. Послѣ, когда опять случилось въ обители оскудѣніе пищи, братія опять скорбѣли, мучимые голодомъ. Въ это время одинъ богатый мужъ творилъ многія милостыни всѣмъ обителямъ, которые были въ Палестинѣ, обходилъ только одну обитель Ѳеодосіеву, находившуюся въ пещерѣ, такъ какъ она ему была неизвѣстна. Братія Ѳеодосіевой обители просили старца сдѣлать и себя и ихъ извѣстными тому щедрому благотворителю, дабы и имъ получить отъ него, по примѣру прочихъ обителей, милостыню на пропитаніе. Но преподобный Ѳеодосій, не желая быть извѣстнымъ кому-либо изъ міряновъ и надѣясь не на людей, а на Бога, *отверзающаго руку свою и исполняющаго всякое животно благоволенія* (Пс. 144, 16), утѣшалъ учениковъ своихъ и поучалъ ихъ, дабы въ терпѣніи ожидали милости Божіей, уповая на Того, Который насыщаетъ всякую алчущую душу, ибо если Онъ дастъ пищу скотамъ безсловеснымъ и *птенцемъ врановымъ призывающимъ Его* (Пс. 146, 9),

то тѣмъ болѣе не лишитъ необходимой пищи словесную тварь Свою. Когда такимъ образомъ святой утѣшалъ свою малодушествующую братію, пришелъ къ нимъ нѣкто, ведя за собою животное, обремененное всякой пищей. Шелъ онъ не къ пещерѣ Ѳеодосіевой, а намѣренъ былъ отдать ту пищу гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ; но когда былъ близъ пещеры и хотѣлъ миновать ее, животное остановилось и не двигалось съ мѣста,— хотя и много было понуждаемо господиномъ своимъ, однако, какъ камень, неподвижно стояло на одномъ мѣстѣ. Тогда человѣкъ тотъ, уразумѣвши, что животное удерживается невидимою силою по волѣ Божіей, ослабилъ поводья и пустилъ идти, куда хочетъ; тогда животное, какъ-бы ведомое нѣкоей рукой, прямо пошло къ обители преподобнаго Ѳеодосія, бывшей въ пещерѣ. Познавъ изъ сего благоволеніе и промыслъ Божій о рабахъ Своихъ, человѣкъ тотъ отдалъ всю пищу преподобному старцу и ученикамъ его. И съ того времени, ученики святаго перестали малодушествовать и старались быть ревнителями твердой вѣры отца своего и надежды его на Бога. Января 11.

Обильная трапеза въ пустынѣ.

Преподобный Александръ, основатель обители неусыпающихъ [1], обратилъ ко Христу цѣлый языческій городъ и самаго начальника того города по имени Равула. Потомъ, когда нашелъ всѣхъ крестившихся уже довольно утвердившимися въ благочестіи, сказалъ имъ: „до сего времени вы питались молокомъ, а теперь вамъ слѣдуетъ отвѣдать уже и твердой пищи. Если кто изъ васъ хочетъ быть совершеннымъ въ жизни христіанской,

[1] Умеръ послѣ 431 года.

тотъ пусть послушаетъ словъ Христа, говорящаго: „продайте имѣнія, раздайте нищимъ и будете имѣть сокровище на небесахъ, не заботьтесь даже и о завтрашнемъ днѣ, но ищите царства Божія, а Отецъ небесный дастъ все нужное, ибо знаетъ, чего требуете“. Равулъ, услыша сіе, сказалъ: „я не могу быть столь совершеннымъ христіаниномъ, ибо если все продамъ и раздамъ, то кто пропитаетъ множество домашнихъ моихъ, и—какъ безъ заботы можетъ придти къ намъ то, что необходимо въ жизни? Если ты хочешь увѣрить меня въ томъ, докажи мнѣ то самымъ дѣломъ и хотя одинъ день пропитай безъ всякой заботы меня и весь домъ мой; но я знаю, что ты не можешь сдѣлать сего, будучи самъ нищимъ и даже для себя одного не имѣя на одинъ день пищи. И если ты не въ силахъ сдѣлать сего въ городѣ, то что сдѣлаешь въ пустынѣ, если мы, оставивъ все, пойдемъ за тобою“. Но святой, имѣя великое упованіе на Бога, смѣло сказалъ: „возьми, сколько хочешь, домашнихъ своихъ, также и друзей своихъ, кого знаешь, и веди цѣлый день въ какую-либо далекую отъ людей пустыню,—буду тутъ и я съ вами: пусть никто не беретъ съ собою ни малѣйшаго куска хлѣба или другой какой-либо пищи, и если Богъ не напитаетъ васъ какъ древле въ пустынѣ Израильтянъ, то не вѣрьте потомъ словамъ моимъ“. Равулъ согласился на это. И вотъ утромъ, вставши рано и взявши съ собою множество домашнихъ и друзей, пошелъ въ одну непроходимую пустыню, имѣя при себѣ и преподобнаго Александра и желая видѣть исполненіе словъ его на самомъ дѣлѣ. Когда прошелъ весь день и былъ уже одиннадцатый часъ, они остановились въ одномъ мѣстѣ между двумя горами, не имѣвшими ни дороги, ни слѣда какого-либо, и тогда святой Александръ, по обычаю

своему, сталъ совершать вечернее пѣніе, а Равулъ и дружина его, будучи голодны, ожидали, что будутъ ѣсть. Когда святой оканчивалъ свою молитву, они вдругъ увидѣли одного человѣка, какъ-бы изъ простыхъ поселянъ, который шелъ къ нимъ и велъ за собою скота, чрезъ верхъ обремененнаго всякой пищей,—тутъ были чистые и теплые хлѣбы и другія яства садовыя и огородныя. И сказалъ преподобный Равулу: „возьмите сію пищу, и не будьте невѣрны, но вѣрны". А тѣ съ радостью приняли, и удивлялся Равулъ съ своими друзьями: „откуда явился въ сію пустыню человѣкъ съ сею пищею?—мы цѣлый день шли, и то едва дошли до сего мѣста; ему необходимо было встать и выдти изъ дому въ полночь, чтобы дойти до сего мѣста. Но если онъ вышелъ даже и въ полночь, то какъ хлѣбы эти очутились теплыми, какъ бы только сейчасъ вынутые изъ печи". Удивляясь такимъ образомъ, онъ спросилъ человѣка: „откуда ты и кто послалъ тебя сюда?" —А тотъ отвѣчалъ: „господинъ мой послалъ вамъ сіе, дабы вы не были голодны". И когда Равулъ еще нѣчто хотѣлъ сказать человѣку тому, онъ вдругъ и со скотомъ своимъ сталъ невидимъ; ибо то былъ Ангелъ Божій, явившійся въ видѣ простаго человѣка. Тогда всѣ въ ужасѣ дивились сему и повѣрили словамъ преподобнаго, въ особенности-же словамъ евангельскимъ—Христовымъ, дабы тотъ, кто работаетъ Господу, не заботился, но полагался на промыслъ Божій.—Іюля 3.

Промышленіе Божіе объ обители преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго.

Къ преподобному Ѳеодосію Печерскому ([1]) пришелъ однажды экономъ его, по имени Анастасій, и

([1]) Умеръ въ 1074 г. по Р. Х.

сказалъ, что на слѣдующій день не на что купить необходимаго къ братской трапезѣ и на другія потребы. Преподобный отвѣчалъ ему: „теперь еще, какъ видишь, вечеръ и завтрашній день далеко, поэтому иди и немного потерпи, молясь Богу, Который позаботится о насъ и помилуетъ насъ, какъ Самъ хочетъ“. Выслушавъ сіе, экономъ ушелъ. А преподобный, вставши, тотчасъ пошелъ во внутреннюю келью пѣть свое обычное правило; но вотъ экономъ пришелъ во второй разъ, говоря то-же. Тогда преподобный сказалъ ему: „не сказалъ-ли я тебѣ: молись Богу, а завтра иди въ городъ и возьми взаймы у продавцевъ то, что нужно для братіи; послѣ отдадимъ по милости Божіей, ибо вѣренъ Онъ, говорящій: *не пецытеся на утрей* (Матѳ. 6, 34), не имать Богъ насъ оставити своею благодатію“. Когда экономъ вышелъ, вошелъ къ преподобному въ воинской одеждѣ свѣтлый отрокъ, положилъ на столъ гривну золота и тотчасъ, ничего не сказавши, вышелъ. А преподобный, вставши и взявши золото, помолился со слезами, благодаря Бога. Затѣмъ утромъ, призвавъ къ себѣ привратника, спрашивалъ его, не приходилъ-ли кто въ прошлую ночь къ воротамъ. Привратникъ отвѣчалъ: „нѣтъ, ибо какъ только сѣло солнце, тотчасъ ворота были затворены мною, и съ того времени я не отворялъ ихъ и никто не приходилъ къ нимъ“. Тогда преподобный, призвалъ эконома, отдалъ ему гривну золота, говоря: „что говоришь братъ Анастасій, что не имѣемъ на что купить братіи необходимое, но вотъ имѣешь золото, иди же и купи, что нужно“. Экономъ, уразумѣвъ благодать Божію, падши поклонился преподобному и просилъ у него прощенія. А преподобный далъ ему такое наставленіе: „никогда не отчаявайся, брате, но утверждайся въ вѣрѣ

и на Господа возложи всю печаль твою, ибо Онъ промышляетъ о насъ, какъ Ему бываетъ угодно. Иди и сотвори сегодня угощеніе для братіи, ибо сіе есть посѣщеніе Божіе, а когда оскудѣемъ, тогда Богъ опять попечется о насъ“.

Въ другой разъ пришелъ къ преподобному Ѳеодосію старшій надъ служителями пекарни и сказалъ ему, что у нихъ нѣтъ муки на хлѣбы для братіи. Преподобный отвѣчалъ: „иди и посмотри въ житницѣ, быть можетъ найдешь тамъ муки хотя немного, доколѣ Богъ снова попечется о насъ“. А тотъ отвѣчалъ преподобному: „правду говорю тебѣ, отче, я самъ мелъ закрома, въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что въ одномъ углу немного отрубей,—такъ горсти три или четыре“. Преподобный сказалъ ему: „повѣрь мнѣ, чадо, силенъ есть Богъ наполнить намъ закрома мукою изъ тѣхъ немногихъ отрубей, какъ при Иліи сотворилъ той вдовицѣ, которой изъ одной горсти содѣлалъ множество муки, такъ что она питалась съ дѣтьми своими во все то время, пока не окончился голодъ (3 Цар. 17, 12 и 15). И нынѣ тотъ же есть Богъ и силенъ сотворить и намъ также многое изъ немногаго; иди же и смотри, когда будетъ на томъ мѣстѣ благословеніе Божіе“. Выслушавъ сіе, братъ ушелъ и, пришедши въ житницу, увидѣлъ, что тѣ закрома, которые прежде были пусты, теперь, ради молитвъ преподобнаго Ѳеодосія, наполнены были мукою, такъ что она сыпалась даже чрезъ верхъ на землю. Видя сіе преславное чудо, инокъ пришелъ въ ужасъ, возвратился къ преподобному и разсказалъ ему о томъ. А преподобный сказалъ: „иди, брате, и не говори о семъ никому, но твори хлѣбы по обычаю, ибо это Богъ послалъ Свою

милость къ намъ по молитвамъ преподобныхъ братій нашихъ".—Мая 3.

Трапеза преподобнаго Онуфрія Великаго.

Преподобный Пафнутій спрашивалъ преподобнаго Онуфрія Великаго: (1) „отче святый, много ли подъялъ ты трудовъ въ первое время послѣ прихода своего въ сію пустыню?" Блаженный старецъ (предъ кончиной своей, по изволенію Божію) отвѣчалъ: „повѣрь мнѣ, возлюбленный братъ, такой трудъ подъялъ, что много разъ отчаявался въ жизни своей и уже *думалъ, что при смерти*. Ибо изнемогалъ отъ голода и жажды, не имѣя въ началѣ что ѣсть и пить, кромѣ того, развѣ найдешь когда какое либо растеніе пустынное,—оно было пищею для меня, а жаждѣ бывала прохлада только отъ росы небесной; днемъ былъ палимъ жаромъ солнечнымъ, а ночью померзалъ отъ холода, и тѣло мое дѣлалось мокрымъ отъ росы небесной и—чего не претерпѣлъ, какихъ трудовъ не подъялъ въ сей непроходимой пустынѣ? Невозможно и передать сихъ трудовъ и терпѣнія, не слѣдуетъ и обнаруживать то, что человѣкъ долженъ творить наединѣ ради любви Божіей. Тогда благій Богъ, видя меня, всецѣло отдавшагося постническимъ подвигамъ и предавшаго свою душу голоду и жаждѣ, повелѣлъ Святому Ангелу Своему заботиться обо мнѣ и приносить мнѣ, для укрѣпленія тѣла моего, немного хлѣба и немного воды: такимъ образомъ питаемъ былъ отъ Ангела тридцать лѣтъ, по прошествіи коихъ Богъ, для утѣшенія моего, устроилъ мнѣ еще обильнѣйшее пропитаніе: близъ пещеры моей явился финикъ (дерево), имѣвшій двѣнад-

(1) Жилъ въ Египтѣ въ IV вѣкѣ.

цать вѣтвей, и каждая вѣтвь въ свой мѣсяцъ приноситъ плоды свои, одна въ этотъ мѣсяцъ, а другая въ другой, пока не пройдутъ всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ. Когда оканчивается мѣсяцъ, тогда оканчиваются и плоды одной вѣтви, и когда наступаетъ другой мѣсяцъ, тогда являются плоды на другой вѣтви. По повелѣнію Божію явился также и небольшой источникъ ключевой воды. Въ такомъ изобиліи вотъ проходятъ уже другія тридцать лѣтъ,—иногда ѣмъ хлѣбъ, приносимый Ангеломъ, а иногда вкушаю отъ плодовъ финиковыхъ съ растеніемъ пустыннымъ, которое, по повелѣнію Божію, сдѣлалось для меня сладкимъ, какъ медъ, и, благодаря Бога, пью ключевую воду изъ источника. Въ особенности-же сладко питаюсь отъ слова Божія, какъ пишется: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ.* (Мо. 4, 4). Ибо если, брате Пафнутіе, постараешься совершать волю Господа Бога, все необходимо для тебя пошлется отъ Него, ибо говоритъ въ Святомъ Своемъ Евангеліи: *не пецытеся глаголюще, что ямы, или что піемъ, или чимъ одеждемся; всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ: вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ. Ищите же прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мо. 6, 31 и 32)". Когда преподобный Онуфрій говорилъ это, я, Пафнутій, удивлялся дивной жизни его. И спросилъ его опять, говоря: „откуда, отче, ты причащаешься въ субботу и въ воскресенье пречистыхъ Таинъ Христовыхъ?" Онъ сказалъ мнѣ: „Ангелъ Господень приходитъ ко мнѣ, приноситъ пречистыя Тайны Христовы и причащаетъ меня. И не къ одному ко мнѣ приходитъ Ангелъ съ божественнымъ причащеніемъ, но и къ прочимъ, ради Бога живущимъ въ пустынѣ и не видя-

щимъ лица человѣческаго, причащая которыхъ, исполняетъ невыразимаго веселія. Если же кто изъ нихъ пожелаетъ видѣть человѣка, того Ангелъ беретъ и возноситъ на небеса, дабы увидѣлъ святыхъ и возвеселился; тогда просвѣщается, какъ свѣтъ, душа того человѣка и онъ радуется, что сподобился видѣть духомъ красоты небесныя и забываетъ всѣ труды свои, подъятыя въ пустынѣ. Возвращенный затѣмъ на свое мѣсто, начинаетъ еще усерднѣе работать Богу, надѣясь получить въ вѣчное обладаніе то, что удостоился видѣть на небесахъ". Все это преподобный Онуфрій повѣдалъ мнѣ, Пафнутію, подъ горою, гдѣ я встрѣтился съ нимъ. Великой радости исполнился я отъ сей бесѣды преподобнаго, такъ что забылъ всѣ труды свои, подъятые въ путешествіи съ голодомъ и жаждой. Укрѣпившись духомъ и тѣломъ, сказалъ: „блаженъ, сподобившійся видѣть тебя, святый отче, и слышать прекрасныя и сладкія слова твои!" А онъ отвѣчалъ мнѣ: „время уже встать намъ, брате, и идти къ моему обиталищу", и, вставши, пошли. Но я все не переставалъ удивляться благодати преподобнаго старца. Прошедши нѣсколько, пришли мы къ честной пещерѣ святаго, и стоялъ тамъ близъ нея довольно большой финикъ и протекалъ небольшой источникъ ключевой воды. Остановившись у пещеры, преподобный помолился; потомъ, окончивъ молитву и сказавъ „аминь". сѣлъ и мнѣ велѣлъ сѣсть съ собою, и, сидя, бесѣдовали, повѣдая другъ другу дѣла Божіи. Когда-же солнце склонилось къ западу и день оканчивался, увидѣлъ я лежащій предъ нами чистый хлѣбъ и приготовленную воду. И сказалъ мнѣ тотъ блаженный мужъ: „вкуси, брате, предлежащаго хлѣба и воды, дабы укрѣпиться, ибо я вижу, что ты изнемогъ отъ голода и жажды

и отъ далекаго пути". Но я сказалъ ему: „живъ Господь мой, не стану ѣсть и пить одинъ, а оба вмѣстѣ". Старецъ не хотѣлъ вкусить, я-же долго просилъ его и едва упросилъ; взявши хлѣбъ, разломили его, ѣли и насытились, такъ что остались и остатки отъ хлѣба, пили воду, благодаря Бога, и провели ту ночь въ молитвѣ.—Іюня 12.

Чудесное избраніе царя.

Елезвой, царь еѳіопскій, по совѣту греческаго царя Іустина, пошелъ войною на омиритскаго царя —жидовина Дунаана, гнавшаго христіанъ въ своемъ царствѣ. Побѣдивши Дунаана и покоривши себѣ царство омиритское, Елезвой вознамѣрился возвратиться на свой престолъ въ Еѳіопію, а обитателямъ страны омиритской избрать новаго царя вмѣсто убитаго Дунаана. Для сего, призвавъ къ себѣ Григорія, архіепископа омиритскаго [1], вельможъ, князей, бояръ и совѣтниковъ, совѣтовался съ ними, кого-бы избрать и помазать имъ на царство омиритское,—мужа благовѣрнаго и разумнаго, кроткаго и богобоязненнаго. Всѣ совѣтники сказали царю: „поставь царемъ того, кого знаетъ твое величество, кого откроетъ тебѣ Богъ; среди-же насъ нѣтъ никого, подобнаго тебѣ разумомъ и достойнаго царскаго вѣнца". А царь, посмотрѣвъ на архіепископа, сказалъ: „это дѣло твое, честной отче и учителю нашъ, вотъ всѣ предъ лицомъ твоимъ—и князья, и вельможи, и воины, малые и великіе, *кого хочешь, того, призвавъ* во имя Господа нашего Іисуса Христа, и помажь на царство; ибо всѣ мы,

[1] Ум. ок. 552 г.

которые пришли изъ Еѳіопіи, желаемъ, если то будетъ угодно Богу, возвратиться къ себѣ (въ свою страну)". Святой архіепископъ отвѣчалъ: „премудро разсудилъ ты, благочестивый царь, ибо какъ сердце твое въ руцѣ Божіей, такъ и слово твое дано тебѣ отъ Бога-же. Ибо прекрасно всегда о всякомъ дѣлѣ вопрошать сначала Отца нашего, Который на небесахъ, и потомъ, какъ повелитъ Онъ, такъ и поступать". Сказавши сіе, онъ всталъ съ своего мѣста и, немного отошедши, преклонилъ колѣна свои на молитву. Возведши къ небу свой умъ и очи и поднявъ руки, онъ долго и усердно молился, дабы Самъ Богъ, вѣдущій мысль и жизнь каждаго человѣка, явилъ мужа, достойнаго власти царской. И вотъ, когда онъ молился такимъ образомъ, внезапно невидимая сила Божія подняла на воздухъ нѣкоего мужа, по имени Аврамія, достойнаго власти царя, и поставила предъ царемъ Елезвоемъ. Видя это, всѣ въ ужасѣ взывали: „Господи помилуй", а архіепископъ сказалъ: „вотъ, кого требовали помазать на царство,—сего и оставьте царемъ здѣсь, и будемъ мы вмѣстѣ съ нимъ одно, какъ Господь благопоспѣшитъ намъ". Была тогда всѣмъ большая радость о семъ промышленіи Божіемъ. Затѣмъ, царь Елезвой, взявъ явленнаго Богомъ мужа Аврамія, повелъ его въ соборную церковь Пресвятой Троицы въ царствующемъ градѣ Афарѣ, облекъ въ царскую порфиру и возложилъ діадиму на главу его, а святымъ Григоріемъ совершено было царское помазаніе и принесена была за царей и за всѣхъ людей безкровная жертва, во время коей оба царя пріобщились изъ рукъ архіепископа божественныхъ Таинъ.— Декабря 19.

Чудесное избраніе св. Епифанія на кипрскій архіепископскій престолъ.

Св. Епифаній, посѣтивъ спасавшагося на островѣ Кипрѣ преп. Иларіона Великаго, хотѣлъ отплыть оттуда въ городъ Аскалонъ. Но корабль, на которомъ отплылъ въ Аскалонъ Епифаній, былъ принесенъ бурею снова къ берегамъ кипрскимъ и именно присталъ близъ кипрскаго города Саламины или иначе—Констанціи Кипрской. Въ это время въ Саламинѣ былъ соборъ епископовъ ради избранія новаго архіепископа на мѣсто умершаго. Нѣсколько дней епископы возносили молитвы къ Богу, дабы Онъ Самъ явилъ имъ мужа, достойнаго сего сана. Между ними былъ одинъ епископъ старѣйшій, уже пятьдесятъ лѣтъ прослужившій въ санѣ епископа, по имени Паппій,—мужъ святой и прозорливый, который сподобился и пострадать за Христа, будучи схваченъ отъ нечестивыхъ вмѣстѣ съ архіепископомъ саламинскимъ Геласіемъ, но, по многихъ мукахъ, былъ отпущенъ живымъ. Всѣ епископы кипрскіе имѣли его себѣ вмѣсто отца и почитали какъ исповѣдника и мученика Христова. Сему-то старцу-епископу было открыто отъ Бога о пришедшемъ въ городъ Саламину инокѣ Епифаніѣ и повелѣно было, взявъ его, посвятить во архіепископа тому городу. Въ ту пору было время осеннее и происходило снятіе винограда. И вотъ Епифаній сказалъ ученикамъ своимъ (Іоанну и Полувію, съ которыми путешествовалъ): „пойдемъ-те, чада, въ городъ и купимъ себѣ винограду на дорогу (ибо намѣренъ былъ вскорѣ отплыть оттуда)“, и пошли на торжище. Подошедши къ продавцу винограда и взявъ въ руки двѣ большія виноградныя кисти, Епифаній спросилъ: чего стоитъ сіе? Вдругъ сказали, что идутъ епископы. Оглянув-

шись, Епифаній увидѣлъ идущаго стараго епископа Паппія, поддерживаемаго двумя діаконами, послику уже изнемогалъ отъ старости, и съ нимъ—трехъ другихъ епископовъ. Епифаній, забывшись, держалъ въ рукахъ виноградъ и, смотря па епископовъ, удивлялся, что они такъ просто идутъ къ нему. Блаженный Паппій, увидѣвъ преподобнаго Епифанія, позналъ его Духомъ Святымъ и сказалъ: „авво (отче) Епифаніе, оставь виноградъ и иди съ нами въ святую церковь". Епифаній, вспомнивъ слова Давида: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Пс. 121, 1),—оставивъ виноградъ, пошелъ съ епископами. Вошедши въ церковь, онъ увидѣлъ соборъ епископовъ, которые сказали ему: „Богъ послалъ къ намъ тебя, авва, дабы ты былъ архіепископомъ сему граду и всему Кипрскому острову". Но Епифаній отказывался, называя себя грѣшнымъ и недостойнымъ столь высокаго сана. Епископы-же, не слушая его извиненій, начали посвящать его въ санъ священническій. И плакалъ преподобный, почитая тяжелымъ для себя то посвященіе, а бремя святительства неудобь носимымъ. Тогда святой епископъ Паппій сказалъ ему: „намъ слѣдовало молчать, чадо, о бывшемъ намъ о тебѣ откровеніи, но послику я вижу тебя скорбящимъ и плачущимъ, то уже мнѣ необходимо возвѣстить тебѣ то, что Богъ благоволилъ открыть намъ. Сіи собравшіеся здѣсь святые отцы-епископы избраніе архіепископа возложили на мое недостоинство, сказавъ мнѣ грѣшному: прилежно помолись ты Богу, и вѣруемъ, что Онъ явитъ тебѣ мужа, достойнаго архіепископства. Затворившись въ своей ложницѣ, я молилъ о томъ Владыку Спасителя, и вдругъ, подобно молніи, облисталъ меня свѣтъ, и я услышалъ голосъ, говорящій ко мнѣ грѣшному: Пап-

шій, Паппій, слушай. А я, испугавшись, спросилъ: что велишь, Господи мой? Тогда голосъ отвѣчалъ мнѣ: встань и иди на торгъ, тамъ ты увидишь инока, покупающаго виноградныя кисти, лицомъ и головой похожаго на пророка Елисея и имѣющаго при себѣ двоихъ учениковъ. Взявши того, посвятите въ санъ архіепископа, а имя тому иноку—Епифаній. И я, вставши, исполнилъ то, что мнѣ было повелѣно, посему ты, чадо, не противься изволенію Божію, но внимай стаду, въ которомъ Духъ Святый поставляетъ тебя епископомъ". Послѣ сего, Епифаній, падши, поклонился святому епископу Паппію, повиновался волѣ Господней и принялъ посвященіе въ санъ архіепископа саламинскаго.—Мая 12.

Чудесное избраніе св. Григорія во епископа акрагантійскаго.

Святой Григорій ([1]), бывшій впослѣдствіи епископомъ города Акрагана (въ Сициліи), родился неподалеку отъ сего города, въ немъ-же получилъ первоначальное воспитаніе и поставленъ былъ чтецомъ. Затѣмъ, путешествовалъ въ Карѳагенъ и жилъ нѣкоторое время въ Іерусалимѣ при патріархѣ Макаріѣ, которымъ посвященъ былъ въ санъ діакона. Отсюда св. Григорій путешествовалъ въ Римъ и посѣтилъ монастырь св. Саввы. Въ это самое время скончался въ Акраганѣ епископъ Ѳеодоръ, и по случаю избранія новаго епископа было большое несогласіе между жителями: одни избирали на епископство Савина пресвитера, другіе Крискента, иные Евпла, который былъ тогда архидіакономъ, а прочіе возлагали избраніе епископа на волю Божію, говоря: кого Богъ дастъ, тотъ

([1]) Ум. въ концѣ VI или въ началѣ VII вѣка.

пусть и будетъ у насъ епископомъ. По сему поводу церковные старѣйшины, начальники города и многіе изъ гражданъ, собравшись, пришли въ Римъ къ папѣ (между ними былъ и Харитонъ, отецъ Григорія) и раздѣлились на три части: одни стали съ Савиномъ, другіе съ Крискентомъ, а третьи съ Евиломъ и Харитономъ. Одни сего, другіе другаго просили у папы, архидіаконъ-же Евилъ съ Харитономъ и съ прочими сказали папѣ: „кого Самъ Богъ откроетъ твоей святынѣ, того и поставь намъ епископомъ". Видя такое несогласіе и распрю между избирающими, папа отослалъ ихъ отъ себя. Когда онъ печалился о семъ, явились ему ночью въ видѣніи два честные мужа въ образѣ апостоловъ и сказали: „зачѣмъ скорбишь о несогласіи людей акрагантійскихъ, ибо приведенные ими недостойны епископскаго сана. Но есть въ семъ городѣ странствующій человѣкъ, по имени Григорій, который, пришедши сюда, обиталъ сначала въ монастырѣ св. Саввы, а теперь, услыхавъ о прибытіи сюда гражданъ акрагантійскихъ, бѣжалъ изъ сего монастыря и укрывается въ монастырѣ св. Меркурія,—его призови и поставь епископомъ Акрагану, ибо городъ сей нуждается въ такомъ человѣкѣ, на которомъ почиваетъ Духъ Божій". Сказавши это, мужи тѣ стали невидимы. Пробудившись отъ видѣнія, папа призвалъ къ себѣ церковныхъ старѣйшинъ и Авву Марка (съ которымъ св. Григорій путешествовалъ въ Іерусалимъ) и разсказалъ имъ о своемъ видѣніи. Затѣмъ послалъ двухъ епископовъ съ церковниками отыскать св. Григорія и съ честію привести его къ нему. Епископы, пришедши въ монастырь, спрашивали: „гдѣ тотъ странникъ, который обиталъ здѣсь?" Черноризцы отвѣчали: „за два дня предъ симъ онъ ушелъ въ монас-

тырь св. Меркурія“. Они пошли туда. А св. Григорій, вышедши изъ монастыря, ибо хотѣлъ идти въ другое мѣсто, издали увидѣлъ шедшихъ епископовъ и узналъ ихъ, такъ какъ ранѣе видѣлъ ихъ на соборѣ (пятомъ вселенскомъ) въ Царьградѣ. Познавъ духомъ, что епископы идутъ за нимъ, онъ убѣжалъ въ монастырскій садъ и скрылся. Епископы, пришедши въ монастырь, спрашивали о Григоріѣ, а иноки отвѣчали: „сегодня былъ здѣсь какой-то странникъ, но не знаемъ, куда вышелъ“. Епископы, призвавъ игумена, строго требовали отъ него Григорія, говоря: „если ты тотчасъ не поставишь предъ нами того странствующаго человѣка, то повиненъ будешь большому наказанію“. Игуменъ просилъ ихъ немного подождать, а самъ пошелъ искать Григорія. Нашедши его скрывшимся въ саду въ зелени, схватилъ его съ гнѣвомъ и сказалъ: „откуда пришелъ ты сюда, человѣкъ, какіе грѣхи твои и что ты сдѣлалъ, что столь честные мужи ищутъ тебя? Ты навелъ бѣду на монастырь нашъ, иди-же и отвѣчай за свои грѣхи“. Блаженный Григорій не отвѣчалъ ему на сіе ни одного слова, но молча пошелъ. Когда приведенъ былъ къ епископамъ, они тотчасъ узнали его, ибо видѣли на соборѣ, какъ онъ былъ хвалимъ отъ всѣхъ отцевъ и почитаемъ отъ царя. Посему, вставши, поклонились ему и любезно обнимали его. Онъ-же палъ къ ногамъ ихъ, говоря: „простите меня, отцы святые, ибо я грѣшенъ, зачѣмъ ищете мое недостоинство?“ А они, поднявши его съ земли, сказали: „святѣйшій отецъ папа зоветъ тебя къ себѣ“. Тогда игуменъ удивился, видя сколько почитаемъ былъ отъ епископовъ Григорій, котораго самъ онъ считалъ грѣшникомъ, и ужасался. Взявши Григорія, епископы съ честію повели его къ папѣ. Когда Григорій вошелъ

къ папѣ и до земли поклонился ему. папа сказалъ: „хорошо сдѣлалъ, что пришелъ къ намъ, чадо Григорій; благословенъ Богъ, явившій намъ тебя“. И вставши, цѣловалъ его цѣлованіемъ святымъ, потомъ сказалъ: „чадо Григорій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ призываетъ тебя на епископство Церкви своей, которая въ Акраганѣ, дабы чрезъ тебя спаслись жители сего города“. А Григорій отвѣчалъ: „прости меня, Владыко, я недостоинъ такого сана“. Папа сказалъ: „не будь ослушникомъ, чадо, но бойся Бога и вспомни, что непослушаніемъ многіе прогнѣвали Вышняго“. Григорій отвѣчалъ: „дай нѣсколько времени рабу твоему, честнѣйшій отче, на размышленіе и тогда я дамъ отвѣтъ твоей святынѣ“; папа согласился на сіе и поручилъ его на время аввѣ Марку. Григорій, увидѣвъ Марка, весьма обрадовался и припалъ къ ногамъ его со слезами, говоря: „благодарю Бога, что Онъ сподобилъ меня въ жизни сей видѣть любимаго отца моего“. Тогда авва Маркъ пошелъ съ нимъ въ гостинницу, и всю ночь провели они безъ сна, упражняясь въ духовной бесѣдѣ. Григорій хотѣлъ бѣжать въ Испанію, а асобенно когда узналъ, что пришелъ въ Римъ и отецъ его Харитонъ. Но авва Маркъ удержалъ его, говоря: „чадо, не прогнѣвай Бога и вмѣсто благословенія отъ Бога не наведи на себя Его проклятія“; послѣ сего Григорій замолчалъ. Затѣмъ, папа, призвавъ къ себѣ акрагантянъ, спросилъ ихъ: „избрали-ли вы единогласно кого-либо изъ среды своей на епископство городу вашему?“ Но они молчали. А архидіаконъ Евплъ съ Харитономъ сказали: „мы, владыко, не имѣемъ ничего отвѣтить тебѣ, ибо положились на Бога и на твои святыя молитвы, и кого Богъ откроетъ тебѣ, того

дай намъ, а мы съ любовію примемъ его". Папа-же, смотря на Харитона, отъ сходства лица его съ лицомъ Григорія уразумѣлъ, что онъ отецъ Григоріевъ. Потомъ сказалъ: „пойдемъ-те въ церковь и помолимся Богу, дабы явилъ намъ, кого Онъ Самъ почитаетъ достойнымъ сего сана". И вотъ, когда папа съ епископами и со всѣмъ клиромъ возносилъ молитвы свои въ церкви святыхъ верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, гдѣ былъ и Григорій, вдругъ явился голубь, летающій надъ святымъ престоломъ, и сѣлъ на головѣ св. Григорія,—всѣ ужаснулись тогда сему преславному чуду. А папа сказалъ: „вотъ Богъ явилъ намъ кого находитъ Онъ достойнымъ епископскаго сана", и посвятилъ Григорія во епископа церкви акрагантійской; граждане-же акрагантійскіе возрадовались о немъ и возлюбили его, какъ избраннаго Самимъ Богомъ. Харитонъ, узнавъ сына, весьма благодарилъ Бога, что сподобилъ его видѣть сына въ живыхъ и въ такомъ санѣ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, граждане акрагантійскіе, получивъ благословеніе отъ папы, съ новопоставленнымъ епископомъ своимъ возвратились въ свой городъ.—Ноября 23.

Чудесное избраніе на епископство преподобнаго Нифонта.

Когда преподобный Нифонтъ приближался уже къ старости, приспѣло время его святительства, которое предвозвѣщено ему было отъ Бога въ слѣдующемъ видѣніи: представилось ему нѣкоторое мѣсто, а на немъ множество овецъ—до тысячи тысячъ, пастыря-же при нихъ не было. Когда, потомъ, блаженный размышлялъ въ себѣ—не убоятся-ли волка сіи овцы, ходя безъ пастыря—вдругъ явился ему святолѣпный мужъ, подобный святому Апостолу Павлу, и сказалъ: „что

стоишь, смотря на царскихъ овецъ, и почему, будучи свободенъ, не пасешь ихъ?“ Блаженный Нифонтъ отвѣчалъ: „какъ я буду пасти царскихъ овецъ, будучи ненаученъ такому дѣлу и весьма немощенъ“. А явившійся сказалъ: „Царь повелѣваетъ тебѣ попасти ихъ недолго, затѣмъ, почивъ, получишь великую награду“; сказавъ сіе, далъ ему жезлъ, вручилъ ему овецъ и ограду и ушелъ. Пробудившись, блаженный размышлялъ, что̀ бы значило видѣніе сіе, и уразумѣлъ, что явившійся былъ святой Апостолъ Павелъ, овцы—люди, а ограда—церковь, и весьма убоялся, какъ-бы не поставили его епископомъ царскому граду, гдѣ въ то время, по Митрофанѣ, былъ епископомъ Александръ. И Нифонтъ сказалъ самъ себѣ: „такъ-то я умолилъ Бога, дабы не быть мнѣ начальникомъ ни надъ кѣмъ.... и вотъ хочетъ даровать мнѣ власть. Сдѣлаю же такъ, какъ Іона,—убѣгу отсюда“. Взявши съ собою ученика своего, вышелъ изъ келліи своей и вошелъ въ корабль. При благопріятномъ вѣтрѣ корабль скоро пришелъ въ Александрію, гдѣ тогда былъ епископъ Александръ (5-й послѣ Петра, пострадавшаго при Діоклитіанѣ). Въ тотъ самый день пришли въ Александрію люди съ острова Кипра изъ города, называемаго Констанція, и просили архіепископа Александра, дабы онъ поставилъ имъ епископомъ того, кого находитъ достойнымъ самъ, ибо скончался ихъ пастырь Христофоръ, мужъ честный и святой. Архіепископъ сказалъ имъ: „подождите немного, пока Богъ явитъ такого человѣка“. И въ ту ночь архіепископъ увидѣлъ святаго Апостола Павла, сказавшаго ему: „кого ты поставишь епископомъ городу Констанціи?“ Архіепископъ отвѣчалъ: „я не знаю, но кого изволитъ Богъ“. Явившійся сказалъ: „Богъ явитъ тебѣ достойнаго,

только ты со всѣмъ клиромъ своимъ будь завтра въ церкви и смотри на входящихъ: кого увидишь похожаго во всемъ на меня, тому и вручи паству". Когда наступило утро, патріархъ пришелъ въ церковь и смотрѣлъ, кто изъ входящихъ будетъ подобенъ явившемуся. А Нифонтъ, ничего не зная, пошелъ въ церковь и дорогою сказалъ ученику своему: „ощущаю на сердцѣ какую-то печаль и вмѣстѣ радость, ужъ не имѣетъ ли быть съ нами что либо особенное", и съ этими словами вошелъ въ церковь. Архіепископъ (1), увидѣвъ его, сказалъ архидіакону своему: „посмотри, Афанасій, сей человѣкъ похожъ лицемъ на изображеніе св. Апостола Павла." Архидіаконъ отвѣчалъ: „воистинну такъ, онъ и достоинъ пасти церковь Христову, ибо я вижу идущаго и бесѣдующаго съ нимъ Ангела Божія, притомъ-же на головѣ видится вѣнецъ изъ камней честныхъ". Тогда архіепископъ, подозвавши къ себѣ святаго Нифонта, поцѣловалъ его, и они сѣли. А архидіаконъ, улыбаясь, сказалъ Нифонту: „Отчего бѣгалъ ты, отче, на то невольно пришелъ нынѣ". Блаженный, догадавшись, что имѣетъ съ нимъ быть, вздохнулъ и сказалъ: „о, горе мнѣ, что такая власть имѣетъ быть дана мнѣ, недостойному и грѣшному!" Архіепископъ отвѣчалъ на это: „о, если бы и я былъ также недостоинъ!" Сказавши это, всталъ и, начавъ божественную литургію, посвятилъ преподобнаго Нифонта въ степень клирика, какъ слѣдуетъ по чину, затѣмъ чрезъ нѣсколько дней—въ діакона и пресвитера, потомъ и въ санъ архіерейскій, къ общей радости всѣхъ людей о такомъ, явленномъ отъ Бога, пастырѣ. Дек. 23.

---

(1) Онъ же называется здѣсь и патріархомъ.

Чудесное избраніе на епископство святителя и чудотворца Николая.

Святой Николай чудотворецъ (1) родился въ городѣ Патарѣ, въ странѣ Ликійской. Здѣсь, въ домѣ родителей, онъ получилъ воспитаніе и былъ посвященъ въ санъ пресвитера. Затѣмъ путешествовалъ къ святымъ мѣстамъ въ Палестину, а по возвращеніи въ отечество, поселился въ монастырѣ, называемомъ Сіонъ, гдѣ намѣренъ былъ провести и всю остальную жизнь свою. Но Богъ указалъ ему другой путь жизни. Однажды святой Николай, стоя на молитвѣ, услышалъ голосъ свыше: „Николай, тебѣ необходимо войти въ народный подвигъ, если ты желаешь быть вѣнчанъ отъ меня". Услышавъ сей голосъ, святой Николай ужаснулся и размышлялъ, чего желаетъ и требуетъ отъ меня голосъ тотъ. Затѣмъ, снова слышалъ голосъ, говорящій: „Николай, не та это нива, на которой ты имѣешь принести ожидаемый мною плодъ, но обратись къ людямъ, да прославится въ тебѣ имя Мое". Послѣ сего, святой Николай понялъ волю Божію, дабы, оставивъ безмолвіе, шелъ онъ послужить человѣческому спасенію. Размысливъ, куда ему идти,—въ свой ли городъ Патару, въ которомъ родился, или въ другое мѣсто, онъ (боясь и бѣгая тщетной славы человѣческой въ родномъ городѣ) рѣшился идти въ другой городъ, въ которомъ бы никто не зналъ его. Въ той же Ликійской сторонѣ былъ преславный городъ, называемый Мира (или Миры), митрополія всей Ликіи; въ сей-то городъ и пришелъ святой Николай, ведомый промысломъ Божіимъ. Здѣсь никто не зналъ его, и онъ, какъ одинъ изъ нищихъ, не имѣлъ гдѣ головы

(1) Ум. ок. пол. IV вѣка.

преклонить, имѣя одно пристанище—Бога и святой храмъ Его. Въ сіе время скончался архіерей того города Іоаннъ, архіепископъ и первопрестольникъ всей страны Ликійской, и собрались въ Миры всѣ епископы той страны, дабы избрать на мирскій архіепископскій престолъ достойнаго мужа. Когда были называемы и избираемы многіе честные и благоразумные мужи, и было большое несогласіе при избраніи, нѣкоторые, одушевляемые божественною ревностію, сказали, что дѣло то не есть дѣло человѣческаго избранія, но воли Божіей, и потому необходимо быть молитвѣ о томъ, дабы Самъ Господь явилъ того, кто достоинъ принять на себя такой санъ и быть пастыремъ всей стороны Ликійской. Всѣ согласились съ симъ добрымъ предложеніемъ и обратились къ усердной молитвѣ и посту. И Господь, творящій волю боящихся Его и слушающій молитвы ихъ, одному изъ тѣхъ епископовъ—старѣйшему, открылъ свою волю такимъ образомъ: когда старецъ сей стоялъ на молитвѣ, явился ему свѣтлый мужъ, повелѣвавшій, дабы онъ шелъ ночью въ церковь и, ставши у церковныхъ дверей, наблюдалъ: „кто прежде всѣхъ войдетъ въ церковь, тотъ, сказалъ мужъ, и есть движимый Моимъ Духомъ, и, взявъ его, поставьте честно архіепископомъ, имя-же ему—Николай“. Увидѣвъ такое божественное видѣніе и услышавъ повелѣніе, старецъ-епископъ разсказалъ о семъ прочимъ епископамъ, а тѣ, узнавъ о семъ, обратились къ молитвѣ еще съ большимъ усердіемъ. Епископъ, удостоившійся откровенія, сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ему было велѣно, и ждалъ прихода указаннаго мужа. Когда наступило время утрени, святой Николай ранѣе всѣхъ пришелъ въ церковь, ибо у него былъ обычай въ полночь вставать на молитву и

прежде всѣхъ приходитъ въ церковь къ утреннему богослуженію. Едва онъ вошелъ въ притворъ, какъ епископъ, которому было видѣніе, остановилъ его и спросилъ: „какъ ты называешься, чадо?“ Но святой молчалъ. Епископъ снова спросилъ его, и онъ тихо и кротко отвѣчалъ: „Николай называюсь, владыко, рабъ твоей святыни“. А божественный мужъ тотъ, услышавъ сіи кроткія и смиренныя слова, частію изъ имени, предсказаннаго ему въ видѣніи, что Николай называется, частію изъ смиренія, ибо тихо и кротко отвѣчалъ, уразумѣлъ, что онъ есть именно тотъ, кому Богъ благоволитъ быть первопрестольникомъ церкви мирской. Ибо онъ, епископъ, не незналъ, на кого призираетъ Господь,—*на кроткаго* (говоритъ писаніе) *и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. 66, 2) и весьма возрадовался, какъ бы получивъ нѣкоторое тайное сокровище. И тотчасъ взялъ его за руку, говоря: „иди за мной, чадо“, и съ честію привелъ его къ епископамъ. А тѣ, исполнившись божественной сладости и духовнаго утѣшенія объ обрѣтеніи показаннаго Богомъ мужа, вывели его на средину церкви. Когда прошелъ о семъ слухъ въ городѣ, весьма скоро собралось безчисленное множество народа. Епископъ же, видѣвшій видѣніе, сказалъ всѣмъ громко: „примите, братія, своего пастыря, котораго помазалъ вамъ Духъ Святый,—которому вполнѣ вручилъ попеченіе о душахъ вашихъ и котораго поставило не человѣческое собраніе, но судъ Божій. Вотъ, кого желали, того нынѣ имѣемъ, и кого искали, того нынѣ нашли и приняли; пасомые и наставляемые имъ, не лишимся надежды, дабы смѣло предстать Богу въ день его явленія и откровенія“. Тогда народное множество воздало благодареніе Богу и несказанно радовалось, а свя-

той Николай отрицался принять санъ сей, не терпя славы человѣческой; однако, упрошенный всѣмъ соборомъ мірянъ и клириковъ и не желая взошелъ на престолъ архіерейскій, кромѣ сего, убѣжденъ былъ къ тому еще и видѣніемъ, которое видѣлъ прежде смерти архіепископа, о чемъ Меѳодій, патріархъ цареградскій, пишетъ такъ: Въ одну ночь святой Николай видѣлъ стоящаго близъ него въ славѣ Спасителя нашего, подавшаго ему Евангельскую книгу, украшенную золотомъ и маргаритами, а на другой сторонѣ видѣлъ Богородицу, возложившую ему на плечи святительскій омофоръ. Прошло нѣсколько дней послѣ сего, и скончался Іоаннъ, архіепископъ мирскій, и на его мѣсто поставленъ былъ Николай. Припоминая сіе видѣніе и ясно видя волю Божію, къ тому же не презирая моленія соборнаго, святой Николай и согласился принять санъ архіерейскій. А священный соборъ—епископы и клирики, совершивши надъ нимъ все подобающее посвященію, сотворили радостный праздникъ, веселясь о богоданномъ пастырѣ своемъ, святителѣ Христовомъ Николаѣ.—Дек. 6.

Чудесное избраніе святаго Амвросія во епископа Медіоланскаго.

Святой Амвросій (1), тезоименитый „сладости“, родился отъ родителей благородныхъ: отецъ его, по имени Амвросій, былъ начальникомъ (анѳипатомъ) Галліи; любя своего сына, онъ назвалъ его своимъ-же именемъ. Каковая имѣла быть „сладость“ Церкви Христовой отъ святаго Амвросія,—сіе предзнаменовано было тогда, когда Амвросій былъ еще младенцемъ: такъ

(1) Жилъ въ IV в. и умеръ въ 397 году.

однажды, когда онъ спалъ внѣ дома съ открытыми устами, внезапно прилетѣлъ рой пчелъ, сѣлъ на немъ, покрылъ лицо его и уста,—видно было даже, что пчелы входили въ уста отрока, полагали медъ на языкъ его и выходили. Увидѣвъ сіе, кормилица его хотѣла отогнать пчелъ, опасаясь вреда для отрока, но отецъ, видѣвшій то, запретилъ ей, желая видѣть, какой конецъ будетъ тому чуду. И вотъ пчелы поднялись, полетѣли кверху и стали невидимы. А отецъ, бывъ въ ужасѣ, сказалъ: „когда выростетъ отрокъ сей, будетъ великъ между людьми".

Такъ Господь показалъ раба Своего еще въ младенчествѣ его,—показалъ, что въ свое время сбудутся на немъ слова Писанія: *сотове медовніи словеса добрая: сладость же ихъ исцѣленіе души* (Притч. 16, 24). Ибо тотъ рой пчелъ былъ предзнаменованіемъ имѣвшихъ произойти отъ Амвросія его сладкорѣчивыхъ поученій и писаній, которыя творили въ людяхъ духовныя соты, услаждающія сердца человѣческія и возводящія отъ земли къ небу. Затѣмъ, когда Амвросій сталъ приходить въ возрастъ и съ матерію своею, уже вдовою, и съ сестрою, обручившею свое дѣвство Богу, жилъ въ Римѣ, случилось ему однажды видѣть цѣловавшихъ руку епископа. Послѣ сего, играя дома, онъ давалъ домашнимъ цѣловать свою руку, говоря: „цѣлуйте, ибо и я буду епископъ". Сіе говорилъ въ немъ Св. Духъ, предзнаменуя имѣющее быть, но домашніе не обратили вниманія на слова сіи, принимая ихъ за несмысленный лепетъ ребенка, не вѣдая въ немъ благодати Божіей, предуготовлявшей его на степень святителя. Когда, потомъ, Амвросій обученъ былъ грамотѣ и изучилъ словесное искуство, то сдѣлался славнымъ риторомъ и, будучи силенъ въ словѣ, защищалъ на судѣ

обиженныхъ, покровительствовалъ притѣсняемымъ, а творящихъ неправду обличалъ и устроялъ судъ правый при первомъ въ то время начальникѣ (епархѣ) градскомъ Провѣ, который сдѣлалъ его, за его благоразуміе, своимъ совѣтникомъ. Затѣмъ Амвросій поставленъ былъ начальникомъ (анѳипатомъ) надъ странами лигурійской и емилійской. Въ сіе время въ городѣ Медіоланѣ умеръ епископъ Авксентій, державшійся ереси аріанской, который взошелъ на епископскій престолъ послѣ правовѣрнаго епископа Діонисія, скончавшагося въ заточеніи. Между православными и аріанами произошло по сему случаю большое несогласіе и смятеніе, ибо каждая сторона желала возвести на престолъ епископа своей вѣры, посему легко могъ быть въ народѣ мятежъ и бунтъ. Римскій епархъ Провъ, узнавъ о семъ, поручилъ Амвросію идти въ Медіоланъ и предупредить мятежъ въ народѣ, сказавъ ему: „иди и поступай не какъ судія, но какъ епископъ“. Когда Амвросій, достигши Медіолана и пришедши въ церковь, сталъ увѣщевать народъ къ миру и согласію, одинъ младенецъ, питавшійся молокомъ матери и не могшій еще говорить, ясно воскликнулъ вдругъ: „Амвросій епископъ!“ Народъ подхватилъ это слово, и всѣ, какъ-бы одними устами, восклицали: „Амвросій епископъ, Амвросій епископъ!“ Такъ, по благоволенію Божію, и младенецъ проговорилъ прежде времени, и обѣ противныя стороны—правовѣрныхъ и зловѣрныхъ—примирились и, согласившись, пожелали имѣть епископомъ Амвросія, хотя онъ не былъ еще даже просвѣщенъ святымъ крещеніемъ, а только оглашенъ. Видя народное желаніе и почитая себя недостойнымъ столь великаго сана, Амвросій вышелъ изъ церкви и, сѣвъ на судилищномъ мѣстѣ, сталъ,

сверхъ обычая своего, безъ милости мучить виновныхъ, и дѣлалъ сіе для того, чтобы люди, видя его немилосердіе, возненавидѣли его и не желали, дабы онъ былъ у нихъ епископомъ. однако народъ не переставалъ восклицать, желая имѣть его епископомъ. И когда Амвросій всячески отрицался, называя себя великимъ грѣшникомъ, къ тому-же еще и некрещеннымъ, они говорили: „грѣхъ твой будетъ на насъ“, ибо знали, что въ святомъ крещеніи онъ очистится отъ всѣхъ грѣховъ. Въ смущеніи Амвросій возвратился въ домъ (въ которомъ остановился) и намѣревался, оставивъ свою должность, начать въ нищетѣ жизнь странника, какъ тогда дѣлали многіе изъ философовъ еллинскихъ (греческихъ), но, будучи удержанъ отъ сего намѣренія, придумалъ другую хитрость, дабы избѣжать ему епископскаго сана,—велѣлъ въ домъ свой открыто водить развратныхъ женщинъ, дабы люди, видя это, почли его мерзкимъ и, какъ блудника, отвергли его, но народъ громче прежняго восклицалъ: „на насъ будетъ грѣхъ твой, только прими съ крещеніемъ епископство“. Тогда Амвросій, видя, что никакъ не можетъ отказаться отъ народной просьбы, вознамѣрился бѣжать. Ночью онъ тайно вышелъ изъ Медіолана, пошелъ къ городу, называемому Тикинъ, и думалъ, что уже ушелъ далеко отъ Медіолана, но, когда стало разсвѣтать, очутился у воротъ города Медіолана, называемыхъ Римскія. Такъ Самъ Богъ, Который готовилъ его Своей Каѳолической Церкви, какъ стѣну противъ враговъ и какъ столпъ противъ лица Дамаскова (Пѣсн. пѣсн. 7, 4), т. е. противъ еретическаго зловѣрія, препятствовалъ его бѣгству и Своею силою возвращалъ его съ пути. Узнавши о семъ, граждане медіоланскіе стали стеречь

его, чтобы не убѣжалъ, и послали къ царю Валентіану Старшему, прося его, дабы онъ велѣлъ Амвросію принять санъ епископа. Царь, услышавъ о семъ, возрадовался, что изъ тѣхъ, кого поставляетъ онъ на должности мірскія, нѣкоторые избираются на высокія должности духовныя. Обрадовался и первый начальникъ города Рима Провъ, что исполнилось его пророчество, которое предсказалъ посылая въ Медіоланъ Амвросія, повелѣвъ ему, дабы онъ поступалъ не какъ судія, но какъ епископъ. Когда ждали возвращенія посланныхъ къ царю и отвѣта отъ него, Амвросій въ это время опять бѣжалъ и укрывался въ нѣкоторомъ селеніи, которое находилось подъ вѣдѣніемъ нѣкоего славнаго мужа Леонтія, но когда пришло повелѣніе отъ царя, Амвросій былъ отысканъ Леонтіемъ и имъ приведенъ былъ къ народу въ Медіоланъ. Такимъ образомъ, никакое мѣсто не могло укрыть того, кого судилъ Богъ, какъ городъ на верху горы и какъ свѣчу на подсвѣчникѣ, поставить на степень святителя и сдѣлать пастыремъ словесныхъ овецъ Своихъ. Уразумѣвъ волю Божію о себѣ, Амвросій покорился повелѣнію царя и желанію народа; однако не хотѣлъ креститься отъ епископа аріанскаго, но отъ правовѣрнаго, опасно соблюдая себя отъ зловѣрія аріанскаго. По крещеніи, въ одну недѣлю прошелъ онъ всѣ степени церковныя, а въ осьмой день посвященъ былъ въ епископа, къ несказанной радости всего народа медіоланскаго. Самъ царь (какъ пишетъ Θеодоритъ, кн. 4, гл. 6) присутствовалъ при посвященіи Амвросія и веселясь взывалъ къ Богу: „благодарю Тебя, всесильный Господи и Спасителю нашъ, что кому я вручалъ тѣла, тому Ты ввѣрилъ души и показалъ справедливымъ мое понятіе о семъ мужѣ“. Спустя нѣ-

сколько лѣтъ послѣ сего, Амвросій отправился въ свой родной городъ и нашелъ тамъ въ живыхъ сестру свою съ одною изъ служанокъ (мать его уже скончалась); *когда онѣ цѣловали ему руку, святой* улыбаясь сказалъ служанкѣ: „вотъ ты цѣлуешь руку епископа, какъ нѣкогда я говорилъ тебѣ". Такъ исполнилось пророчество его, о которомъ сказано было выше, что онъ въ отрочествѣ играя давалъ домашнимъ цѣловать руку свою, говоря: „цѣлуйте, ибо и я буду епископъ". Декабря 7.

Чудесное избраніе во епископа святаго Вассіана.

Въ одно время городъ Лавдійскій, въ Лигуріи, лишился епископа, и установленъ былъ трехдневный постъ съ молитвою, дабы Богъ послалъ достойнаго мужа, который-бы, занявъ престолъ святительскій, могъ *достойно пасти Церковь Христову. Когда* такимъ образомъ всѣ постились и молились, одному пресвитеру соборной епископской церкви, по имени Клименту, мужу добродѣтельному и честному, въ сонномъ видѣніи явился нѣкоторый свѣтоносный мужъ и сказалъ: »пресвитера Вассіана, который въ Равеннѣ, мужа, украшеннаго дарованіями Божіими, знайте какъ епископа, уготованнаго вамъ Богомъ" [1]. Пробудившись тотчасъ отъ сна, Климентъ призвалъ къ себѣ честнѣйшихъ людей *изъ духовнаго чина и изъ* міряиъ и передалъ имъ сказанное ему въ видѣніи Господомъ. А они, выбравши нѣкоторыхъ людей, послали ихъ въ Равенну съ просьбой къ святому, дабы пришелъ къ

[1] Св. Вассіанъ былъ другъ упоминаемому выше св. Амвросію, слѣд. жилъ въ одно съ нимъ время, а скончался нѣсколько позднѣе Амвросія, именно около 409 года.

нимъ и занялъ престолъ святительскій. А прежде прихода ихъ въ Равенну, Богъ открылъ о нихъ ночью въ видѣніи св. Вассіану и повелѣлъ ему, не отказываясь, идти съ ними. Когда настало утро, пришли посланные изъ Лавдійскаго города и передали святому то, что имъ велѣно было. А онъ сказалъ имъ: „Богъ создалъ человѣка безсмертнымъ, дабы онъ всегда повиновался волѣ и повелѣнію Творца своего, а когда человѣкъ преступилъ въ раю повелѣніе Божіе; то приготовилъ смерть для себя и для всѣхъ, которые будутъ по немъ. Не подобаетъ человѣку противиться волѣ Бога своего и преступать повелѣнія Его, но стараться со всѣмъ усердіемъ исполнять то, что хочетъ и велитъ Богъ. Посему и мы, хотя и не желаемъ чести, однако, ради нужды единовѣрныхъ братій, налагаемое на насъ повелѣніемъ Божіимъ иго и бремя принять не отказываемся“. Сказавши сіе, онъ хотѣлъ успокоить пришедшихъ отъ труда, понесеннаго въ пути, но они, весьма возрадовавшись обрѣтенію искомаго, не захотѣли отдыхать, а, желая тотчасъ отнести къ себѣ найденное сокровище, старались поскорѣе выдти назадъ, и потому усердно просили святаго, дабы и онъ тотчасъ-же шелъ съ ними и уже къ вечеру того дня они, взявъ святаго, отправились къ себѣ. Когда приближались къ городу, всѣ граждане съ радостію и веселіемъ, вышли встрѣтить своего, дарованнаго Богомъ, пастыря. Между народомъ былъ одинъ мужъ, нѣсколько лѣтъ назадъ пораженный параличемъ и немогшій говорить какъ нѣмой, ибо болѣзнь та отняла у него языкъ. Когда народъ окружилъ святаго, дабы принять отъ него благословеніе,—и тотъ параличный, хотя и съ большимъ трудомъ, подошелъ также къ святому, облобызалъ святую десницу угодника

Божія и тотчасъ сталъ здоровъ всѣмъ тѣломъ, языкъ его сталъ говорить яснѣе прежняго, и онъ прославилъ величіе Божіе, а народъ возрадовался еще болѣе, что Богъ далъ имъ столь великаго пастыря—чудотворца. Іюня 10.

Іисусъ Христосъ есть сынъ Божій и истинный Богъ, сходившій на землю для спасенія людей.

Видѣніе креста на воздухѣ Неаніемъ.

Неаній, впослѣдствіи св. великомученикъ Прокопій, родился въ Іерусалимѣ, отца имѣлъ христіанина, а мать язычницу. Отецъ, вскорѣ послѣ рожденія Неанія, померъ, и мать—язычница воспитала сына въ языческомъ нечестіи, а когда онъ пришелъ въ совершенный возрастъ, отдала его въ службу нечестивому царю Римскому Діоклитіану. Будучи красивъ лицомъ, высокъ ростомъ и премудръ разумомъ, Неаній понравился царю; тотъ полюбилъ его и велѣлъ находиться ему около себя въ царскихъ палатахъ вмѣстѣ съ прочими, подобными ему, юношами. Затѣмъ, не въ долгомъ времени, сдѣлалъ Неанія воеводою и послалъ съ войскомъ въ Александрію Египетскую, приказавъ ему гнать, мучить и убивать тамъ христіанъ, а имѣнія ихъ отбирать въ царскую казну. Тогда Неаній сказалъ царю: „я слышалъ, царь, о тѣхъ людяхъ, что они почитаютъ нѣкоего Сына Божія, глаголемаго Христа, и—нравомъ тверды, непослушны, дерзки, крѣпки въ вѣрѣ своей и постоянны, такъ что готовы лучше умереть, нежели оставить Христа своего и принести жертву нашимъ богамъ; поэтому, мнѣ думается, что трудно будетъ преклонить ихъ къ нашимъ законамъ“. Діоклитіанъ-же, разгнѣвавшись, началъ хулить Христа Спасителя, гово-

ря: „Богъ ихъ, какъ сами они (христіане) говорятъ, не имѣлъ жены, но какъ-же Онъ родилъ Сына? А Христосъ, въ котораго они вѣруютъ,—Тотъ рожденъ отъ жены и отъ жидовскаго народа,—какъ злодѣй, былъ осужденъ на смерть, біенъ, вѣнчанъ терніемъ, поруганъ, распятъ на крестѣ, напоенъ оцтомъ и желчію и умеръ тяжкою смертію. Если онъ былъ Богъ, то почему не освободилъ себя отъ рукъ жидовскихъ? И если себѣ не помогъ въ бѣдѣ, то какъ другому можетъ помочь?" Сіи и многія хулы произнесъ сей сынъ погибельный: ибо *слово крестное*, какъ говоритъ божественный Павелъ, *погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть* (1 Кор. 1, 18). Убѣжденный словами царя, Неаній съ двумя полками воиновъ пошелъ въ путь, ему указанный, а поелику былъ великій солнечный жаръ и зной, такъ что изнемогали и сами воины, и кони ихъ, то необходимо было идти ночью, а днемъ отдыхать. И когда миновали они городъ Агамію Сирскую, въ третьемъ часу ночи сдѣлалось вдругъ землетрясеніе, блистаніе молній и страшный громъ, такъ что отъ страха всѣ сдѣлались какъ бы мертвыми. А самъ воевода услышалъ голосъ, говорящій ему: „Неаній, куда ты идешь и на кого возстаешь?" Онъ-же въ страхѣ отвѣчалъ, говоря: „посланъ я царемъ въ Александрію убивать всѣхъ вѣрующихъ въ Распятаго". И снова сказалъ ему голосъ: „О, Неаній, и ты-ли идешь на Меня?" Неаній сказалъ: „кто ты, Господи, ибо я не могу узнать тебя?" Когда онъ произнесъ это, явился на воздухѣ пресвѣтлый крестъ, какъ-бы кристальный, и отъ сего креста слышенъ былъ голосъ, говорящій: „Я—Іисусъ, распятый Сынъ Божій". Неаній въ трепетѣ сказалъ: „мнѣ царь говорилъ, что Тотъ Богъ, Котораго почитаютъ христіане, не имѣлъ жены,—какъ-же

Ты—Сынъ Божій? А если ты воистину Сынъ Божій, то какъ могли жиды наругаться надъ Тобою, распять и умертвить Тебя?“ И сказалъ ему голосъ отъ креста: „ради рода человѣческаго, Я подъялъ сіе добровольно, дабы избавить грѣшниковъ отъ власти діавола, взыскать погибшихъ и оживотворить мертвыхъ, и если бы Я не былъ Сынъ Божій, то какъ-бы могъ быть живымъ по смерти и говорить съ тобою“. Съ сими словами крестъ взошелъ па небо, и тотчасъ былъ голосъ съ высоты: „симъ знаменіемъ, которое видѣлъ, побѣждай враговъ твоихъ, и миръ Мой будетъ съ тобою“. Такимъ образомъ Неаній ([1]), какъ нѣкогда Савлъ, явленіемъ Господа на пути изъ гонителя содѣланъ былъ сосудомъ, избраннымъ имени Христову.—Іюля 8.

Явленіе креста Евстафію Плакидѣ.

Во дни царства Траянова (въ I в. по Р. Х.) жилъ въ Римѣ нѣкій воевода, по имени Плакида, который былъ добророденъ, славенъ и богатъ больше другихъ, а въ браняхъ такъ храбръ, что самое имя его было страшно врагамъ. Когда царь Римскій Титъ завоевовывалъ землю іудейскую, Плакида въ сіе время былъ однимъ изъ главныхъ вождей римскаго войска и показалъ на войнѣ великое мужество. Будучи вѣрою идолопоклонникъ, въ жизни своей онъ являлъ дѣла христіанскія, питая алчущихъ, одѣвая нагихъ, помогая впадавшимъ въ бѣду и многихъ освобождая отъ узъ и темницы,—больше радовался о томъ, когда приходилось подать руку помощи бывшему въ бѣдѣ, нежели—когда побѣждалъ

([1]) Ум. въ 303 г.

враговъ рукою своею. И былъ, какъ другой Корнилій, о которомъ вспоминаютъ Дѣянія Апостольскія, совершенъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, не имѣлъ только святой вѣры въ Господа нашего Іисуса Христа, безъ которой мертвы всѣ добрыя дѣла. Но Человѣколюбецъ Богъ, хотящій всѣмъ спастись и непрезирающій творящихъ доброе, не презрѣлъ и сего добродѣтельнаго мужа и не оставилъ его погибать во тьмѣ идольской прелести, но (Ему-же во всякомъ языкѣ бояйся Бога и дѣлаяй правду, пріятенъ есть: Дѣян. 10, 35) содѣлалъ его пріятнымъ Себѣ и благоволилъ указать ему путь спасенія такимъ образомъ. Однажды, когда Плакида, по обычаю своему, былъ со слугами своими на ловлѣ звѣрей, выслѣдилъ онъ стадо оленей и, устроивъ конниковъ, началъ гнать стадо; потомъ, замѣтивъ одного оленя, самаго большаго изъ всего стада, погнался за нимъ. Олень тотъ отдѣлился отъ стада, отдѣлился отъ охотниковъ своихъ и Плакида, гонясь только съ немногими изъ своей дружины за оленемъ, но и тѣ скоро, изнемогши, отстали. Тогда Плакида, имѣвшій быстрѣйшаго коня, одинъ погнался за оленемъ по пустынѣ. Олень вдругъ вскочилъ на камень и остановился на немъ. Плакида подъѣхалъ къ тому мѣсту и, раздумывая, какимъ-бы образомъ поймать оленя, самъ смотрѣлъ на него. Щедрый-же Богъ, различнымъ образомъ устраяющій спасеніе людей и Ему одному вѣдомыми судьбами наставляющій на путь истинный, Самъ изловилъ ловца сего, но не какъ Корнилія Петромъ, а какъ Павла—Своимъ явленіемъ. Ибо, когда Плакида долго стоялъ близъ оленя и смотрѣлъ на него, явился ему Христосъ Господь такимъ образомъ: крестъ весьма свѣтлый явился среди роговъ оленьихъ, смотря на который Плакида увидѣлъ по-

добіе плоти пригвожденнаго за насъ ко кресту Іисуса Христа. Когда онъ удивлялся сему странному видѣнію,—услышалъ голосъ, говорящій ему: „что Меня гонишь, Плакида?“—и тотчасъ съ этимъ голосомъ напалъ страхъ на Плакиду,—онъ упалъ съ коня на землю и лежалъ какъ мертвый. Немного пришедши въ себя, сказалъ: „кто ты, Господи, говорящій ко мнѣ?“ Господь сказалъ ему: „Я—Іисусъ Христосъ, Который, будучи Богомъ и облекшись плотію, добровольно пострадалъ ради спасенія человѣческаго и претерпѣлъ крестъ; но ты и не зная почитаешь Меня, ибо добрыя дѣла твои и многія милостыни взошли предъ Меня, и я восхотѣлъ спасти тебя; сего-то ради Я и явился тебѣ на семъ животномъ, дабы уловить тебя въ Мое познаніе и присоединить тебя къ вѣрнымъ рабамъ Моимъ, ибо Я не хочу, чтобы человѣкъ, творящій дѣла правды, погибъ, увязнувъ въ сѣтяхъ вражіихъ“. Вставъ съ земли, Плакида никого уже не видѣлъ и сказалъ: „нынѣ вѣрую, Господи, что Ты—Богъ неба и земли и Творецъ всѣхъ тварей, посему Тебѣ единому покланяюсь, другаго же, кромѣ Тебя, Бога отселѣ не желаю знать. Молю Тебя, Господи, укажи мнѣ, что мнѣ дѣлать“. И былъ къ нему голосъ: „иди къ іерею христіанскому и крестись отъ него, и онъ научитъ тебя пути спасенія“. Услышавъ сіе, Плакида исполнился радости и умиленія и, падши на землю, со слезами поклонился явившемуся ему Господу, сознаваясь, что до того времени, не зная правды, не зналъ онъ истиннаго Бога. И радовался духомъ, что удостоился такой благодати, которая привела его къ познанію истины и наставила на путь правый. Затѣмъ, сѣвъ на коня, въ веселіи духа возвратился къ своимъ, никому не говоря о бывшемъ.—Сентября 20.

Идолъ Аполлонъ исповѣдуетъ Божество Іисуса Христа.

Святой Кононъ исаврійскій, впослѣдствіи мученикъ, желая обратить своихъ соотечественниковъ идолопоклонниковъ къ истинному Богу и доказать превосходство христіанства предъ язычествомъ, предложилъ имъ такое условіе: „Пойдемъ-те всѣ, сказалъ онъ имъ, къ капищу Аполлонову, вы прежде, а я, какъ человѣкъ старый, пойду за вами; кто изъ насъ прежде придетъ къ капищу,—того Богъ есть истинный и въ Того вѣровать будемъ всѣ". Исавряне согласились на сіе, но потомъ сами-же обманули святаго, не сдержавши своего слова и обѣщанія. Тогда святой Кононъ сказалъ имъ: „если вы не вѣрите моему Богу, то повѣрите-ли своему богу,—если что-нибудь скажетъ вамъ, то исполните-ли его слово?" Исавряне сказали всѣ: „лишь только услышимъ бога нашего что-либо говорящимъ, готовы тотчасъ исполнить слово его, ибо вѣруемъ въ то несомнѣнно". И снова заключили условіе со святымъ и крѣпче прежняго обѣщали вѣрить тому слову, которое произнесетъ богъ ихъ. Тогда святой, ставъ предъ тою пещерою, которая была капищемъ Аполлоновымъ, громкимъ голосомъ воззвалъ къ идолу: „тебѣ говорю: повелѣваетъ тебѣ Господь мой Іисусъ Христосъ, выйди изъ своего капища и приди ко мнѣ сюда", и тотчасъ бездушный идолъ сдѣлался какъ-бы живымъ, поколебался и упалъ съ своего мѣста, потомъ покатился по землѣ къ святому, приблизившись къ нему, всталъ съ земли и сталъ прямо предъ святымъ Конономъ. Всѣ присутствующіе, бывъ объяты ужасомъ, завопили, закричали отъ страха и хотѣли бѣжать. Тогда святой, давъ знать рукою и не велѣвъ бояться, едва удержалъ ихъ и, успокоивъ волненіе народа, снова обратился къ идолу. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ

смотрѣли, что еще имѣетъ быть, а святой сказалъ идолу: „скажи намъ, бездушный идолъ, кто есть Богъ истинный,—ты-ли или проповѣдуемый мною Господь мой Іисусъ Христосъ?" И тотчасъ идолъ, съ трепетомъ простерши къ небу свои каменныя руки, громкимъ голосомъ воскликнулъ по человѣчески: „одинъ есть истинный Богъ, проповѣдуемый тобою Христосъ", и, сказавъ сіе, упалъ и разбился. Когда произошло сіе чудо, весь народъ громкимъ голосомъ вскричалъ: „одинъ есть истинный Богъ, Богъ Кононовъ,—Онъ преодолѣлъ". И многіе изъ народа увѣровали во Христа и, сокрушивъ идоловъ, приняли святое крещеніе.—Марта 5.

Явленіе Господа нашего Іисуса Христа предъ іудеями и христіанами.

Въ житіи св. Григорія, архіепископа омиритскаго (1), послѣ обширной бесѣды сего святителя, противъ іудейства, съ Ерваномъ, учителемъ іудейскимъ, разсказывается: Изнемогши въ безплодной бесѣдѣ, Ерванъ сказалъ: „зачѣмъ мы тратимъ время въ долгихъ разсужденіяхъ и предположеніяхъ! Я сейчасъ разрѣшу споръ сей. Если хочешь, архіепископъ, чтобы я безъ лукавства вѣровалъ въ твоего Іисуса, что Онъ есть истинный Богъ, то покажи мнѣ Его живаго, дабы мнѣ видѣть Его и говорить съ нимъ, и тогда я открыто скажу, что вы христіане одолѣли и побѣдили насъ (іудеевъ)". Когда онъ сказалъ сіе, сонмище іудейское воскликнуло: „молимъ тебя, учитель нашъ, дабы ты не прельстился и не сдѣлался христіаниномъ, но мужайся и утверждайся въ истинѣ, ибо ты знаешь, что ничего нѣтъ истиннѣе того, что существуетъ одинъ Богъ отцевъ на-

(1) Ум. ок. 552 г.

шихъ". Но Ерванъ съ гнѣвомъ сказалъ имъ: „что вы пустословите?!—Слушайте же: если увѣритъ меня, что (I. X.) Тотъ есть, о Которомъ предвозвѣстили пророки, —чего еще ждать будете?" А архіепископъ, видя, что онъ говоритъ вправду, а не притворно, сказалъ ему: „большое искушеніе дѣлаешь мнѣ, Ерванъ, и выражаешь прошеніе выше силы, касаясь не людей, но Бога. однако,—ради увѣренія тебя и тѣхъ, которые съ тобою (т. е. іудеевъ), въ то-же время—дабы болѣе утвердились и сердца вѣрныхъ,—силенъ Господь сотворить и сіе. Скажи-же опредѣленно, какъ ты хочешь, дабы я увѣрилъ тебя?" Ерванъ сказалъ: „умоли Владыку твоего, дабы Онъ, если Онъ на небесахъ, какъ ты говоришь, сошелъ сюда и явился мнѣ, дабы мнѣ говорить съ Нимъ, и—живъ Господь—я тотчасъ увѣрую въ Него и окрещусь". Когда Ерванъ сказалъ сіе, все множество іудейское воскликнуло: „воистину, архіепископъ, подтверди намъ дѣломъ истинность твоихъ словъ, покажи намъ Христа твоего, дабы мы, не имѣя, что еще возражать, со страхомъ увѣровали въ Него", и уже настойчиво требовали, чтобы онъ показалъ имъ чувственно Христа, если Онъ живъ послѣ распятія и смерти. А между собою евреи говорили: „если въ самомъ дѣлѣ архіепископъ покажетъ намъ Христа своего, то что будетъ? Увы намъ, и не желая, сдѣлаемся христіанами". А другіе говорили: „если покажетъ Его намъ, то почему не захотимъ вѣровать въ Него?" А еще иные говорили: „какъ возможно показать Того, Который, будучи убитъ, какъ человѣкъ, умеръ, и столько прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скончался! Гдѣ-же найдутся тѣло и духъ Его, когда и кости и жилы давно разсыпались во гробѣ? Архіепископъ-же, принимая въ разсужденіе величіе дѣла и видя настоятельное

требованіе противниковъ, весь въ умѣ своемъ положился на Господа и размышлялъ въ себѣ, что если онъ не попроситъ Владыку Христа исполнить просьбу ихъ, то противная сторона будетъ торжествовать, евреи выйдутъ изъ сего спора какъ побѣдители, а христіане какъ побѣжденные, и враги будутъ ругаться и поносить христіанъ. Посему, съ надеждою сказалъ сонмищу жидовскому: „если изволитъ Христосъ мой, я всячески готовъ показать Его вамъ. Но вы твердо знайте, что если я покажу Его вамъ, а вы не захотите вѣровать въ Него, то тотчасъ мечъ поразитъ васъ всѣхъ; а если, по своему недостоинству, я не возмогу показать вамъ Господа моего, то поступайте, послѣ сего, по собственной волѣ". Услышавъ сіе, евреи были и печальны и радостны,—печальны, опасаясь, какъ-бы онъ не показалъ имъ Христа, и тогда должны будутъ вѣровать невольно,—радостны, надѣясь, что не покажетъ, и они будутъ тогда свободно пребывать въ своемъ заблужденіи. Угодны были слова архіепископовы и Ервану, и всѣмъ, бывшимъ съ нимъ, мудрѣйшимъ законоучителямъ, и они говорили между собою: „невозможно никоимъ образомъ, дабы человѣкъ, умерщвленный отцами нашими, умершій, запечатанный въ гробѣ и украденный учениками своими,—этотъ человѣкъ былъ живъ спустя пятьсотъ лѣтъ и болѣе".

А святой отецъ нашъ Григорій, знавшій слова, написанныя въ Евангеліи: *аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ: и ничто-же невозможно будетъ вамъ* (Мѳ. 17, 20),—сіи слова Господни держа въ умѣ своемъ, имѣя несомнѣнную вѣру въ Бога и твердо на Него надѣясь, всталъ съ престола своего и немного отошелъ отъ нихъ на мѣсто, удобное къ молитвѣ. Царь-же (страны оми-

ритской Аврамій, присутствовавшій тутъ), совсѣмъ вѣрнымъ народомъ, удивлялся и изумлялся его великому дерзновенію предъ Богомъ и вѣрѣ, что рѣшается на сіе страшное дѣло, и въ ужасѣ ожидалъ, что будетъ дальше. А святитель, еще нѣсколько отошедши отъ собранія и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сталъ на молитву. Смиренно и съ умиленіемъ преклонивъ колѣна и всего себя вперивъ горѣ, долго молился во всеуслышаніе присутствующихъ,—въ молитвѣ сей воспоминалъ всѣ таинства воплощенія Бога Слова и все Христово пребываніе съ людьми—отъ рожденія и до вольнаго страданія, креста и смерти, и тридневнаго воскресенія, и восшествія съ плотію на небо. Наконецъ произнесъ: „яви Себя, Владыко, чувственно симъ окамененнымъ и ослѣпленнымъ злобою, яви Себя ради славы святаго Твоего имени, да узрятъ тѣлесными очами Твое животворное человѣчество, въ которое облекся ради насъ смиренныхъ и съ которымъ вознесся на небо, дабы, увидѣвъ Тебя, увѣровали въ Тебя истиннаго Бога и въ пославшаго Тебя истиннаго Отца и въ Святаго Твоего Духа“. Когда онъ оканчивалъ молитву свою и всѣ со вниманіемъ смотрѣли на него, внезапно сдѣлался великій трусъ и страшный громъ, такъ что поколебалась земля, и всѣ пали отъ страха. Когда-же, немного спустя, встали и обратили взоръ свой къ востоку, то увидѣли: вотъ отверзлось небо и сходило на землю свѣтлое облако съ пламенемъ огненнымъ и лучами солнечными, а среди облака видѣнъ былъ мужъ, „краснѣйшій добротою паче сыновъ человѣческихъ“, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, несказанно сіяющій лицомъ и свѣтящійся молніевидными одеждами; нѣкимъ спокойнымъ движеніемъ ступая по облакамъ, приближался Онъ къ стоявшимъ внизу и сталъ

на высотѣ противъ архіепископа поверхъ облака, привлекая къ Себѣ взоры и сердца всѣхъ Своею добротою, которой не можетъ выразить языкъ. Но отъ страха славы Его, которой не могли видѣть, всѣ, какъ нѣкогда ученики на Ѳаворѣ, пали ницъ па землю,—и царь, и вельможи, и весь народъ отъ мала до велика, а іудеи, одержимые великимъ трепетомъ, озираясь во всѣ стороны, искали куда-бы убѣжать, такъ какъ ихъ опаляло озареніе божественнаго свѣта, и слава Господня, которой не могли видѣть, колебала ихъ великимъ страхомъ. Но имъ не было возможности не только убѣжать, но даже и двинуться съ мѣста, ибо были держимы невидимою силою. Архіепископъ-же, ободрившись, громкимъ голосомъ воззвалъ къ Ервану: „се,Ерванъ, Тотъ, о Которомъ ты слышалъ многія объясненія, зри Его и увѣрься, что единъ святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ, въ славу Бога Отца, аминь". НоЕрванъ, омертвѣвъ, ничего не могъ говорить. И пришелъ голосъ отъ велелѣпной славы Господней, говорящій: „ради молитвы епископа, исцѣляетъ васъ Распятый отцами вашими". Но отъ голоса сего еще больше затрепетали и попадали всѣ на землю, одержимые ужасомъ. И какъ нѣкогда Савлъ, шедшій къ Дамаску,—когда его облисталъ съ неба свѣтъ и пришелъ свыше голосъ,—упалъ на землю и окрытыми глазами никого не видѣлъ (Дѣян. 9, 3 и 4): такъ ослѣпли и сіи,—хотя и имѣли открытые глаза, однако никого не видѣли и оттого скорбѣли и горько рыдали. Когда сіе совершилось, предъ лицемъ Господнимъ произошелъ нѣкій божественнѣйшій шумъ, и свѣтлое облако, которое было подъ Нимъ, скрыло Его у всѣхъ изъ виду и собиралось отвсюду вслѣдъ за Нимъ, когда Онъ входилъ въ высоту, пока вся слава Господня вмѣстилась въ

небеса и все видѣнное скрылось изъ глазъ. Тогда царь и все множество христіанъ, принявъ дерзновеніе, долгое время громкимъ голосомъ взывали вслѣдъ Господа: Господи помилуй! А честный архіепископъ лежалъ ницъ на землѣ и со слезами приносилъ молитву Господу о людяхъ. Послѣ сего, всѣ бывшіе на собраніи—царь, и весь синклитъ его, и народъ—воздали честь святѣйшему архіепископу Григорію съ великимъ благоговѣніемъ и страхомъ, удивляясь таковой его святынѣ и силѣ его молитвъ. Іудеи-же спрашивали другъ друга: „видишь-ли что братъ?"—И отвѣчалъ одинъ другому, что не видитъ ничего. Тогда всѣ обратились къ Ервану и воскликнули: „горе намъ, учитель нашъ, что мы сдѣлали!" А Ерванъ спросилъ: „мы-ли одни ослѣпли, увидѣвъ Бога христіанскаго или пострадали также и христіане?" Христіане, услышавъ сіе, сказали: „мы, благодатію Господа нашего, видимъ хорошо, и глаза наши стали даже здоровѣе, чѣмъ прежде, вы одни ослѣпли за невѣріе ваше, *Богъ-бо отмщеній Господь, Богъ отмщеній не обинулся есть* (Пс. 93, 1), лишивъ зрѣнія ваше ярое іудейское око, потому что, бывъ недостойны, вы видѣли Его. Тогда Ерванъ, со всѣмъ множествомъ евреевъ, со слезами умолялъ архіепископа, дабы онъ открылъ ослѣпленные глаза ихъ и даровалъ имъ святое крещеніе. Но архіепископъ спрашивалъ ихъ: истинно-ли вѣруютъ они въ Господа Іисуса Христа? И увѣряли всѣ, что вѣруютъ несомнѣнно; почему самъ и бывшіе съ нимъ епископы, огласивъ, начали совершать таинство святаго крещенія. Когда, потомъ, евреи входили въ святую купель, тотчасъ отпадала отъ глазъ ихъ какъ-бы чешуя, и они прозирали тѣлесными, а вмѣстѣ и душевными очами, сердцемъ вѣруя въ правду, а устами исповѣдуя во спа-

сеніе себѣ Господа нашего Іисуса Христа. И были крещаемы во имя Отца и Сына и Св. Духа, начиная съ Ервана, которому самъ царь былъ воспріемникомъ отъ купели, и наречено было Ервану въ святомъ крещеніи имя Левъ, а потомъ царь присоединилъ его къ своему синклиту и совѣту, сдѣлавъ его патрикіемъ, какъ человѣка благоразумнаго и достойнаго чести. И раскаявался Erванъ въ своемъ первомъ заблужденіи и въ ужасѣ удивлялся, имѣя всегда въ умѣ явленіе Господа: „какъ, говорилъ, живъ есть на небесахъ Господь Іисусъ Христосъ, Котораго отцы наши распяли и погребли, думая, что Онъ умеръ?“—И говорилъ со слезами: „Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго! Прости мнѣ, сколько согрѣшилъ я предъ Тобою въ своемъ невѣденіи!“ а святѣйшаго архіепископа Григорія почиталъ, какъ Ангела Божія, не желая отлучаться отъ него. Тогда была великая радость по всей землѣ омиритской;—и не люди только, но и Ангелы на небѣ радовались объ обращеніи и покаяніи великаго множества іудеевъ, а вмѣстѣ съ ними и еллиновъ, прославляя Бога, хотящаго спастись всѣмъ людямъ.—Дек. 19.

Два естества въ Іисусѣ Христѣ—Божеское и человѣческое.

Чудо отъ мощей св. великомученицы Евфиміи Всехвальныя.

Діоскоръ, патріархъ александрійскій, и Евтихій, архимандритъ цареградскій, еще при жизни правовѣрнаго царя Θеодосія Младшаго, стали распространять хульную ересь на Господа нашего Іисуса Христа, сливая два естества Его—Божеское и человѣческое въ одно, и прельстили своимъ зловѣріемъ многихъ людей изъ духовнаго и мірскаго чина, даже въ царскихъ па-

латахъ повредили своею ересію нѣкоторыхъ сановитыхъ мужей и имѣли себѣ въ нихъ большую поддержку. Послѣ-же помѣстнаго собора въ Ефесѣ (бывшаго между третьимъ и четвертымъ вселенскими).—называемаго разбойническимъ, такъ какъ на немъ единомышленники Діоскора и Евтихія убили св. Флавіана, патріарха цареградскаго,—ересь та усилилась еще болѣе и принята была, какъ правовѣріе, а истинная православная вѣра отметалась, какъ-бы нѣкое зловѣріе: Необходимо было, поэтому, собраться четвертому св. отцевъ вселенскому собору для уничтоженія сей ереси и утвержденія вѣры православной. Въ сіе время почилъ въ Бозѣ благочестивый царь Ѳеодосій и послѣ него принялъ царство добродѣтельный и богоугодный мужъ Маркіанъ съ св. Пульхеріей. Сіи ревнители правовѣрія и благочестія, видя смущаемую ересями Церковь и происходящіе въ ней раздоры, повелѣли св. отцамъ всей вселенной собраться въ преславный градъ Халкидонъ (въ 451 г.) и на семъ соборѣ разсмотрѣть и разсудить все что относится въ вѣрѣ. По сему повелѣнію собрались въ семъ городѣ св. отцы, числомъ 630, во главѣ со святѣйшимъ Анатоліемъ, патріархомъ цареградскимъ, святѣйшимъ Ювеналіемъ, патріархомъ Іерусалимскимъ, и съ посланниками святѣйшаго Льва, папы римскаго. Собрались и зловѣрные, между которыми былъ вначалѣ Діоскоръ, патріархъ александрійскій, Максимъ антіохійскій, отъ Діоскора поставленный патріархомъ на мѣсто Домна низложеннаго, и другіе, единомысленные съ ними архіереи, а также и Евтихій съ своими единомудренниками, такъ что составилось великое множество еретичествующихъ, которые, вмѣстѣ съ св. отцами составляли собранія, сходясь въ церкви св. великомученицы Евфиміи въ предмѣстьи

Босфора; ибо сія церковь была престольная (каѳедральная) халкидонской митрополіи и весьма обширна, такъ что могла вмѣщать въ себѣ великое множество народа. Въ сей церкви почивали и мощи той великомученицы, отъ которыхъ совершались дивныя и преславныя чудеса. Когда на соборѣ томъ, послѣ долгихъ разсужденій и преній, произошло между правовѣрными и еретиками несогласіе, ибо зловѣрные никакъ не хотѣли повиноваться правымъ догматамъ, тогда святѣйшій Анатолій, посовѣтовавшись съ другими святыми отцами, сказалъ еретикамъ: „напишите вы свитокъ исповѣданія вашей вѣры, напишемъ и мы наше исповѣданіе, и оба свитка, запечатавши, положимъ въ гробницѣ, на честныхъ мощахъ святыя великомученицы Евфиміи, затѣмъ соборнѣ помолимся Богу, дабы, чрезъ Свою угодницу, Онъ открылъ намъ, которое исповѣданіе есть правое". Когда святѣйшій Анатолій сказалъ сіе, всѣ одобрили его предложеніе, и написали два свитка, правовѣрные свой, а зловѣрные свой; запечатавъ ихъ своими печатями и открывъ гробницу св. Евфиміи, положили оба свитка на персяхъ ея, затѣмъ, закрывъ гробницу, запечатали ее царской печатью, приставили стражу и три дня постились и молились. Когда наступилъ четвертый день, пришелъ царь и весь соборъ къ честному гробу святой, и, сломавъ царскую печать, открыли гробъ. Тогда увидѣли, что свитокъ правовѣрныхъ святая великомученица держитъ въ своей десницѣ, а свитокъ зловѣрныхъ лежитъ подъ ногами ея. Всего-же чудеснѣе было то, что она сію десницу свою какъ бы живая простерла къ царю и патріарху, подавая имъ тотъ свитокъ праваго исповѣданія. Всѣ исполнились тогда неизреченной радости и воздали славу Богу, воспѣвъ съ благодареніемъ по-

хвальныя пѣсни святой великомученицѣ и съ горячей любовію поклонившись ея чудотворнымъ мощамъ. И тотчасъ проповѣдали вѣру православную, какъ Богомъ утвержденную, а зловѣріе еретическое предали проклятію. Многіе изъ еретичествовавшихъ, видя такое чудо, присоединились къ православнымъ, а тѣ, которые остались при своемъ зловѣріи, были извержены изъ своихъ сановъ и сосланы въ заточеніе. Съ того времени, въ незабвенную память о семъ преславномъ чудѣ, бывшемъ во время собора, иконописцы стали изображать святую великомученицу Евфимію на иконахъ со свиткомъ въ правой рукѣ.—Іюля 11.

Сынъ Божій Своимъ вочеловѣченіемъ и смертію побѣдилъ діавола.

Діаволъ сознается въ своей немощи.

Однажды въ полдень преподобный Нифонтъ, епископъ города Констанціи Кипрской, видѣлъ нѣкоего входящаго въ городъ большаго сквернаго еѳіопа, который какъ-бы въ болѣзни опирался на жезлъ свой и, шедши, часто отдыхалъ. Уразумѣвъ, что это діаволъ, святой закричалъ на него: „тебѣ говорю, прескверный, зачѣмъ и какъ ты смѣлъ придти сюда?“ Черный-же тотъ съ яростью посмотрѣлъ на святаго, какъ-бы готовясь пожрать его, и отвѣчалъ: „я слышалъ, что ты здѣсь, и вотъ пришелъ сокрушить тебя съ овцами твоими“. А святой сказалъ ему: „безсильный, самъ ты сокрушенъ, меня ли хочешь сокрушить? Я видѣлъ одного подвижника, боровшагося съ вами,—тридцать бѣсовъ поборали его и не могли одолѣть; кто же, послѣ сего, не посмѣется надъ вашимъ безсиліемъ?“ Діаволъ сказалъ: „не дивись сему, если-бы я имѣлъ прежнюю си-

лу, мнѣ тогда ничего не стоило-бы сокрушить тебя, но съ того времени, какъ распятъ Іисусъ, безсиленъ сталъ воистину“. Святой спросилъ: „если и теперь я помолюсь Христу моему, то что тебѣ будетъ, безстыдный?“ Діаволъ отвѣчалъ: „Знаю, что можешь много, но не дѣлай зла мнѣ, я уйду изъ твоего города и больше не приду“. Видя сіе, святитель благодарилъ Бога, Что Господь хранитъ его и паству его отъ непріязненнаго бѣса.—Дек. 23.

Діавольская сила, явившаяся въ женскомъ образѣ преп. Пахомію Великому.

Въ одну ночь преподобный Пахомій Великій (¹) и блаженный Ѳеодоръ, идя по обители своей, оба вмѣстѣ увидали издали бѣса, въ видѣ прекрасной женщины, идущаго со множествомъ слугъ къ обители. Видя сіе, Ѳеодоръ началъ бояться, но святой Пахомій сказалъ ему: „не бойся, чадо, но дерзай, уповая на Господа“, и стали молиться Богу. А бѣсъ, въ образѣ женщины, подходя, сказалъ: „зачѣмъ напрасно трудитесь, ибо ничего не можете сдѣлать противъ меня, поелику я принялъ отъ Бога Вседержителя власть искушать, кого хочу“. Тогда святой Пахомій спросилъ бѣса: „кто ты, откуда идешь и кого хочешь искушать?“ Кажущаяся женщина отвѣчала: „я—сила діавольская и все полчище бѣсовское служитъ мнѣ; я отлучила Іуду отъ лика апостольскаго, имѣю власть вести брань и противъ тебя, Пахомій, но никто никогда не уничижалъ меня такъ, какъ ты, ты повергаешь меня подъ ноги не только старцамъ, но и малымъ дѣтямъ, научая ихъ попирать меня, такое множество со-

(¹) Основатель общежительныхъ монастырей въ Египтѣ, ум. въ 348 году.

бралъ на меня подвижниковъ и оградилъ ихъ столь твердою стѣною страха Божія, что слуги мои не смѣютъ даже близко подойти къ кому-либо. Эта крѣпость на меня возрасла въ васъ вочеловѣченіемъ Бога Слова, давшаго вамъ власть наступать на всю силу нашу". Святой Пахомій сказалъ: „меня-ли одного пришла искушать сила діавольская или и прочихъ?"—Женщина отвѣчала: „и тебя и всѣхъ подобныхъ тебѣ". Святой сказалъ: „что-же, и Өеодора искушать будешь?" Женщина отвѣчала: „получила власть искушать и тебя, и Өеодора, и прочихъ, но не могу приблизиться къ вамъ; а когда борюсь съ вами, то бываю виновницей вашей-же пользы, а не вреда, но не во вѣки-же пребудете на землѣ съ тѣми, которыхъ вооружаете нынѣ молитвой, ибо будетъ время послѣ вашей смерти, когда поиграю въ нихъ". Святой сказалъ: „развѣ ты знаешь, что имѣющіе быть послѣ смерти нашей не столь вѣрно поработаютъ Богу, какъ работаемъ мы?" Бѣсъ сказалъ: „знаю очень хорошо." Святой сказалъ: „лжешь на скверную голову свою... знаніе будущаго принадлежитъ одному Богу, а ты—ложь и ложью владѣешь". Бѣсъ сказалъ: „если и не знаю ничего по предвѣденію, однако изъ прошедшихъ и настоящихъ обстоятельствъ догадываюсь о будущемъ". Сіе и многое другое пустословилъ бѣсъ, но преподобный Пахомій именемъ Іисуса Христа запретилъ ему, и онъ исчезъ совсѣмъ своимъ полчищемъ.—Мая 15.

Силы небесныя: херувимы и серафимы.

Святой Іоаннъ Златоустъ, предстоящій предъ престоломъ Божіимъ.

Нѣкто Аделфій, епископъ аравитскій, который любезно принималъ въ свой домъ св. Златоуста въ его

изгнаніи, когда услышалъ о кончинѣ св. Іоанна, весьма сожалѣлъ о томъ, что столь великій свѣтильникъ былъ неправильно изверженъ и умеръ въ заточеніи, и усердно со слезами молилъ Бога о томъ, дабы Онъ явилъ, въ какомъ ликѣ святыхъ обрѣтается Іоаннъ. Однажды, во время молитвы о семъ Аделфій былъ въ восхищеніи и видѣлъ нѣкоего свѣтлаго и радостнаго юношу, который, взявъ его за руку, привелъ на свѣтлое мѣсто и показалъ ему ликъ святыхъ церковныхъ учителей. Аделфій посмотрѣлъ во всѣ стороны, желая найти Іоанна, но не видѣлъ его; а юноша, показавъ каждаго изъ учителей и патріарховъ константинопольскихъ, повелъ его назадъ. Идя вслѣдъ за Ангеломъ, Аделфій былъ печаленъ, что не видѣлъ блаженнаго Іоанна со святыми отцами. И вотъ нѣкто, стоявшій у дверей, удержалъ Аделфія, говоря: „почему ты такой печальный выходишь отсюда? Ибо, если кто печальный и входитъ сюда, но отсюда возвращается веселымъ, ты-же дѣлаешь напротивъ,—вошелъ веселъ, а выходишь печаленъ". Аделфій отвѣчалъ: „потому я печаленъ, что не видѣлъ съ церковными учителями моего возлюбленнаго Іоанна". А тотъ сказалъ ему: „не объ Іоаннѣ-ли-проповѣдникѣ покаянія говоришь ты?" — „Да", отвѣчалъ Аделфій. Тотъ-же снова сказалъ ему: „его не можетъ видѣть человѣкъ, сущій въ тѣлѣ, ибо онъ предстоитъ предъ престоломъ Божіимъ, который окружаютъ херувимы и серафимы". Тогда Аделфій, получивъ извѣщеніе о святомъ Іоаннѣ, возрадовался и прославилъ Бога, явившаго ему сію тайну. — Ноября 13.

Ангелъ хранитель.

Удаленіе въ пустыню Онуфрія Великаго.

Преподобный Онуфрій Великій жилъ сначала въ общежительномъ монастырѣ (въ странѣ ѳиваидской) (1), но потомъ явилось у него сильное желаніе удалиться въ пустыню. И вотъ (разсказываетъ онъ самъ), вставши ночью и взявши немного хлѣба, котораго могло достать не болѣе, какъ дня на четыре, вышелъ я изъ монастыря, положившись на Бога, и пошелъ сначала на гору, а оттуда уже хотѣлъ войти въ самую пустыню. Когда я входилъ въ пустыню, увидѣлъ предъ собою лучъ сіявшаго свѣта; я испугался, остановился и думалъ возвратиться въ монастырь. Свѣтлый лучъ приблизился ко мнѣ, и я услышалъ изъ него голосъ, говорившій мнѣ: „не бойся, я—Ангелъ, ходящій съ тобою отъ рожденія твоего и приставленный отъ Бога хранить тебя; нынѣ мнѣ было отъ Него повелѣніе, дабы я велъ тебя въ сію пустыню. Будь-же, совершенъ и смиренъ предъ Господомъ и съ радостію работай Ему, а я не отступлю отъ тебя до тѣхъ поръ, пока Создатель повелитъ взять душу твою“. Ангелъ, сказавши сіе изъ свѣтовиднаго луча, пошелъ предо мною, а я съ радостію слѣдовалъ за нимъ. Прошедши довольно, я увидѣлъ изрядный вертепъ, и лучъ ангельскаго свѣта сталъ невидимъ.—Іюня 12.

Преподобный Паисій спящій.

Къ преподобному Паисію Великому (2) пришелъ одинъ братъ, желая видѣть его, но засталъ его спя-

(1) Въ IV вѣкѣ.

(2) Въ Египтѣ, въ V вѣкѣ.

щимъ. И вотъ увидѣлъ прекраснаго по виду Ангела-хранителя, стоящаго у головы преподобнаго, и. удивившись, сказалъ: „поистинѣ, Богъ хранитъ любящихъ Его“. Не смѣя подойти къ спящему отцу ради ангельскаго присутствія, братъ вышелъ благодаря Бога и довольную получивъ пользу оттого, что удостоился видѣть при преподобномъ Ангела Божія. — Іюня 19.

Ангелъ хранитель, плачущій о грѣшникѣ.

Преподобный Нифонтъ, впослѣдствіи епископъ, имѣлъ столь просвѣщенный умъ, что вѣдалъ тайны сердецъ человѣческихъ. Съ Ангелами, какъ съ друзьями своими, онъ бесѣдовалъ явно. Однажды, идя изъ церкви св. Анастасіи (въ Царьградѣ), въ свою хижину, онъ увидѣлъ у воротъ одного дома Ангела, стоящаго въ образѣ юноши и горько плачущаго. Нифонтъ спросилъ его о причинѣ его плача, и тотъ отвѣчалъ: „я приставленъ хранить одного человѣка, который въ семъ домѣ спитъ теперь съ блудницей и тѣмъ весьма огорчаетъ меня: ибо не могу видѣть беззаконія, которое онъ творитъ,—какъ-же мнѣ не плакать, видя, въ какую тму палъ образъ Божій?!“ Блаженный сказалъ ему: „почему-же ты не накажешь его, дабы онъ оставилъ грѣхъ?“ Ангелъ отвѣчалъ: „не имѣю возможности приблизиться къ нему; съ того времени, какъ сталъ грѣшить, онъ сдѣлался рабомъ бѣсовъ, и я уже не имѣю надъ нимъ власти; ибо Богъ сотворилъ человѣка свободнымъ, показавъ ему путь тѣсный и широкій, дабы онъ шелъ по которому хочетъ“. —Декабря 23.

Богатые похороны.

Однажды святой Андрей, Христа ради юродивый (¹), идя по городу (Царьграду), увидѣлъ, что на встрѣчу ему несутъ мертваго. Умершій тотъ былъ весьма богатъ, множество народа шло за гробомъ его со свѣчами и подсвѣчниками, клирики пѣли надъ нимъ обычныя при погребеніи пѣсни и слышенъ былъ великій плачъ его родныхъ. Святой, видя прозорливыми очами, что дѣлалось надъ тѣмъ мертвецомъ, остановился и сталъ смотрѣть. И вотъ видитъ множество еѳіоповъ, идущихъ предъ свѣчами и громко кричащихъ: „горе ему, горе ему". Въ рукахъ своихъ они держали мѣхи и сыпали пепелъ на народъ, шедшій около мертвеца; прочіе-же бѣсы плясали и смѣялись безстыдно подобно безстыднымъ блудницамъ, другіе лаяли какъ псы, а иные ворчали какъ свиньи, ибо мертвецъ тотъ былъ имъ въ радость и веселіе; иные, идя близъ мертваго, кропили его злосмрадной жидкостью, а другіе около гроба летали по воздуху, изъ тѣла-же того грѣшника исходилъ великій смрадъ, а иные, идя вслѣдъ, плескали руками и ногами, производя громкій топотъ, ругаясь надъ поющими и говоря: „не дай Богъ ни одному изъ васъ, несчастные христіане, видѣть свѣта, ибо поете надъ псомъ: „со святыми упокой душу его",—называете его и рабомъ Божіимъ,—его, который повиненъ всякому злу". Воззрѣвъ-же снова, увидѣлъ: и вотъ одинъ изъ князей бѣсовскихъ, имѣвшій глаза огненные, держалъ въ рукѣ своей сѣру и смолу и шелъ къ гробу того несчастнаго, намѣреваясь сжечь тѣло его. По совершеніи погребенія, святой Андрей видѣлъ: и вотъ шелъ въ образѣ красиваго юноши Ангелъ, одержимый

(¹) Ум. въ полов. X вѣка.



печалію и плакавшій горькими слезами. Когда онъ поровнялся со святымъ Андреемъ, Андрей, думая, что этотъ юноша одинъ изъ близкихъ къ умершему, потому и плачетъ, подошелъ къ нему и спросилъ его: „скажи ради Бога, какая причина твоего плача? я никогда не видалъ, чтобы кто-нибудь плакалъ объ умершемъ такъ, какъ ты“. И сказалъ ему Ангелъ: „причина моего плача та, что я былъ приставленъ къ тому мертвецу, котораго ты видѣлъ и котораго взялъ себѣ діаволъ,—это и есть причина моего плача и скорби“. Святой сказалъ ему: „теперь я уразумѣлъ, кто ты; молю-же тебя, святый Ангелъ, повѣдай мнѣ, каковы были грѣхи его, ради которыхъ діаволъ взялъ его въ свои руки?“ Ангелъ отвѣчалъ: „поелику ты хочешь узнать о семъ, избранникъ Божій Андрей, не умалчивая ни о чемъ разскажу тебѣ, ибо вижу доброту святой души твоей, блистающую какъ чистое золото,—увидѣвъ тебя я немного утѣшился отъ своей печали.—Этотъ человѣкъ былъ въ чести у царя, но былъ весьма грѣшенъ и жестокъ въ жизни своей,—былъ блудникъ, прелюбодѣй и содомлянинъ, льстивъ и немилосердъ, сребролюбивъ, лживъ и человѣконенавистникъ, злопамятенъ, мздоимецъ и клятвопреступникъ; бѣдную прислугу свою морилъ голодомъ, побоями и наготою, безъ одежды и безъ обуви оставляя ихъ въ дни зимніе, многихъ убилъ и закопалъ подъ конскій помостъ. Но пришла на него жатва, смерть застала его непокаявшагося и имѣющаго грѣхи безчисленные, а потому и взяли душу его бѣсы, а скверное его тѣло—ты самъ видѣлъ—съ какимъ поруганіемъ провожаемо было отъ злыхъ духовъ; сего-то ради, о душа святая, и сокрушаюсь я, и, одержимый великою печалію, плачу, что хранимый мною сталъ нынѣ въ смѣхъ демонамъ“. Послѣ сихъ словъ Ангела,

Андрей сказалъ ему: „молю тебя, друже, оставь сей плачъ твой; поелику человѣкъ тотъ совершалъ скверныя дѣла и умеръ безъ покаянія, то, значитъ, онъ принялъ достойное по дѣламъ своимъ. А ты, пламенновидный, исполненный всякаго добра, слуга Господа Саваоѳа Вседержителя, будешь съ сего времени обитать во вѣки въ селеніяхъ Бога твоего". Послѣ сихъ словъ Андрея, Ангелъ невидимо отошелъ отъ него. Шедшіе въ это время по улицѣ, на которой Андрей бесѣдовалъ съ ангеломъ, видя его одного, стоящаго и бесѣдующаго, Ангела-же не видя, будучи недостойны сего, говорили другъ другу: „смотрите на юродиваго, какъ онъ глумится и безсмысленно разговариваетъ со стѣною"; при этомъ толкали его и отгоняли, говоря: „что съ тобой, юродивый,—будучи недостоинъ бесѣдовать съ людьми, ты разговариваешь со стѣною?.." Святой-же молча отошелъ, пришелъ въ сокровенное мѣсто и, вспомнивъ о несчастномъ мертвецѣ, горько плакалъ о его погибели.—Октября 2.

Діаволы суть ангелы, отступившіе отъ Бога.

Бѣсъ, говорящій въ идолѣ.

Въ повѣствованіи о страданіи св. великомученика Георгія Побѣдоносца [1] разсказывается о семъ слѣдующее: Послѣ многихъ мученій св. Георгію, царь Діоклитіанъ, сѣвши на судебномъ мѣстѣ и призвавъ къ себѣ святаго, сталъ кротко бесѣдовать съ нимъ, сдерживая гнѣвъ, и сказалъ ему: „думается-ли тебѣ, Георгій, что я до сего времени великодушно терплю тебя по своему человѣколюбію и милосердію, ибо всѣ боги

(1) Скончался мученически въ Никомидіи въ 303 году.

свидѣтели, что я весьма жалѣю юность твою, ради цвѣтущей въ тебѣ красоты, разума и мужества. И я желалъ-бы имѣть тебя соправителемъ себѣ и сдѣлать тебя вторымъ въ царствѣ, если-бы ты только захотѣлъ обратиться къ богамъ, скажи-же намъ, что ты думаешь о семъ?" Святой Георгій сказалъ: „тебѣ, царь, слѣдовало-бы раньше оказать мнѣ свою милость, а не быть ко мнѣ столь жестокимъ". Царю пріятно было слышать отъ мученика сіи слова, и онъ сказалъ: „если захочешь покориться мнѣ любезно, какъ отцу, всѣ тѣ муки, которыя ты перенесъ, я заглажу многими почестями". Святой сказалъ: „если позволишь, царь, войдемъ въ храмъ и посмотримъ на боговъ, почитаемыхъ вами". Царь, съ радостью вставъ, пошелъ въ храмъ Аполлона со всею своею свитою и съ народомъ, честно ведя съ собою и святаго Георгія, а народъ восклицалъ, похваляя царя, богамъ-же своимъ присвояя силу и одолѣніе (святаго). Когда взошли въ храмъ и приготовили жертву, наступила глубокая тишина: всѣ смотрѣли на мученика, несомнѣнно ожидая, что онъ принесетъ жертву богамъ. А святой, подошедши къ идолу Аполлону и, поднявъ къ нему свою руку, спросилъ его—бездушнаго какъ-бы живаго: „ты-ли это хочешь принять отъ меня жертву, какъ Богъ?" Сказавъ это, святой осѣнилъ идола крестнымъ знаменіемъ. Бѣсъ-же, жившій въ семъ идолѣ, отвѣчалъ: „нѣтъ, я не Богъ, нѣтъ; не Боги и тѣ, которые подобны мнѣ, одинъ только есть Богъ Тотъ, Котораго проповѣдуешь ты, а мы изъ ангеловъ, служащихъ Ему, сдѣлались отступниками и, одержимые завистію, прельщаемъ людей". Святой снова сказалъ ему: „какъ-же вы смѣете пребывать здѣсь, когда пришелъ сюда я—служитель истины!" Послѣ сихъ словъ, нѣкоторый

шумъ, и звукъ, и голосъ плачевный исходили отъ идоловъ, потомъ вдругъ всѣ они упали на землю и разбились. Апрѣля 23.

Діаволъ искуситель.

Бѣсы, искушающіе во время богослуженія.

Однажды діаволъ, пришедши ночью въ келью преподобнаго Макарія Александрійскаго (¹), сказалъ ему: „встань, авва Макарій, и пойдемъ въ церковь къ богослуженію". Макарій-же, будучи исполненъ благодати Божіей, уразумѣлъ козни вражію и отвѣчалъ: „о, лжецъ и ненавистникъ добра! Какое можетъ быть съ твоей стороны участіе въ богослуженіи, и что можетъ быть у тебя общаго съ соборомъ святыхъ?" Діаволъ сказалъ: „развѣ ты не знаешь, Макарій, что безъ насъ не бываетъ ни одной службы церковной и ни одного монашескаго собранія; иди-же и увидишь дѣла наши". Старецъ отвѣчалъ: „да запретитъ тебѣ Господь, бѣсъ нечистый". И обратившись къ молитвѣ, просилъ Господа, дабы явилъ ему, правда-ли то, что, хвалясь, говорилъ діаволъ. Когда настало время полуночнаго богослуженія, онъ пошелъ въ церковь, прося въ себѣ Бога, дабы открылъ и показалъ ему, правда-ли говоренное діаволомъ. И вотъ видитъ по всей церкви какъ бы нѣкихъ малыхъ отроковъ въ образѣ черныхъ еѳіоповъ, быстро обходящихъ церковь и летающихъ. Въ монастырѣ томъ былъ обычай: одинъ братъ читалъ псалмы, а прочіе сидѣли и слушали,—и вотъ рядомъ съ каждымъ изъ братій сидѣли тѣ еѳіопы и посмѣивались надъ ними. Кому пальцами своими до-

(¹) Ум. въ 394 или въ 395 г.

трогивались до глазъ, тотъ тотчасъ начиналъ дремать, а кому клали палецъ на уста, тотъ тотчасъ пробуждался. Предъ иными ходили въ женскомъ подобіи, а предъ другими строили нѣчто или что носили и дѣлали многое другое. И что представляли предъ кѣмъ, тотъ о томъ и размышлялъ въ себѣ. Но отъ нѣкоторыхъ, какъ только начинали дѣлать что-либо подобное, тотчасъ нѣкоею силою были прогоняемы и удаляемы, и болѣе не могли ни стоять предъ ними, ни даже пройти мимо. А у нѣкоторыхъ немощныхъ братьевъ, не внимающихъ молитвѣ, насмѣхаясь сидѣли на шеѣ и на плечахъ. Преподобный Макарій, увидѣвъ сіе, вздохнулъ изъ глубины сердца и сказалъ: „воззри Господи и не смолчи, воскресни Боже, дабы разошлись враги твои и убѣжали отъ лица Твоего, ибо душа наша полна поруганія“. По окончаніи службы, преподобный Макарій, призывая поодиночкѣ каждаго брата, спрашивалъ, о чемъ тотъ думалъ во время богослуженія, и каждый открывалъ свои помышленія. Оказалось, что каждый думалъ о томъ, что, насмѣхаясь, представлялъ предъ нимъ бѣсъ. Генваря 19.

Бѣсы, преклоняющіе людей къ враждѣ, тщеславію и другимъ грѣхамъ.

Преподобному епископу Нифонту (¹) было открыто, какъ бѣсы, ходя между людьми, склоняютъ ихъ къ разнымъ грѣхамъ—осужденію, клеветѣ, брани и причиняютъ разныя скорби. Такъ однажды Нифонтъ видѣлъ одного человѣка, дѣлающаго свое дѣло, и вотъ вдругъ подходитъ къ тому человѣку бѣсъ и начинаетъ шептать ему въ ухо; неподалеку былъ другой чело-

(¹) Въ г. Констанціи, на остр. Кипрѣ.

вѣкъ, тоже исправлявшій свою работу, бѣсъ и тому пошептал въ ухо. И вотъ они оба, оставивъ свою работу, стали ссориться. Блаженный, вставъ, сказалъ: „о, лесть бѣсовская, какъ ты сѣешь вражду между людьми!" Въ другое время, на блаженнаго напалъ бѣсъ тщеславный, говоря: „съ сего времени ты будешь творить чудеса, и по всей землѣ прославится твое имя, ибо угодилъ Богу". Блаженный сказалъ бѣсу: „подожди, я совершу предъ тобою чудо". Увидя камень предъ собою, преподобный сказалъ: „тебѣ говорю, камень, иди отсюда и перенесись на другое мѣсто". Но камень лежалъ неподвижно. Тогда святой сказалъ бѣсу: „вотъ даръ твой, діаволъ", и плюнулъ ему въ лицо, затѣмъ помолился и діаволъ исчезъ. Видѣлъ еще одного человѣка, идущаго предъ нимъ, а позади того человѣка шелъ бѣсъ и влагалъ ему скверные и хульные помыслы. Но мужъ тотъ, догадываясь о дѣйствіяхъ бѣса, часто оборачивался назадъ и плевалъ на бѣса. Блаженный сказалъ тогда лукавому духу: „перестань, діаволъ, надоѣдать рабамъ Божіимъ. Какая тебѣ польза въ томъ, если та душа пойдетъ въ погибель?" Бѣсъ отвѣчалъ: „никакой пользы намъ нѣтъ изъ сего, но мы имѣемъ такое повелѣніе отъ царя своего и князей, властвующихъ надъ нами,—дабы мы боролись съ людьми; если-же князья наши найдутъ насъ неборющихся, то жестоко бьютъ насъ за это".

Декабря 23.

Діаволы, воюющіе противъ Церкви, и Ангелы, охраняющіе ее.

Однажды тотъ-же преподобный Нифонтъ послѣ молитвы былъ въ восхищеніи и видѣлъ большое поле, равное въ ширину и длину; на немъ стояло множество бѣсовъ, раздѣленныхъ на полки, и всѣхъ ихъ бы-

ло триста шестьдесятъ пять полковъ, по числу тяжкихъ грѣховъ. А одинъ изъ чернѣйшихъ еѳіоповъ пересчитывалъ воиновъ, какъ-бы приготовляя полки къ сраженію, и говорилъ: „смотря на меня, не бойтесь ничего, ибо сила моя будетъ съ вами". Нѣкоторые-же изъ бѣсовъ принесли множество разнаго оружія и раздавали полкамъ. Потомъ, давъ каждому полку обоянія и чары, діаволъ пустилъ ихъ на землю на Церковь Христову. Когда блаженный Нифонтъ смотрѣлъ на сіе, былъ къ нему голосъ: „обратись, Нифонтъ, къ востоку и смотри". И онъ, обратившись, видѣлъ, и вотъ видѣлось чистое и красивое поле, на которомъ вдвое болѣе, чѣмъ бѣсовъ, стояло бѣлоризцевъ (тмы темъ), также готовыхъ къ сраженію. Потомъ пришелъ нѣкоторый мужъ, видомъ своимъ свѣтлѣе солнца, и сказалъ: „такъ повелѣваетъ Господь Саваоѳъ, идите во всю землю, помогая христіанамъ и охраняя жизнь ихъ". Увидѣвъ сіе, преподобный прославилъ Бога, помогающаго Церкви Своей.—Декабря 23.

Связь Церкви торжествующей—небесной съ Церковію воинствующею—земною.

Св. Апостолъ Петръ приходитъ съ неба посѣтить Римъ.

Святой діаконъ Григорій, впослѣдствіи архіепископъ омиритскій (¹), бывши въ Римѣ и молясь у гроба св. Ап. Петра, былъ въ видѣніи: видѣлъ онъ открытыя двери небесныя и свѣтъ неизреченный сіяющій: и вотъ Ап. Петръ, имѣющій въ правой рукѣ ключъ, выходилъ изъ вратъ небесныхъ и шелъ къ нему, осіяваемый великимъ свѣтомъ и со свѣтящимся лицомъ. Смотря на

(¹) Ум. ок. 552 года.

Григорія ласковымъ взоромъ, онъ сказалъ: „вотъ нынѣ, по милости Господней, пришелъ я сюда, чадо Григорій, прежде-же сего былъ съ прочими Апостолами въ Награнѣ, городѣ омиритскомъ, предстоя страждущимъ за Господа нашего Іисуса Христа отъ жидовина Дунаана и укрѣпляя каждаго изъ нихъ въ благочестіи;—и, при помощи Божіей, всѣ сопротивлялись волѣ законопреступнаго еврея, мужественно подвизались за благочестіе, пострадали за истину и нынѣ уже на небесахъ съ отцами, которые отъ вѣка сподобились безсмертной чести. Я вотъ пришелъ сюда посѣтить городъ, а братъ Павелъ-поборникъ церквамъ по вселенной, разставшись со мной въ Іерусалимѣ, пошелъ въ Персиду. Ты-же, чадо, шествуя добрымъ путемъ, потщись благоугодить Господу, поучаясь всегда въ законѣ Его, видя, что жизнь и красота сего міра проходятъ подобно сну и тѣни, и блаженъ будешь, если такъ-же, какъ началъ, совершишь теченіе твое и, поступая по волѣ Господней, многихъ приведешь въ страхъ Божій. Вотъ уже готовится тебѣ престолъ на небѣ отъ Самого Владыки и получишь всѣ блага съ нами". Сказавъ сіе, Апостолъ ушелъ, и видѣніе окончилось. Декабря 19.

Св. мученица Ѳеодотія посѣщаетъ въ темницѣ св. Анастасію Узорѣшительницу.

Когда св. Анастасія Узорѣшительница (¹) была брошена въ мрачную темницу и тамъ въ продолженіи тридцати дней морима голодомъ, въ сіе время каждую ночь являлась ей святая мученица Ѳеодотія, наполняла веселіемъ сердце ея и укрѣпляла ее. Въ бесѣдѣ о

(¹) Умерла около 304 года.

разныхъ предметахъ, Анастасія однажды спросила Өеодотію о томъ, какъ она можетъ приходить къ ней по смерти? Өеодотія сказала ей, что душамъ мучениковъ дана отъ Бога та особенная благодать, что онѣ, по разлученіи отъ земнаго, приходятъ къ кому пожелаютъ, бесѣдаютъ съ ними и утѣшаютъ ихъ. Затѣмъ послѣ вторыхъ тридцати дней, проведенныхъ Анастасіею въ темницѣ, она осуждена была на смерть, именно велѣно было вмѣстѣ съ другими осужденными за разныя преступленія потопить ее въ морѣ. Между сими осужденными былъ нѣкій благочестивый мужъ, именемъ Евтихіанъ, который ради Христа лишенъ былъ напередъ всего своего имѣнія. Посадивши осужденныхъ въ корабль, воины повезли ихъ въ море. На довольно большомъ разстояніи отъ берега воины сѣли въ лодку, приготовленную для того, а корабль съ осужденными во многихъ мѣстахъ пробили, такъ чтобы онъ могъ потонуть, и сами поплыли къ берегу. Когда корабль уже готовъ былъ покрыться волнами, бывшіе въ кораблѣ увидѣли вдругъ святую мученицу Өеодотію, устроивавшую паруса и направлявшую корабль къ берегу. Видя сіе чудо и самихъ себя спасенными отъ потопленія, осужденные, вышедши на берегъ, пали къ ногамъ двухъ христіанъ Евтихіана и Анастасіи, желая быть христіанами. Отъ тѣхъ-же Евтихіана и Анастасіи научившись въ вѣрѣ Господа нашего Іисуса Христа, они приняли крещеніе; всѣхъ ихъ, спасшихся отъ потопленія и увѣровавшихъ, было сто двадцать человѣкъ. Игемонъ, узнавши о семъ, схватилъ ихъ всѣхъ и погубилъ различнымъ образомъ, а святую мученицу Анастасію повелѣлъ сжечь огнемъ, растянувъ между четырьмя столбами и привязавъ къ нимъ.—Декабря 22.

Необходимость крещенія для полученія вѣчнаго блаженства.

Обращеніе въ христіанство язычницы.

Въ странѣ Персидской, въ царствованіе Хозроя Старшаго (въ VI вѣкѣ) была одна молодая и красивая женщина, персидскимъ именемъ называемая Голиндуха изъ славнаго рода великихъ вельможъ, вышедшая замужъ за знаменитаго начальника волхвовъ. Сія женщина, послѣ трехлѣтняго супружества, вразумляемая божественнымъ просвѣщеніемъ, начала познавать заблужденіе персидскаго нечестія и испытывать, которая вѣра есть истинная. Слыша о чистой и нескверной вѣрѣ христіанской, размышляла сама въ себѣ, сія-ли есть истинная вѣра или иная какая, и желала быть наставленною въ той истинной вѣрѣ и придти къ познанію истины. Когда она пребывала въ семъ размышленіи, въ одну ночь было ей во снѣ видѣніе такое: увидѣла явившагося ей свѣтлаго Ангела Божія, который, взявъ ее, повелъ къ нѣкоему темному и огненному мѣсту, исполненному великаго страха и ужаса, и было въ томъ мѣстѣ множество мучимыхъ людей. Она спросила ведшаго ее Ангела: „что это за мѣсто страшное и кто тѣ, которые въ немъ мучатся?“ Ангелъ сказалъ: „мѣсто сіе есть казнь грѣшныхъ и невѣрныхъ, и въ немъ твои прародители, покланявшіеся кумирамъ, мнимымъ богамъ персидскимъ“. И скорбѣла Голиндуха о погибели своихъ прародителей и плакала. Затѣмъ, Ангелъ повелъ ее на другое мѣсто, гдѣ былъ рай Божій — селеніе праведныхъ, и показалъ ей, сквозь небольшія двери, бывшій тамъ внутри великій свѣтъ, и въ немъ многихъ мужей и женъ,

ликующихъ въ неизреченной радости; показавъ сіе Голиндухѣ, Ангелъ вошелъ въ тѣ малыя двери. Хотѣла было и она войти вслѣдъ за нимъ, но Ангелъ не позволилъ ей, сказавъ: „не можешь войти сюда, потому что ты нехристіанка, ибо никто сюда не входитъ изъ тѣхъ, кои не приняли святаго крещенія Христова“. Послѣ сего, Голиндуха пробудилась и, съ ужасомъ удивляясь видѣнному, усердно возжелала быть христіанкою, а персидскимъ нечестіемъ и волхвованіемъ мужа своего стала гнушаться. И стала внутренно заботиться о томъ, какъ бы сподобиться ей святаго крещенія, со слезами молилась о томъ истинному христіанскому Богу и вскорѣ получила просимое. Наставляемая Ангеломъ Господнимъ, вышла она изъ своего дома никѣмъ незамѣченная и руководительствомъ Ангела безплотнаго приведена была къ Ангелу плотскому—священнослужителю Господню, пребывавшему въ нѣкоемъ сокровенномъ мѣстѣ; отъ него научена была вѣрѣ, окрещена и въ святомъ крещеніи наречена Маріею.—Іюля 12.

Дѣйствительность таинства Евхаристіи.

Чудо во время пріобщенія св. Таинъ.

Въ Римѣ, во времена св. Григорія Двоеслова (ум. 604 г.), одна знатная женщина принесла просфоры для литургіи, которую совершалъ потомъ самъ святѣйшій папа Григорій. И вотъ, когда св. Григорій [1]

[1] Въ то время Церковь Римская или вообще Западная еще не отдѣлялась отъ Церкви Восточной и содержала то-же православіе, а потому нѣкоторые изъ тогдашнихъ папъ Римскихъ причтены къ лику святыхъ и до сего времени почитаются таковыми, какъ въ Церкви Католической, такъ и въ Православной.

сталъ пріобщать предстоящихъ, подошла и эта женщина также пріобщаться св. Таинъ, но, услышавши отъ святителя слова: „преподается животворящее Тѣло Господа нашего Іисуса Христа“, усмѣхнулась. Папа остановился и спросилъ, отчего она разсмѣялась. Она отвѣчала: „удивительно для меня, владыко, то, что хлѣбъ, который я сама сдѣлала и испекла, ты называешь Тѣломъ Христовымъ“. Святитель, видя невѣріе жены, помолился, и вдругъ видъ хлѣба измѣнился въ видъ настоящаго тѣла человѣческаго. Тогда женщина увидѣла въ рукахъ святаго кровавое человѣческое мясо, и не только женщина, но и всѣ бывшіе тогда въ церкви видѣли то, славили Христа Бога и утверждались въ вѣрѣ, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что подъ видомъ хлѣба въ Таинствѣ причащенія есть истинное Тѣло Христово, такъ-же, какъ подъ видомъ вина—истинная Кровь Христова. Когда опять помолился святой, видъ тѣла человѣческаго претворился въ видъ хлѣба, и женщина пріобщилась тогда со страхомъ и несомнѣнной вѣрой, принявъ хлѣбъ какъ истинное Тѣло Христово, также и вино какъ истинную Кровь Христову.—Марта 12.

Принятіе св. Таинъ жидовиномъ.

Однажды, когда св. Василій Великій (ум. въ 379 г.) совершалъ божественную литургію, нѣкій жидовинъ изъ любопытства присоединился къ вѣрнымъ, вошелъ въ церковь и увидѣлъ св. Василія, держащаго и раздробляющаго въ рукахъ своихъ Отрока. Когда-же вѣрные стали причащаться изъ рукъ святителя, подошелъ и жидовинъ. Принявъ въ руки часть св. даровъ, жидовинъ увидѣлъ, что это была истинная плоть, потомъ приступивъ къ чашѣ увидѣлъ, что въ ней была также

истинная кровь. Сохранивъ затѣмъ остатки св. причащенія ([1]) и пришедши домой, онъ показалъ ихъ женѣ своей, разсказалъ ей все, что видѣлъ, и увѣровалъ во Христа. Наутро пришелъ къ блаженному Василію, прося его даровать ему св. крещеніе. Василій-же, воздавъ благодареніе Богу, не медля окрестилъ жидовина со всѣмъ домомъ его.—Января 1.

Откровеніе тремъ старцамъ о св. Христовыхъ Тайнахъ.

Былъ въ скитѣ, разсказываетъ преп. Арсеній Великій (ум. 450 г.), одинъ старецъ, который хотя былъ великъ по жизни и славенъ по добродѣтели между прочими отцами, но по невѣжеству своему (ибо былъ простъ и въ божественномъ писаніи не искусенъ) соблазнялся невѣріемъ о пречистыхъ Тайнахъ, говоря, что хлѣбъ, который принимаемъ отъ божественнаго алтаря, и чаша, которой причащаемся, не суть истинное Тѣло и Кровь Христовы, но суть только образы Тѣла и Крови. Слыша это, два искусные старца сказали въ себѣ, что не отъ злобы какой, а отъ простоты и невѣжества старецъ тотъ говоритъ такъ о св. Тайнахъ, и, желая исправить его, пришли къ нему и, бесѣдуя о разныхъ предметахъ на пользу души, между прочимъ сказали слѣдующее: „слышали мы, отче, объ одномъ братѣ невѣроятную вещь, будто бы онъ говоритъ, что хлѣбъ, который пріемлемъ, и чаша, которой причащаемся отъ алтаря, не суть Тѣло и Кровь Христовы, а только изображенія Ихъ". Старецъ отвѣчалъ: „я, говорившій это". Тогда пришедшіе старцы стали умолять его, говоря: „не держись сего, отче, но вѣруй такъ,

---

([1]) Въ то время части св. Тѣла подавались въ руки вѣрнымъ, а св. Кровь преподавалась прямо изъ чаши.

какъ предала намъ святая соборная Церковь,—мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что хлѣбъ есть истинное Тѣло Христово и вино въ чашѣ есть истинная Кровь Христова, а не образы только Тѣла и Крови", и въ доказательство сего приводили многія мѣста изъ Священнаго Писанія и изъ св. отцевъ. Но старецъ въ простотѣ своей говорилъ: „если не извѣщусь самымъ дѣломъ,— не повѣрю." Тогда старцы сказали ему: „помолимся, отче, Богу всѣ трое, постясь всю седмицу, дабы Богъ открылъ тебѣ сію тайну, и вѣруемъ, что откроетъ, не желая погубить многолѣтнихъ трудовъ твоихъ". Съ радостію принялъ слово это старецъ, и затворились каждый на всю недѣлю въ кельѣ своей. „Ты знаешь, Господи, такъ говорилъ въ молитвѣ своей къ Богу старецъ тотъ, что я не по злобѣ невѣрую, но простымъ умомъ моимъ не могу уразумѣть и постигнуть тайны той, яви-же мнѣ, по благости Твоей, самую истину, да не заблуждаю невѣріемъ". Подобнымъ образомъ молились и старцы: „Господи. яви брату нашему тайну Твою сію, да увѣруетъ и да не погубитъ добродѣтельнаго труда своего". Услышалъ Богъ молитву ихъ и открылъ имъ страшную тайну сію слѣдующимъ образомъ.—Когда окончилась седмица ихъ молитвъ и пощенія и наступилъ день воскресный, вошли въ церковь тѣ старцы на божественную литургію и стали всѣ на одномъ мѣстѣ. И вотъ отверзлись очи ихъ, и когда положенъ былъ хлѣбъ на св. трапезѣ, они увидѣли малаго Отрока. Когда-же іерей простеръ руку, чтобы преломить хлѣбъ, увидѣли сшедшаго съ неба Ангела Господня, имѣющаго въ рукахъ ножъ, которымъ онъ заклалъ Отрока и излилъ Кровь въ чашу. А когда іерей преломлялъ хлѣбъ, Ангелъ раздроблялъ Тѣло на части. Когда, потомъ, братія подошли пріоб-

щиться св. Таинъ, подошелъ и братъ невѣровавшій, но, принявъ въ руки сырое и кровавое мясо и въ чашѣ видя кровь, ужаснулся и воскликнулъ: „вѣрю, Господи, что хлѣбъ Тѣло Твое есть и вино—Кровь Твоя". И вдругъ мясо стало хлѣбомъ, а кровь виномъ. и причастился старецъ съ великимъ страховъ и умиленіемъ. Тогда сказали ему старцы: „Христосъ Богъ вѣдаетъ, что родъ человѣческій не можетъ вкушать сыраго мяса, ни пить крови, а потому и даетъ пречистое Тѣло Свое подъ видомъ хлѣба, а животворящую кровь свою подъ видомъ вина, да возмогутъ принимать причащающіеся съ вѣрою". И воздали старцы хвалу Христу Богу за сіе откровеніе и за то, что онъ не попустилъ добродѣтельному старцу погибнуть изъ-за невѣрія.—Мая 8.

Видѣніе преподобному Нифонту.

Пришелъ однажды сей преподобный (¹) съ ученикомъ своимъ на обычную молитву въ церковь (въ Царьградѣ), гдѣ уже епископъ началъ божественную службу. И вотъ отверзлись у преп. Нифонта душевныя очи, и онъ увидѣлъ огонь, сшедшій съ неба и покрывшій алтарь и архіерея; во время-же пѣнія трисвятаго явились четыре Ангела и пѣли съ поющими. А во время чтенія „апостола" видѣлъ св. Ап. Павла, который стоялъ позади читающаго и наблюдалъ за нимъ. Во время „евангелія" слова, какъ свѣтильники, восходили на небо, а при перенесеніи св. даровъ раскрылся сводъ церковный, разверзлись небеса и, при необыкновенномъ благоуханіи, сходили Ангелы съ пѣніемъ: „слава Христу Богу!" И несли прекраснаго Отрока и, поставивъ Его на дискосѣ, сами окружили престолъ. Когда-

(¹) Въ IV вѣкѣ по Р. Х.

же настало время освященія даровъ и совершенія таинства, приступилъ одинъ изъ свѣтлѣйшихъ Ангеловъ и, взявъ ножъ, заклалъ Отрока и излилъ св. Кровь въ чашу; затѣмъ, положивъ Отрока на дискосѣ, самъ сталъ опять на ряду съ другими съ благоговѣніемъ. Потомъ, во время причащенія блаженный видѣлъ, что у однихъ изъ пріобщающихся лица были свѣтлы, какъ солнце, а у другихъ темны и мрачны, какъ у ееіоповъ. Предстоящіе-же Ангелы наблюдали, какъ кто приступаетъ, и достойно причащающихся вѣнчали, отъ недостойныхъ-же отвращались и гнушались ими. По окончаніи сей службы, видѣлъ Отрока опять цѣлымъ на рукахъ ангельскихъ и вознесшимся на небо. Самъ преподобный повѣдалъ сіе послѣ ученику своему, который и предалъ писанію на пользу другимъ.—Декабря 23.

Дѣйствительность таинства Священства.

Чудесное посвященіе во епископа.

Святой Амфилохій (¹), съ юныхъ лѣтъ возлюбивъ Бога, сдѣлался монахомъ и проводилъ постническую жизнь; избѣгая-же шума и суеты мірской, пребывалъ въ уединенномъ и пустынномъ мѣстѣ, наединѣ усердно работая одному Богу, и сорокъ лѣтъ подвизался въ одной пещерѣ. Когда умеръ епископъ Иконійской Церкви, Ангелъ Господень явился ночью Амфилохію и сказалъ ему: „иди въ гордъ и паси духовныхъ овецъ“, но Амфилохій не захотѣлъ. Въ слѣдующую ночь Ангелъ опять явился и сказалъ: „иди въ городъ, Амфилохій, и паси овецъ, которыхъ вручаетъ тебѣ Богъ“. Но онъ опять не послушался Ангела, ибо считалъ

(¹) Ум. послѣ 394 года

сіи явленія обманомъ, говоря самъ въ себѣ: „умѣетъ и сатана иногда преображаться въ Ангела свѣтлаго. Въ третью ночь Ангелъ пришедши воззвалъ: „Амфилохій, встань съ своей постели“; онъ поспѣшно всталъ и въ испугѣ сказалъ: „если ты Ангелъ Божій, то станемъ оба на молитву“. И Амфилохій, склонивъ голову, началъ пѣть: „Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Его“, вмѣстѣ съ нимъ пѣлъ и Ангелъ. Затѣмъ, Ангелъ взялъ его за правую руку и повелъ въ ближайшую церковь, двери которой отворились сами собою. Когда они вошли въ церковь, Амфилохій увидѣлъ великій свѣтъ и множество мужей въ бѣлыхъ одеждахъ, которые, взявъ его, ввели въ алтарь и дали ему въ руки святое Евангеліе, говоря: „Господь съ тобою“. А одинъ изъ нихъ—честнѣйшій и свѣтлѣйшій сказалъ громкимъ голосомъ: „помолимся всѣ“. Потомъ началъ говорить: „святая благодать поставляетъ брата нашего Амфилохія епископомъ городу Иконійскому, помолимся о немъ всѣ, да будетъ на немъ благодать Божія“; послѣ молитвы, преподавши ему миръ, стали невидимы. И стоялъ Амфилохій, удивляясь видѣнію и своему необычайному посвященію въ епископы и молился Богу, вручая себя Его святой волѣ. Когда-же стало разсвѣтать, онъ вышелъ изъ церкви и пошелъ въ свою пещеру: и вотъ встрѣтили его на пути епископы, числомъ семь, которые собрались изъ окрестныхъ городовъ въ Иконію избрать и посвятить тому городу епископа: имъ повелѣно было отъ Бога, дабы они отыскали черноризца Амфилохія. Посему, вышедши изъ города, они искали того блаженнаго отца и, встрѣтивъ его на пути, спросили: „ты-ли Амфилохій? Говори намъ правду, ибо всякая ложь—отъ непріязни“.

Онъ со смиреніемъ отвѣчалъ: „я—Амфилохій грѣшный“. И они съ честію взявъ его, повели къ церкви, намѣреваясь посвятить его. Тогда онъ сталъ говорить имъ: „поелику такъ благоволилъ Богъ, дабы я недостойный и грѣшный явленъ былъ вамъ на престолъ епископскій, то не слѣдуетъ болѣе таить и умалчивать чудесныхъ дѣлъ Божіихъ, но должно непремѣнно открывать оныя и славить за нихъ Бога“. И подробно разсказалъ имъ, какъ въ эту ночь онъ посвященъ былъ отъ Ангеловъ. Епископы, услышавъ сіе, весьма удивились, прославляли Бога за чудесное посвященіе сіе и не осмѣлились снова посвящать св. Амфилохія, но со страхомъ поклонившись ему и любезно привѣтствовавъ, посадили на престолъ епископскій въ царствованіе Валентіана и Валента.—Ноября 23.

Запрещенный монахъ-мученикъ во время литургіи выходитъ изъ храма.

Одинъ монахъ (впослѣдствіи мученикъ) много лѣтъ жилъ въ скитѣ и былъ послушливъ старцу, съ которымъ жилъ, потомъ, по дѣйствію діавольскому, вышедши изъ послушанія, безъ всякой причины оставилъ своего старца и, будучи въ запрещеніи за сіе непослушаніе, пошелъ въ Александрію. Тамошній же князь, схвативъ его и снявъ съ него иноческую схиму, принуждалъ его поклониться идоламъ. Монахъ не хотѣлъ, а потому мучитель приказалъ сначала бить его безъ милости, затѣмъ мечемъ отсѣчь ему голову, а тѣло его бросить на съѣденіе псамъ. Нѣкоторые изъ христіанъ, взявши ночью тѣло мученика и вложивъ съ ароматами въ гробъ, съ честію похоронили его, какъ страдальца Христова, въ церкви, подъ престоломъ. Но когда, потомъ, началась литургія, то, при возглашеніи „елицы

оглашеннiи изыдите", гробъ съ мощами мученика задвигался и на виду у всѣхъ предстоящихъ, вышелъ изъ церкви безъ прикосновенiя рукъ человѣческихъ и до самаго конца литургiи стоялъ на церковной паперти. По окончанiи-же литургiи опять самъ собою гробъ вошелъ въ церковь и сталъ на своемъ мѣстѣ подъ престоломъ. Сiе случалось потомъ за каждой литургiей,— гробъ выходилъ и опять входилъ, къ общему удивленiю всѣхъ присутствовавшихъ. Тогда нѣкто изъ вельможъ, человѣкъ добродѣтельный и благочестивый, видя случившееся, помолился Богу о томъ, дабы Онъ открылъ причину исхожденiя мученика изъ церкви во время литургiи, и получилъ просимое. Ангелъ Господень, явившись ему, сказалъ: „что ты ужасаешься о случившемся? Развѣ Апостолы и ихъ преемники не получили власти вязать и рѣшить? Сей мученикъ, котораго видите выходящимъ изъ церкви, былъ ученикъ одного постника, но, преслушавъ его и бывъ за сiе связанъ отъ него запрещенiемъ, ушелъ отъ него и до сего времени пребываетъ неразрѣшенный въ томъ запрещенiи. Какъ мученикъ Христовъ, онъ получилъ вѣнецъ, но не можетъ стоять подъ престоломъ, когда совершается служба, ибо по повелѣнiю Ангела выходитъ и будетъ выходить до тѣхъ поръ, пока не разрѣшитъ его связавшiй. Услышавъ сiе, блаженный мужъ тотъ поспѣшилъ къ тому постнику и, разсказавъ ему все, привелъ его къ мученику въ Александрiю. Открывши гробъ его, старецъ преподалъ ему разрѣшенiе и прощенiе и облобызалъ его. Послѣ сего, когда стали совершать службу, гробъ мученика уже неподвижно стоялъ на своемъ мѣстѣ.—Октября 15.

Мытарства. Рай и адъ и разныя въ нихъ обиталища. Страшный судъ.

Видѣніе Григорію, ученику преп. Василія Новаго.

Когда скончалась блаженная Ѳеодора, при жизни своей много послужившая преподобному Василію Новому, всѣ, кто имѣли духовную любовь къ преподобному, сожалѣли о ней, такъ какъ она была ихъ ходатаицей предъ святымъ старцемъ [1], она всѣхъ любезно принимала, утѣшала добрымъ словомъ, была кротка и милостива, христолюбива, цѣломудрена и исполнена духовнаго разума. У Григорія, ученика преп. Василія, явилось желаніе узнать, гдѣ находится Ѳеодора послѣ смерти,—гдѣ получила себѣ мѣсто—„въ десныхъ или шуихъ", удостоилась-ли отъ Бога какой милости и отрады за то, что такъ усердно служила святому старцу?—Размышляя о семъ, Григорій часто просилъ преп. Василія, чтобы онъ сказалъ ему о ней, ибо вѣрилъ несомнѣнно, что угоднику Божію Василію не безъизвѣстно о душѣ ея. Старецъ, послѣ частыхъ и долгихъ просьбъ о семъ, не желая огорчить своего духовнаго сына, помолился о немъ Господу, дабы въ видѣніи открылось Григорію то, что онъ желаетъ

---

(1) Преподобный Василій сначала жилъ въ пустынѣ; нѣкоторые люди нашли его здѣсь, сочли за „прелагатая", т. е. шпіона, и привезли въ Царьградъ, гдѣ онъ много пострадалъ за то, что не хотѣлъ открыть своего имени и своей жизни. Послѣ долгихъ страданій, онъ, наконецъ, освободился отъ своихъ мучителей и остался жить въ Царьградѣ. Сначала жилъ въ домѣ нѣкоего мужа Іоанна, исцѣленнаго имъ, потомъ въ домѣ нѣкоего Константина Варвара; здѣсь-то и послужила ему преп. Ѳеодора, будучи приставлена къ преподобному хозяиномъ дома.

знать о Θеодорѣ. И вотъ въ ту ночь, въ которую молился о семъ старецъ, Григорій въ сонномъ видѣніи увидѣлъ блаженную Θеодору въ свѣтлой обители, приготовленной отъ Бога преподобному Василію, которая обитель осіяваема была небеснымъ свѣтомъ и исполнена неизреченныхъ благъ; въ сей-то обители и водворена была преподобная Θеодора по молитвамъ угодника Божія: кому усердно послужила въ мірѣ семъ, въ обители того въ жизни загробной и жить сподобилась, по святымъ его молитвамъ. Увидѣвъ Θеодору, Григорій возрадовался и утѣшился долгою съ ней бесѣдою, бывшею какъ бы наяву. Григорій спросилъ Θеодору, какъ она разлучилась отъ тѣла, какъ перетерпѣла минуты смертныя, что видѣла при кончинѣ своей и какъ прошла мимо духовъ воздушныхъ. Тогда Θеодора начала повѣствовать ему такъ: „о страшномъ дѣлѣ спросилъ ты меня, чадо Григорій, —о немъ и вспомнить ужасно, ибо видѣла лица, которыхъ никогда прежде не видѣла, и слышала то, чего прежде никогда не слыхала. И что скажу за тѣмъ? — Лютое и ужасное, чего и не надѣялась, встрѣтила я тогда по дѣламъ моимъ, но молитвами и помощію общаго отца нашего, преподобнаго Василія, все то было легко для меня. Какъ объясню тебѣ, чадо, телѣсную болѣзнь, лютость и тяжесть, приключающіяся умирающимъ? Какъ если-бы кто нагой впалъ въ большое пламя и горя обращался въ пепелъ, такъ болѣзнь смертная, въ горькій часъ разлученія души отъ тѣла, разрушаетъ человѣка; по истинѣ, люта смерть подобныхъ мнѣ грѣшниковъ, ибо и я была дѣлательницею грѣховъ, а о праведникахъ не знаю. Когда приблизилась я къ концу жизни моей и наступилъ часъ разлученія отъ тѣла, увидѣла я тогда множество еѳі-

оповъ, ставшихъ около постели моей, которыхъ лица были черны какъ сажа и смола, а глаза, какъ угли горящіе, которыхъ видъ былъ такъ-же ужасенъ, какъ и самой геенны огненной. И вотъ начали они шумѣть и кричать. Одни ревѣли какъ скоты и звѣри, другіе лаяли какъ псы, иные выли какъ волки, а другіе ворчали какъ свиньи, всѣ они, смотря на меня, пришли въ ярость, грозили, бросались на меня, скрежеща зубами, и готовы были тотчасъ пожрать меня:—въ тоже время, какъ-бы ожидая нѣкоего, имѣющаго придти судью, готовили хартіи (записки), развивали свитки, въ которыхъ были написаны всѣ злыя дѣла мои; тогда бѣдная душа моя пришла въ большой страхъ и трепетъ. Какъ бы мало было для меня одной тѣлесной смертной тяжести, то ужасное видѣніе страшныхъ ееіоповъ и ярость ихъ были для меня какъ-бы второю смертію, болѣе ужасной. Обращала я глаза свои то въ ту, то въ другую сторону, чтобы не видѣть мнѣ тѣхъ страшныхъ лицъ и не слышать голосовъ ихъ, но не могла освободиться отъ нихъ, ибо видѣла ихъ вездѣ безчисленное множество, и не было никого, кто-бы помогъ мнѣ. Изнемогши совсѣмъ въ бѣдѣ сей, увидѣла я двухъ свѣтоносныхъ Ангеловъ Божіихъ, пришедшихъ ко мнѣ въ образѣ свѣтлыхъ юношей, красоты которыхъ невозможно выразить. Лица ихъ были свѣтлы, глаза смотрѣли привѣтливо, волосы на головахъ ихъ были бѣлы какъ снѣгъ съ златовиднымъ блескомъ, одежды ихъ были подобны молніи, препоясаны они были на груди крестообразно. Подошедши къ моей постели, они стали по правую сторону, нѣчто тихо бесѣдуя между собою, а я, увидѣвъ ихъ, возрадовалась сердцемъ и веселымъ взоромъ смотрѣла на нихъ, черные-же тѣ ееіопы, увидѣвши ихъ, ис-

пугались и стали подальше. Тогда одинъ изъ свѣтоносныхъ юношей, грозно обратившись къ темнымъ, сказалъ: „о безстыдные, проклятые и мрачные злобные враги человѣческаго рода! Зачѣмъ вы всегда предваряете приходить къ умершимъ и, творя шумъ, устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся съ тѣломъ? Но не радуйтесь много, здѣсь вы не найдете ничего, ибо съ нею—Божіе милосердіе, и нѣтъ вамъ доли въ этой душѣ“. Когда онъ сказалъ это, еѳіопы засуетились, произведши большой шумъ и крикъ, и начали показывать мои злыя дѣла, содѣланныя отъ юности, и говорили: „ничего въ ней не имѣемъ? а эти грѣхи—чьи они? не она-ли сдѣлала то и то“?—шумя такъ стояли и ожидали смерти. И вотъ пришла смерть, рыкая, какъ левъ, видомъ страшна, подобія какъ будто человѣческаго, но тѣла неимѣющая, а составленная только изъ однихъ голыхъ костей человѣческихъ. Принесла она съ собою разныя орудія для мученія: мечи, стрѣлы, копья, косы, серпы, рожны, пилы, топоры, крючки и много другихъ мною незнаемыхъ. Увидѣвъ сіе, смиренная душа моя вострепетала отъ страха, и сказали смерти святые Ангелы: „что медлишь? разрѣши сію душу отъ плотскихъ союзовъ, но разрѣши скоро и тихо, ибо она не имѣетъ большой тяжести грѣховной“. И тотчасъ, приступивши ко мнѣ, смерть взяла одно небольшое орудіе и стала отсѣкать сначала ноги мои, потомъ руки, затѣмъ другими орудіями, разслабляя всѣ члены мои, отдѣляла сіи члены отъ суставовъ. И не стало у меня ни рукъ, ни ногъ и омертвѣло все тѣло мое, такъ что я не могла даже двинуться, потомъ смерть отсѣкла мою голову, и я не могла поднять ее, ибо она сдѣлалась какъ чужая, послѣ всего этого сдѣлала въ чашѣ нѣкоторый составъ и, приложивши къ

устамъ моимъ, напоила меня. И такъ горько было питье это, что душа моя, не стерпѣвши, содрогнулась и вышла изъ тѣла, какъ бы вырванная насильно (¹). И тотчасъ свѣтоносные Ангелы приняли ее на свои руки; оборотившись назадъ, увидѣла я тѣло мое, лежащее бездыханнымъ, безчувственнымъ и неподвижнымъ, подобно тому, какъ скинетъ кто свою одежду и, бросивъ ее, стоитъ и смотритъ на нее,—такъ смотрѣла я на мое тѣло, которое скинула какъ одежду какую, и очень удивлялась. Когда держали меня святые Ангелы, обступили насъ бѣсы, бывшіе въ образѣ тѣхъ еѳіоповъ, восклицая: „множество грѣховъ имѣетъ сія душа, пусть-же отвѣчаетъ намъ", и показывали грѣхи мои. А святые Ангелы стали искать у меня добрыхъ дѣлъ и благодатію Господнею находили, когда что творила доброе помощію Его; собирали же все, что когда сдѣлала добраго,—когда подала милостыню бѣднымъ или накормила алчущаго или напоила жаждущаго или одѣла нагаго или ввела въ домъ страннаго и успокоила его или послужила святымъ или посѣтила больнаго или въ темницѣ и оказала ему помощь;—когда съ усердіемъ приходила въ церковь и молилась съ умиленіемъ и слезами или со вниманіемъ слушала церковное чтеніе и пѣніе или принесла ладону и свѣчей или другое что или вливала масло въ лампады предъ иконами, съ благоговѣніемъ лобызая ихъ; когда постилась въ среды, въ пятки и во всѣ посты святые или когда совершила сколько поклоновъ и бдѣній нощныхъ или когда въ сердцѣ своемъ воздохнула предъ Богомъ и восплакала о грѣхахъ своихъ или исповѣдала Богу предъ отцомъ духовнымъ грѣхи свои съ сердечнымъ сокрушеніемъ о нихъ и удовлетворила за нихъ (при-

---

(¹) Преп. Ѳеодора скончалась въ 940 году.

несла плоды покаянія); когда сдѣлала что доброе ближнему, не гнѣвалась на враждующаго или перетерпѣла какую-либо досаду и укоризну, не памятозлобствовала, а воздала за зло добромъ или смирилась или пожалѣла и поболѣла о чужой бѣдѣ, сострадала страждущимъ или утѣшила плачущаго и подала кому руку помощи или помогла кому въ добромъ дѣлѣ или удержала кого отъ злаго дѣла или отвратила глаза мои отъ суеты и удержала языкъ отъ клятвы, лжи, клеветы и пустословія и всѣ другія даже самыя малѣйшія добрыя дѣла мои собирали одно за другимъ и готовили положить ихъ на вѣсахъ противъ злыхъ моихъ дѣлъ. А еѳіопы, видя сіе, скрежетали на меня зубами своими и готовы были тотчасъ-же схватить меня и низвести на дно адово. Въ это время явился тамъ вдругъ преподобный отецъ нашъ Василій и сказалъ святымъ Ангеламъ: „господа мои, сія душа много послужила мнѣ, угождая моей старости; я молился о ней Богу, и Онъ даровалъ ее мнѣ“. Сказавши это, онъ вынулъ изъ-подъ одежды своей небольшой красный мѣшокъ, чѣмъ-то наполненный (думалось мнѣ, что въ томъ мѣшкѣ было чистое золото) и отдалъ святымъ Ангеламъ, говоря: „когда будете проходить воздушныя мытарства и лукавые духи станутъ истязать сію душу, вы выкупайте ее симъ отъ долговъ ея, ибо, по благодати Божіей, я богатъ, собравъ большое сокровище отъ потовъ и трудовъ моихъ, и вотъ я дарю мѣшокъ этотъ душѣ, послужившей мнѣ“,—сказавъ сіе ушелъ. Духи-же лукавые, увидѣвъ сіе, были въ недоумѣніи, затѣмъ, воскликнувъ плачевными голосами, стали невидимы. И вотъ опять явился угодникъ Божій Василій, неся съ собою многіе сосуды съ чистымъ елеемъ и многоцѣннымъ мѵромъ, которые открывая одинъ за

другимъ все излилъ на меня, и исполнилась я благоуханія духовнаго и почувствовала, что измѣнилась и сдѣлалась весьма свѣтлою. Тогда преподобный опять сказалъ святымъ Ангеламъ: „господа мои, когда все необходимое совершите съ сею душею, тогда введите ее въ домъ, приготовленный мнѣ Господомъ,—пусть она пребываетъ тамъ“. Сказавши это, сталъ невидимъ. А святые Ангелы взяли меня и пошли мы по воздуху на востокъ. Когда поднимались мы отъ земли въ высоту небесную, сначала встрѣтили насъ воздушные духи перваго мытарства (¹), на которомъ истязуются грѣхи словъ и человѣческихъ рѣчей—праздныхъ, буйныхъ, скверныхъ, безчинныхъ, и тотчасъ остановились тамъ. И принесли къ намъ духи многіе свитки, въ которыхъ написаны были всѣ мои слова, произнесенныя съ самой юности,—когда сказала что ненужное и безразсудное, а особенно когда говорила что въ молодости своей срамное, кощунственное и смѣхотворное, что въ обычаѣ у молодыхъ. Видѣла тамъ написанныя всѣ мои буйныя слова, сквернословія, безстыдныя мірскія пѣсни, безчинныя восклицанія, смѣхъ и хохотъ, и обличали меня въ томъ, указывая времена, мѣста и лица, когда, гдѣ и съ кѣмъ я вела суетныя бесѣды и прогнѣвляла Бога тѣми моими словами, а я и въ грѣхъ не ставила себѣ того, не исповѣдала отцу духовному и не каялась. Видя это, я молчала, какъ безгласная, не зная что отвѣчать духамъ лукавымъ, ибо по правдѣ обличали меня, я удивлялась только, какъ у нихъ не забыто все это: сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, я сама давно забыла, даже никогда и на умъ не приходило мнѣ то, а они напоминали мнѣ какъ будто сказанное только сегодня, разбирая все тонко и под-

(¹) Мытарство 1-е.

робно, и напоминали все то такъ, какъ было и на самомъ дѣлѣ. Когда-же я молчала и стыдилась, а вмѣстѣ и трепетала отъ страха, св. Ангелы, водившіе меня, противъ тѣхъ грѣховъ моихъ положили нѣчто изъ моихъ добрыхъ дѣлъ, сдѣланныхъ позднѣе, а недостающее восполнили отъ дарованія преподобнаго отца моего Василія и такимъ образомъ выкупили меня, и пошли мы оттуда выше. Приблизились, затѣмъ, къ другому мытарству, такъ называемому мытарству лжи ([1]), на которомъ истязуется всякое ложное слово, а особенно клятвопреступленія, напрасныя призыванія имени Господня, лжесвидѣтельства, нарушеніе обѣтовъ, данныхъ Богу, лицемѣрное исповѣданіе грѣховъ и всякая подобная сему ложь. Духи-же того мытарства—грозны и свирѣпы, твердо настаивавшіе и истязавшіе, которые, когда удержали насъ, стали разбирать все подробно; и обличена была я въ двухъ такихъ грѣхахъ,—случилось мнѣ когда-то солгать въ маломъ дѣлѣ, а я и въ грѣхъ себѣ не вмѣняла того, и нѣсколько разъ изъ-за стыда я неискренно каялась предъ духовнымъ отцемъ моимъ; клятвопреступленій-же, лжесвидѣтельствъ и другихъ подобныхъ грѣховъ благодатію Христовою не нашли во мнѣ. Однако торжествовали и о тѣхъ найденныхъ во мнѣ грѣхахъ и хотѣли взять меня изъ рукъ водившихъ меня, но святые Ангелы, положивши противъ тѣхъ грѣховъ нѣчто изъ моихъ добрыхъ дѣлъ, а прочее изъ дарованія отца моего (преп. Василія), выкупили меня, и мы спокойно пошли выше. Достигли потомъ инаго мытарства, которое называлось мытарствомъ осужденія и клеветы ([2]); здѣсь, когда мы были удержаны, увидѣла я, какъ тяжекъ грѣхъ осужденія

([1]) Мытарство 2-е.

([2]) Мытарство 3-е.

ближняго и какъ велико зло кого-либо оклеветать, осудить, обезславить, похулить, надругаться и посмѣяться надъ чужимъ грѣхомъ, не видя грѣховъ собственныхъ. Ибо лютые истязатели жестоко пытаютъ такихъ грѣшниковъ, какъ антихристовъ, предвосхитившихъ власть Христову и сдѣлавшихся самовольно судьями и губителями ближнихъ своихъ, будучи сами достойны еще большаго осужденія: но во мнѣ, по благодати Христовой, немного обрѣли тамъ. Ибо я старательно наблюдала надъ собою во всѣ дни жизни моей, какъ бы не осудить кого, не оклеветать, не посмѣяться надъ кѣмъ, не похулить кого; впрочемъ, слушая иногда другихъ осуждающихъ или клевещущихъ или смѣющихся надъ кѣмъ, случалось и мнѣ внимать (сочувствовать) имъ въ умѣ своемъ или прибавить, по разсѣянности, какое-либо слово и тотчасъ, спохватившись, раскаяваться въ томъ, но и то все поставлено мнѣ было отъ истязателей въ самое осужденіе и клевету. Но и здѣсь, выкупивши меня дарованіемъ преподобнаго Василія, святые Ангелы пошли со мною выше. И дошли мы до слѣдующаго мытарства, которое называется мытарствомъ чревоугодія (¹), и тотчасъ выбѣжали противъ насъ тѣ скверные духи, какъ-бы радуясь нѣкой корысти, выпавшей на ихъ долю. И видѣла, сколько гнусенъ видъ тѣхъ духовъ, изображающихъ собою сластолюбивыхъ чревоугодниковъ и мерзкихъ пьяницъ; изъ нихъ нѣкоторые представились какъ бы несшими котлы и блюда съ яствами, а другіе—чаши и кувшины съ питіями. пища-же та и питье казались гноемъ смердящимъ и мерзостью блевотинной; иные представлялись какъ бы пресыщенными, пьяными и пляшущими, и все дѣлали по обычаю корчемниковъ и пирующихъ, ругаясь надъ

(¹) Мытарство 4-е.

душами грѣшниковъ, приводимыхъ къ ихъ мытарству. Они, остановивши и окруживши насъ какъ псы, тотчасъ представили предо мной всѣ мои объѣденія,— когда случалось ѣсть тайно или насильно и сверхъ нужды или съ утра ѣла, какъ свинья, до молитвы и не перекрестясь и сколько разъ въ святые посты случалось ѣсть прежде обычнаго церковнаго правила или вкушала что, по невоздержанію, до обѣда или чрезъ мѣру пресыщалась за обѣдомъ. Показывали мнѣ также и случаи пьянства, представляя чаши и сосуды, изъ которыхъ упивалась, и самое число выпитыхъ чашъ, говоря: столько-то чашъ выпила ты въ такое-то время, на такомъ-то пиру и съ такими-то людьми; а въ другое время и въ другомъ мѣстѣ столькими-то чашами упивалась до безпамятства и рвоты и опять—въ иномъ мѣстѣ и въ иное время выпила столько-то стклянницъ вина или другаго напитка и столько-то времени пировала съ музыкой и пѣснями, плясала, пѣла, скакала и уже едва приводима была въ домъ твой,—такъ ослабѣвала отъ безмѣрнаго пьянства. Показывали мнѣ еще и тѣ чаши, которыя дозволяла себѣ выпить рано въ постные дни или ради гостей или ради немощи и упивалась, а послѣ не ставила себѣ того въ грѣхъ, не каялась, а еще другихъ соблазняла къ тому-же; или когда приходилось въ праздничные и воскресные дни прежде святой литургіи случайно выпить гдѣ-либо чашу вина. Показывая всѣ эти и другія мои чревоугожденія, истязатели радовались, какъ-бы имѣя уже меня въ рукахъ своихъ и готовясь низвести меня на дно адово; я-же трепетала, видя себя обличенной и не зная, что отвѣчать. Но святые Ангелы, вынувши довольно изъ дарованнаго преп. Василіемъ, положили противъ тѣхъ обвиненій выкупъ за меня; а тѣ, видя

выкупъ мой, закричали: „горе намъ, ибо мы погубили трудъ нашъ, погибла надежда наша“ и пускали на воздухъ тѣ записки, въ которыхъ было написано на меня, а я, видя сіе, возвеселилась, и пошли мы оттуда безопасно. Шедши-же святые Ангелы бесѣдовали между собою, говоря: „по истинѣ, большую помощь имѣетъ сія душа отъ угодника Божія Василія, и если-бы не помогли ей его труды и молитвы, великую бѣду потерпѣла-бы она, проходя воздушныя испытанія“. Я же, осмѣлившись, сказала святымъ Ангеламъ: „господа мои, думается мнѣ, что никто изъ живущихъ на землѣ не знаетъ того, что здѣсь бываетъ и что ожидаетъ по смерти грѣшную душу“. Святые Ангелы отвѣчали мнѣ: „развѣ не свидѣтельствуютъ объ этомъ божественныя Писанія, читаемыя постоянно въ церквахъ и проповѣдуемыя отъ священнослужителей Божіихъ?— Но пристрастившіеся къ суетѣ мірской не радятъ о томъ, поставляя удовольствіе свое въ каждодневномъ пресыщеніи и пьянствѣ, во всѣ дни ѣдятъ безъ нужды и безъ страха Божія упиваются, имѣя богомъ своимъ чрево, не помышляютъ о будущей жизни, не помнятъ Писанія, говорящаго: горе вамъ, пресыщающіеся нынѣ, ибо взалчете, и упивающіеся, ибо возжаждете. Баснею считаютъ они Писаніе святое и живутъ въ нерадѣніи и роскоши, пируя съ музыкой и пѣніемъ и каждый день веселясь шумно, подобно богачу евангельскому. Впрочемъ, тѣ изъ нихъ, которые милостивы и милосердны, благодѣтельствуютъ бѣднымъ и нищимъ и оказываютъ помощь нуждающимся въ ней,—тѣ получаютъ отъ Бога прощеніе грѣховъ своихъ и проходятъ мытарства безопасно, ради своей милостыни, ибо Писаніе говоритъ: *милостыня отъ смерти избавляетъ, и тая очищаетъ всякъ грѣхъ* (Тов.

12, 9). Творящіе милостыню и правду исполнятся жизни, а кто не старается очистить грѣхи свои милостыней,—для тѣхъ невозможно избѣжать сихъ испытаній, ибо ихъ схватываютъ тѣ темновидные князья мытарствъ, которыхъ ты видѣла, съ мученіемъ низводятъ ихъ въ обители адовы и держатъ ихъ тамъ въ узахъ до страшнаго суда Христова; но и тебѣ невозможно было-бы пройти сіи мытарства, если-бы не получила ты выкупа отъ дарованія преподобнаго Василія". Бесѣдуя такимъ образомъ, дошли мы до слѣдующаго мытарства, такъ называемаго-лѣности (¹), гдѣ разбираются всѣ дни и часы, проведенные въ праздности, и удерживаются тунеядцы, поѣдающіе чужіе труды, сами-же не желающіе трудиться, и наемники, получающіе наемъ, а обязанностей своихъ не исполняющіе; истязуются также тамъ и тѣ, которые не радятъ о славѣ Божіей и въ праздничные и воскресные дни лѣнятся идти къ утрени, къ божественной литургіи и къ прочимъ службамъ Божіимъ. Затѣмъ, испытываются тамъ нерадѣніе и уныніе, до тонкостей разбирается лѣность и нерадѣніе каждаго человѣка мірскаго или духовнаго о душѣ своей, и многіе оттуда низводятся въ пропасть; тамъ и я была долго испытываема, и нельзя было-бы освободиться отъ долговъ грѣха того, если-бы сего недостатка не восполнило дарованіе преподобнаго Василія, выкупленная которымъ, взята была оттуда. И шли мы мимо мытарства татьбы (²), на которомъ хотя и были остановлены, но, давши немного, прошли мимо, ибо воровства не нашлось во мнѣ, кромѣ неважнаго, сдѣланнаго въ дѣтствѣ по неразумію. Отсюда пришли мы къ мытар-

(¹) Мытарство 5-е.
(²) Мытарство 6-е.

ству сребролюбія и скупости [1], но тотчасъ прошли мимо, ибо въ жизни своей, при помощи Божіей, о многомъ стяжаніи я не заботилась, не была также и сребролюбива, а довольствовалась тѣмъ, что посылалъ мнѣ Господь, не была скупа, но изъ того, что имѣла, подавала съ усердіемъ нуждающимся.

Идя оттуда выше, достигли мы до мытарства такъ называемаго лихвы [2], гдѣ истязуются отдающіе въ ростъ серебро свое, несправедливо пріобрѣтающіе имѣнія, лихоимцы и присвоиватели чужаго; тамъ истязатели, тщательно обыскавъ меня и ничего не нашедши, заскрежетали на меня зубами своими. мы-же, благодаря Бога, пошли выше. И пришли къ мытарству неправды [3], на которомъ бываютъ истязуемы всѣ несправедливые судьи, берущіе взятки и оправдывающіе виновныхъ и осуждающіе невинныхъ; тамъ-же испытывается удержаніе платы у наемника, испытываются съ фальшивыми мѣрами производящіе торговлю и все прочее, совершаемое несправедливо; но мы, по благодати Христовой, прошли то мытарство безопасно, отдавши весьма немного. Также и слѣдующее затѣмъ мытарство зависти [4] мы прошли не давши ничего, ибо я никогда никому не завидовала; хотя тамъ-же испытываются еще нелюбовь, братоненавидѣніе, недружелюбіе, ненависть, однако. по милости Божіей, во всѣхъ тѣхъ испытаніяхъ я оказалась не виновной, видѣла только ярость скрежетавшихъ на меня бѣсовъ, но я не испугалась ихъ, и мы, радуясь, пошли выше. Подобнымъ-же образомъ прошли мы и мытарство гор-

(1) Мытарство 7-е.
(2) Мытарство 8-е.
(3) Мытарство 9-е.
(4) Мытарство 10-е.

дости (¹), гдѣ горделиво-надменные духи разбираютъ тщеславіе, самомнѣніе, дерзость, величаніе; тамъ тщательно разбирается то, если кто не воздавалъ должнаго уваженія родителямъ—отцу и матери, также и властямъ, отъ Бога поставленнымъ,—если кто не слушался ихъ, сколько разъ, въ какихъ дѣлахъ и прочіе горделивые поступки и тщеславныя слова; когда мы проходили сіе мытарство, то весьма мало положили для выкупа, и я стала свободна. Затѣмъ достигли инаго мытарства, называемаго мытарствомъ гнѣва и ярости (²); здѣсь, хотя и свирѣпы были воздушные истязатели, однако немного отъ насъ получили, и пошли мы далѣе, радуясь о Господѣ и прикрываясь молитвами отца моего преподобнаго Василія. Послѣ сего, предстало намъ мытарство злопамятства (³), на которомъ безъ милости истязаемы бываютъ таящіе въ сердцахъ своихъ злобу на ближняго и воздающіе зломъ за зло, и оттуда съ великою яростію низводятся злыми духами въ тартаръ, но милосердіе Господа и здѣсь покрыло меня, ибо я ни на кого не таила злобы, не старалась помнить сдѣланнаго мнѣ зла, напротивъ имѣла по отношенію къ врагамъ своимъ беззлобіе и даже являла по возможности любовь къ нимъ, побѣждая добромъ злое. Я оказалась ничѣмъ не должною на семъ мытарствѣ, и бѣсы рыдали о томъ, что я отходила свободною отъ лютыхъ мукъ ихъ, мы́-же пошли далѣе, веселясь о Господѣ. И спросила я ведшихъ меня святыхъ Ангеловъ: „прошу васъ, господа мои, скажите мнѣ, какимъ образомъ сіи страшныя воздушныя власти знаютъ всѣ злыя дѣла всѣхъ людей,

(¹) Мытарство 11-е.
(²) Мытарство 12-е.
(³) Мытарство 13-е.

живущихъ въ мірѣ, какъ знаютъ мои и не только совершенныя явно, но обличаютъ и совершенныя тайно?" И отвѣчали мнѣ святые Ангелы, говоря: „всякій христіанинъ послѣ крещенія принимаетъ даннаго ему отъ Бога Ангела хранителя, который, невидимо сохраняя человѣка, наставляетъ его и днемъ и ночью на всякое доброе дѣло во всѣ дни жизни его до самаго смертнаго часа и записываетъ всѣ добрыя дѣла его, совершенныя въ жизни сей—для того, чтобы человѣкъ тотъ получилъ милость отъ Бога и вѣчное воздаяніе въ царствѣ небесномъ. Подобнымъ образомъ и князь тмы, желающій привлечь къ своей погибели весь родъ человѣческій, приставляетъ также одного изъ злыхъ духовъ, который, всюду слѣдуя за человѣкомъ, наблюдаетъ всѣ злыя дѣла его отъ юности, на которыя самъ-же поощряетъ его своими кознями, и собираетъ, когда человѣкъ сдѣлаетъ что-либо злое; затѣмъ, отходя къ мытарствамъ, относитъ туда грѣхи человѣческіе, вписывая каждый грѣхъ въ соотвѣтствующее ему мытарство,—посему-то и извѣстны князьямъ воздушнымъ всѣ грѣхи всѣхъ людей въ мірѣ. Когда душа разлучается съ тѣломъ и старается взойти на небо къ своему Создателю, тогда они—злые—и останавливаютъ ее, показывая ей тѣ грѣхи записанные. И если душа имѣетъ больше добрыхъ дѣлъ, чѣмъ грѣховъ, то не могутъ удержать ее. Если-же найдутъ въ ней больше грѣховъ, то на время удерживаютъ ее, затворяютъ въ темницѣ невидѣнія Бога и мучаютъ до тѣхъ поръ, пока душа церковными молитвами и милостынями ближнихъ своихъ получитъ искупленіе. Если-же какая душа окажется столь грѣшною и мерзостною предъ Богомъ, что не будетъ ей и надежды спасенія, но ожидаетъ ее погибель вѣчная.—ту душу тотчасъ низво-

дятъ въ бездну, гдѣ и сами для себя имѣютъ мѣста, приготовленныя для вѣчныхъ мукъ, и держатъ тамъ ту душу до втораго пришествія Господня, которая потомъ и съ тѣломъ будетъ вѣчно мучиться вмѣстѣ съ ними въ гееннѣ огненной. Еще и то знай, что симъ путемъ восходятъ и истязуются на мытарствахъ только тѣ люди, которые просвѣщены вѣрою и святымъ крещеніемъ; невѣрные-же идолослужители—сарацины и всѣ чуждые Бога сюда не приходятъ, такъ какъ, будучи еще живы тѣломъ, душами своими они уже погребены во адѣ, и когда умираютъ, тотчасъ, безъ всякаго испытанія, бѣсы берутъ ихъ души, какъ истинную свою часть, и низвергаютъ въ пропасть геенскую". Когда такимъ образомъ святые Ангелы бесѣдовали со мною, взошли мы на мытарство убійства [1], на которомъ истязуются не только разбойничество, но и всякое пораненіе и всякій ударъ чѣмъ-бы то ни было и гдѣ-бы то ни было—по плечамъ-ли или по головѣ, въ щеку-ли или по шеѣ или толчокъ съ гнѣвомъ,—все это разбирается въ тонкости и полагается на вѣсахъ, но мы, и здѣсь положивши немного, прошли безопасно. И миновали мытарство чародѣянія, обаянія, отравленія, нашептыванія и призыванія бѣсовъ [2]. Духи на семъ мытарствѣ были подобны четвероногимъ гадамъ, скорпіямъ, змѣямъ, ехиднамъ и жабамъ, такъ что страшно и мерзко было смотрѣть на нихъ. Здѣсь, по благодати Господа моего, ничего не нашлось написаннымъ на меня, и мы прошли не положивши ничего. Духи-же, сердясь на меня, восклицали и говорили: „вотъ придешь на блудныя мѣста,—посмотримъ, какъ избѣжишь нихъ". Когда мы восходили, затѣмъ,

(1) Мытарство 14-е.
(2) Мытарство 15-е.

еще выше, спросила я ведших меня святыхъ Ангеловъ: „господа мои, всѣ-ли люди-христіане проходятъ сіи мытарства, и нѣтъ-ли возможности пройти кому-либо здѣсь безъ испытанія и страха, бываемаго на мытарствахъ?“ Святые Ангелы отвѣчали мнѣ: „нѣтъ другаго пути душамъ вѣрныхъ, восходящимъ къ небу, всѣ идутъ здѣсь, но не всѣ бываютъ такъ истязуемы какъ ты, а только подобные тебѣ грѣшники, которые, стыдясь и утаивая предъ отцемъ духовнымъ срамныя дѣла свои, приносили несовершенное исповѣданіе грѣховъ своихъ; ибо если кто искренно исповѣдуетъ всѣ злыя дѣла свои, сожалѣетъ и кается о содѣланномъ злѣ, грѣхи тѣхъ невидимо заглаждаются милосердіемъ Божіимъ; и когда такая душа идетъ сюда, то воздушные истязатели, разгнувши свои книги и не нашедши въ нихъ ничего написаннаго на нее, не могутъ сдѣлать ей никакого зла и, радуясь, душа восходитъ къ престолу благодати. И ты, если-бы искренно исповѣдалась во всѣхъ грѣхахъ твоихъ и, по разрѣшеніи, принесла удовлетвореніе за нихъ (плоды покаянія), не встрѣтила-бы такихъ грозныхъ истязаній и страховъ на мытарствахъ; впрочемъ, тебѣ еще помогло то, что ты давно уже перестала согрѣшать смертно и послѣ сего довольно лѣтъ провела добродѣтельно, а всего болѣе помогли тебѣ молитвы преподобнаго отца Василія, которому много и съ усердіемъ послужила“. Бесѣдуя такимъ образомъ, дошли мы до мытарства блуднаго (¹), на которомъ истязуется всякое любодѣяніе и умственная мечта о грѣхахъ блудныхъ, а со стороны помысла—промедленіе въ томъ, соизволеніе и услажденіе,—скверныя осязанія и страстныя прикосновенія. Князь-же сего мытарства сидѣлъ

(¹) Мытарство 16-е.

на своемъ престолѣ, облеченный въ одежду скверную и смрадную, окропленную кровавой пѣной, каковою одеждою онъ украшалъ себя, какъ царской багряницей, и множество бѣсовъ предстояло ему. Бѣсы, увидѣвъ меня, пришедшую къ нимъ, весьма удивлялись, какъ я дошла до нихъ и, вынесши мои записанныя блудныя дѣла, обличали меня, указывая лица, съ которыми грѣшила въ юности моей, время—когда грѣшила, днемъ или ночью, и мѣста, на которыхъ сдѣлала съ кѣмъ грѣхъ, и не знала я, что отвѣчать, только трепетала отъ страха и стыдилась. Тогда святые Ангелы сказали за меня бѣсамъ: „но она уже давно оставила блудные грѣхи и затѣмъ жила постнически—въ чистотѣ и воздержаніи“. А бѣсы отвѣчали: „и мы знаемъ, что давно отстала отъ грѣха, но не искренно исповѣдалась предъ отцемъ духовнымъ и не приняла отъ него никакой епитиміи, чтобы удовлетворить за грѣхи,—потому и наша. Итакъ, или, оставивши ее намъ, идите, или выкупите ее добрыми дѣлами“. И святые Ангелы много положили отъ дѣлъ моихъ, а еще болѣе отъ дарованнаго преподобнымъ Василіемъ и такимъ образомъ, едва избавившись отъ бѣды сей, пошли далѣе. Затѣмъ, достигли до мытарства прелюбодѣйнаго (1), гдѣ разбираются грѣхи живущихъ въ супружествѣ, супружеской-же вѣрности другъ къ другу не сохраняющихъ и не соблюдающихъ отъ оскверненія ложа своего,—также похищенія и насилія съ блудною цѣлію. Здѣсь-же жестоко истязуются блудныя паденія лицъ, посвятившихъ себя Богу и обѣщавшихъ Христу чистоту, но не соблюдшихъ ея. На семъ мытарствѣ оказалась виновною и я, ибо обличена была какъ прелюбодѣица, и скверные духи и немилостивые истязатели

(1) Мытарство 17-е.

уже готовы были вырвать меня изъ рукъ ангельскихъ и низринуть на дно ада. но святые Ангелы. много поспорившi съ ними и принесши на средину всѣ мои труды и подвиги. бывшіе потомъ. едва выкупили меня. и не столько моими добрыми дѣлами, которыя положили тамъ всѣ до послѣдняго. сколько отъ дара отца моего Василія, и. взявши меня. пошли далѣе. И приблизились мы къ мытарству содомскому [1], на которомъ истязуются грѣхи неестественные—мужскіе и женскіе, соединеніе съ животными безсловесными, кровосмѣшенія и другіе гнуснѣйшіе. тайно совершаемые. о которыхъ срамно и говорить. Князь того мытарства представлялся самымъ гнуснѣйшимъ изъ всѣхъ мерзкихъ и гнусныхъ бѣсовъ,—весь запачканъ былъ гноемъ смраднымъ. таковы-же были и слуги его,—смрадъ ихъ былъ нестерпимъ, злообразіе ихъ невыразимо. ярость и жестокость ихъ несказанны. Они быстро вышедши къ намъ. обступили насъ. но, по милости Божіей. ничего такого не нашли во мнѣ и со стыдомъ убѣжали. а мы. радуясь, пошли далѣе. И сказали мнѣ святые Ангелы: „вотъ видѣла ты, Өеодора. страшныя и гнусныя мытарства блудныя. знай же, что весьма немногія души проходятъ ихъ безопасно. поелику весь міръ лежитъ во злѣ соблазновъ и скверпъ, и всѣ люди сластолюбивы и любодѣйны, ибо прилежитъ помышленіе человѣку на злое отъ юности его, посему мало соблюдающихъ себя отъ нечистотъ блудныхъ, мало также и умерщвляющихъ свои плотскія похоти, и весьма многіе дошедши до сего мѣста тотчасъ погибаютъ, ибо жестокіе истязатели грѣховъ блудныхъ схватываютъ души блудниковъ и съ ужаснымъ мученіемъ низвергаютъ ихъ во адъ. А князья мытарствъ

(1) Мытарство 18-е.

блудныхъ хвалятся, говоря: „мы больше всѣхъ мытарствъ наполняемъ грѣшниками огненные ряды во адѣ“. Благодари же Бога, Θеодора, что ты уже прошла тѣ блудныя истязанія молитвами отца твоего преподобнаго Василія и уже болѣе не увидишь ни зла, ни страха“.

Послѣ сего, пришли мы къ мытарству ересей (¹), гдѣ истязуются неправыя мнѣнія о вѣрѣ, отступленія отъ православнаго исповѣданія вѣры, маловѣріе, сомнѣнія въ вѣрѣ, хулы на святыню и прочіе, подобные тѣмъ, грѣхи. Сіе мытарство мы прошли безъ испытанія, и уже недалеко были отъ вратъ небесныхъ. Но тутъ еще встрѣтили насъ злые духи послѣдняго мытарства, которое есть мытарство немилосердія и жестокосердія (²). Жестоки были и истязатели тѣ съ княземъ своимъ, который казался худымъ и унылымъ, дышавшимъ отъ ярости огнемъ немилосердія; здѣсь безъ милости испытываются души немилостивыхъ. Если кто совершилъ и великіе подвиги, посты и молитвы, если кто не осквернилъ и чистоты своей и измождалъ воздержаніемъ свое тѣло, но былъ жестокъ и немилостивъ, отказывая въ помощи ближнему своему,—тотъ съ сего мытарства низвергается внизъ, затворяется въ безднѣ адской и не получаетъ милости во вѣки. Но мы, по благодати Христовой, и сіе мытарство прошли безопасно, имѣя вездѣ помощь отъ молитвъ преподобнаго Василія, давшаго много изъ своихъ добрыхъ дѣлъ для моего выкупа. Затѣмъ, освободившись отъ горькихъ мытарствъ, съ радостію приблизились мы къ самымъ вратамъ небеснымъ. Врата-же небесныя были подобны кристаллу свѣтлѣйшему,

(¹) Мытарство 19-е.

(²) Мытарство 20-е.

отражая сіяніе невыразимое; въ нихъ стояли солнцевидные юноши, которые, увидѣвъ меня, веденную руками Ангеловъ, возвеселились, радуясь, что, покрываемая милосердіемъ Божіимъ, освободилась я отъ мытарствъ воздушныхъ, и, любезно встрѣтивши насъ, ввели внутрь. А что тамъ видѣла и слышала, чадо Григорій (говоритъ преподобная Θеодора), того нѣтъ возможности передать вполнѣ, ибо видѣла тамъ то, чего не видѣлъ глазъ человѣка, и слышала то, чего никогда не слыхало ухо, и даже на умъ не приходили никому изъ живущихъ на землѣ тѣ блага. И вотъ подведена была къ престолу неприступной славы Божіей, окруженному Херувимами и Серафимами и множествомъ силъ небесныхъ, неизреченными пѣсньми всегда славящихъ Бога, и падши поклонилась я Невидимому и Недовѣдомому Богу. А силы небесныя воспѣли сладчайшую пѣснь, прославляя милосердіе Божіе, непреодолѣваемое грѣхами человѣческими. И пришелъ гласъ отъ славы велелѣпной, повелѣвавшій тѣмъ-же, водившимъ меня, святымъ Ангеламъ, дабы вели меня видѣть всѣ обители святыхъ, а также и всѣ муки грѣшныхъ и потомъ упокоили меня въ обители блаженнаго Василія. Водима была я всюду и видѣла прекрасныя селенія и многія обители, уготованныя любящимъ Бога, преисполненныя благодати и славы. Ведшіе меня показывали мнѣ отдѣльно обители апостольскія, отдѣльно пророческія, отдѣльно мученическія, отдѣльно святительскія и отдѣльныя обители для каждаго изъ прочихъ ликовъ святыхъ. Каждая обитель была красоты неизреченной, по широтѣ и долготѣ, сказала-бы подобна Царьграду, но несравненно красивѣе, и имѣла многія свѣтлѣйшія палаты (комнаты) нерукотворенныя. Слышенъ былъ во всѣхъ тѣхъ обителяхъ голосъ радо-

сти и духовнаго веселія и видны были лица торжествующихъ. Всѣ, видя меня, радовались о моемъ спасеніи, встрѣчали и привѣтствовали, прославляя Бога, избавившаго меня отъ сѣтей вражіихъ. По обхожденіи сихъ обителей, сведена я была въ преисподнія мѣста земли и видѣла страшныя, нестерпимыя и жестокія муки, уготованныя въ аду грѣшникамъ, показывая которыя, святые Ангелы говорили: „смотри, Θеодора, отъ какихъ мукъ избавилъ тебя Господь по молитвамъ Своего угодника Василія“. И слышала я тамъ вопль, плачъ и неутѣшное рыданіе находившихся въ тѣхъ мукахъ; изъ нихъ одни восклицали: „о, горе!“ другіе: „увы намъ!“ иные проклинали самый день своего рожденія, но не было никого, кто-бы пожалѣлъ о нихъ. Затѣмъ, выведши меня оттуда, привели вотъ въ эту, которую видишь, обитель преподобнаго отца нашего Василія и упокоили меня здѣсь, сказавъ мнѣ: „нынѣ преподобный Василій совершаетъ память о тебѣ“. И уразумѣла я, что пришла на сіе мѣсто покоя послѣ сорока дней по разлученіи моемъ съ тѣломъ“. Все это пересказала Григорію преподобная Θеодора въ сонномъ видѣніи и показала ему всю красоту той обители и духовныя богатства, собранныя великими трудами блаженнаго Василія,—разныя наслажденія и славу, различныя златолиственныя и многоплодные сады и все духовное веселіе. Когда кончилось сіе видѣніе, Григорій пробудился отъ сна и весьма удивлялся всему видѣнному и слышанному отъ блаженной Θеодоры. Вставши утромъ, онъ пошелъ къ преподобному Василію по обычаю принять отъ него благословеніе. Тогда преподобный спросилъ его: „чадо Григорій, гдѣ ты былъ въ эту ночь?“ А Григорій, какъ-бы не понимая его вопроса, отвѣчалъ: „почивалъ, отче, на

своей постели". Старецъ сказалъ: „знаю, что тѣломъ почивалъ ты на своей постели, а духомъ былъ въ иномъ мѣстѣ; ужели забылъ, что въ эту ночь открылъ тебѣ Богъ въ сонномъ видѣніи?—Теперь ты получилъ желаемое,—видѣлъ Ѳеодору, и что съ нею—слышалъ отъ нея самой, былъ въ моей обители и созерцалъ все то, что приготовлено мнѣ благодатію Христовою ради малаго труда моего". Григорій, услышавъ сіе, уразумѣлъ, что тотъ сонъ его былъ—не простое видѣніе, но откровеніе ему отъ Бога, исходатайствованное для него молитвами преподобнаго, и, возблагодаривъ Бога, поклонился отцу своему блаженному Василію.

Тотъ-же Григорій въ другое время, по попущенію Божію, впалъ въ нѣкоторое сомнѣніе о вѣрѣ: читая внимательно книги Ветхаго Завѣта, онъ размышлялъ въ себѣ, что іудеи вѣруютъ истинно, и въ помыслѣ этомъ пребывалъ долгое время. Прозорливый старецъ Василій, уразумѣвъ сіе духомъ своимъ, обличилъ его и послѣ увѣщанія во второй разъ испросилъ ему откровеніе отъ Бога. И вотъ Григорій снова видѣлъ во снѣ дивное видѣніе о страшномъ судѣ Божіемъ, о собраніи на судъ всего рода человѣческаго, видѣлъ сѣдящаго на престолѣ Судію и всѣхъ праведниковъ, стоящихъ по правую, а грѣшниковъ по лѣвую сторону, судимыхъ по дѣламъ своимъ;—видѣлъ іудеевъ, не вѣровавшихъ во Христа, осужденныхъ съ прочими невѣрными народами и посланныхъ въ геенну огненную, видѣлъ какъ осужденіе грѣшниковъ, такъ и прославленіе святыхъ.—Марта 26.

Св. Андрей, Христа ради юродивый, восхищенный до третьяго неба.

Святой Андрей, Христа ради юродивый, былъ такъ угоденъ и любезенъ Богу, что однажды восхищенъ былъ до третьяго неба. Случилось это такъ.—Въ Царьградѣ, гдѣ жилъ св. Андрей (въ X в. по Р. X.), была однажды жестокая зима. Цѣлыя двѣ недѣли былъ сильнѣйшій морозъ, многіе дома полны были снѣгу, холодный сѣверный вѣтеръ былъ такъ силенъ, что разрушались и падали высокія зданія, отъ бури и вѣтра ломались деревья, птицы отъ недостатка пищи и холода падали мертвыя на землю. Тогда всѣ нищіе и убогіе были въ великой бѣдѣ и въ несчастіи; они плакали, стонали и тряслись отъ мороза, а многіе отъ холода и голода и умирали. Тогда и блаженный Андрей, не имѣвшій ни пристанища, ни одежды, не малую скорбь потерпѣлъ отъ зимы; ибо когда приходилъ къ другимъ нищимъ, желая гдѣ-либо вмѣстѣ съ ними укрыться отъ холода, они отгоняли его отъ себя палками, какъ пса, говоря: „ступай, ступай отсюда, песъ". Послѣ того уже рѣшительно не зная гдѣ укрыться отъ бѣды и, отчаявшись въ своей жизни, онъ сказалъ самъ въ себѣ: „благословенъ Господь Богъ: если и умру отъ сей зимы, пусть умру ради Его любви, но силенъ Богъ вмѣстѣ съ сею зимою подать мнѣ и терпѣніе". Затѣмъ, зашедши въ одинъ уголъ, нашелъ лежащаго тамъ пса и легъ съ нимъ, желая согрѣться отъ него, но песъ, увидѣвъ его, всталъ и ушелъ. И Андрей сказалъ себѣ: „о, какъ ты грѣшенъ, окаянный, что не только люди, но даже и псы гнушаются тобою". Лежа здѣсь, онъ тряссл отъ жестокаго мороза и вѣтра, все тѣло его посинѣло и об-

мерзло, и онъ уже думалъ, что пришелъ послѣдній часъ его. Тогда, возведши къ Богу свои сердечныя очи, онъ сталъ молиться, дабы Богъ принялъ въ мирѣ его душу. Въ эту самую минуту онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ теплоту и, открывъ глаза, увидѣлъ предъ собою нѣкоего красиваго юношу, лице котораго свѣтилось какъ солнце, а въ рукѣ своей онъ держалъ вѣтвь, цвѣтущую разными цвѣтами. Посмотрѣвъ на Андрея, юноша сказалъ: „Андрей, гдѣ ты?“ Андрей отвѣчалъ: „во тмѣ и сѣни смертной нахожусь нынѣ“. Тогда явившійся юноша, коснувшись лица Андреева тою цвѣтною вѣтвію, которую держалъ въ рукѣ своей, сказалъ: „получи обновленіе тѣлу твоему“;—и тотчасъ святой Андрей почувствовалъ благоуханіе отъ тѣхъ цвѣтовъ, которое, вошедши внутрь его, оживило и согрѣло все тѣло его. Потомъ слышалъ голосъ, говорящій: „ведите его, пусть утѣшится здѣсь на время, а потомъ опять возвратится“. При этихъ словахъ онъ заснулъ сладкимъ сномъ и видѣлъ неизреченныя откровенія Божіи, которыя и разсказалъ, потомъ, самъ, говоря: „Что было со мною,—не знаю: какъ иногда сладко кто спитъ всю ночь и утромъ пробуждается: такъ я цѣлыя двѣ недѣли пробылъ въ сладкомъ видѣніи, по изволенію Божію. Видѣлъ-же я себя какъ-бы въ прекрасномъ и весьма дивномъ раю и, удивляясь, размышлялъ самъ съ собою: что это такое? Знаю, что имѣю пребываніе въ Царьградѣ, но какъ очутился здѣсь,—не знаю. И не сознавалъ того, въ тѣлѣ-ли я былъ или безъ тѣла,—Богъ знаетъ; но видѣлъ, что я облеченъ былъ въ свѣтлую одежду, вытканную какъ бы изъ молній, а на головѣ имѣлъ вѣнецъ, сплетенный изъ большаго цвѣтка, опоясанъ былъ царскимъ поясомъ и весьма радовался о красотѣ сей,—умомъ и сердцемъ удивлялся невыра-

зимой красотѣ рая Божія и ходя по нему веселился. Были тамъ многіе сады, въ которыхъ высокія деревья, колебля верхушки свои, весьма услаждали зрѣніе, и благоуханіе большое исходило отъ вѣтвей ихъ. Одни изъ деревьевъ постоянно цвѣли, а другія были украшены листьями златовидными, иныя еще имѣли различные плоды—красоты и доброты несказанной; нѣтъ возможности уподобить красоты тѣхъ деревьевъ ни одному дереву на землѣ, ибо Божія, а не человѣческая рука насадила ихъ. Безчисленное множество птицъ было въ садахъ тѣхъ,—у однихъ изъ нихъ крылья были золотыя, у другихъ—бѣлыя какъ снѣгъ, а у иныхъ разныхъ цвѣтовъ—пестрыя. Сидя на вѣткахъ деревъ, онѣ такъ чудно пѣли, что отъ сладкаго пѣнія ихъ я не помнилъ самъ себя,—такъ услаждалось мое сердце, и казалось мнѣ, что звуки пѣнія ихъ слышны были даже въ высотѣ небесной. Стояли тѣ сады рядами—одинъ противъ другаго, какъ стоитъ полкъ противъ полка; идя между ними въ сердечномъ веселіи, видѣлъ я большую рѣку, текущую по срединѣ и орошавшую тѣ прекрасные сады. По обѣ стороны рѣки росъ виноградъ, далеко распространявшій свои вѣтви, украшенныя златовидной листвой и плодами. Съ разныхъ сторонъ вѣяли тамъ тихіе и благоуханные вѣтры, производя въ садахъ дивный шумъ. Въ сіи минуты нѣкій ужасъ напалъ на меня, и казалось мнѣ, что я стою на самомъ верху тверди небесной, а предо мною шелъ нѣкоторый юноша, одѣтый въ красную одежду и имѣвшій лице, подобное солнцу; кажется, это былъ тотъ самый, который коснулся вѣткою лица моего. Когда я пошелъ за нимъ, то увидѣлъ большой и прекрасный Крестъ, вокругъ котораго стояли огневидные, какъ пламень, пѣвцы и пѣли нѣкую прекрасную пѣснь, про-

славляя Распятаго на Крестѣ Господа. Юноша, который шелъ предо мною, подошедши ко Кресту, облобызалъ его, потомъ далъ знакъ мнѣ, чтобы и я лобызалъ. Со страхомъ и великою радостію припалъ я къ святому Кресту и съ усердіемъ лобызалъ его; когда-же лобзалъ, насытился неизреченной духовной радости и почувствовалъ еще большее, чѣмъ въ раю, благоуханіе. Минувъ Крестъ, посмотрѣлъ я внизъ и увидѣлъ подъ собою какъ бы бездну морскую; казалось мнѣ, что я шелъ по воздуху, и вотъ сталъ страшиться и сказалъ водившему меня: „Господинъ, я боюсь, какъ бы мнѣ не упасть въ глубину". А онъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „не бойся, намъ нужно взойти еще выше", и подалъ мнѣ руку. Когда я взялся за его руку, то очутился выше втораго неба. Видѣлъ тамъ дивныхъ мужей и покой ихъ, а радость торжества ихъ невыразима языкомъ человѣческимъ. Потомъ вошли мы въ нѣкоторый дивный пламень, который не опалялъ, а только освѣщалъ насъ. Я опять сталъ ужасаться, а водившій меня, обратившись ко мнѣ, опять подалъ мнѣ руку, говоря: „еще выше нужно взойти намъ", и тотчасъ, съ этимъ словомъ, очутились мы выше третьяго неба, гдѣ видѣлъ и слышалъ множество силъ небесныхъ, поющихъ и славословящихъ Бога. Вотъ подошли мы къ нѣкоторой завѣсѣ, блиставшей какъ молнія, предъ которою стояли высокіе страшные юноши, по виду—какъ пламень огненный, лица ихъ сіяли свѣтлѣе солнца, въ рукахъ у нихъ было огненное оружіе. Водившій меня юноша сказалъ мнѣ: „когда отнимется завѣса, ты увидишь Владыку Христа, поклонись-же престолу славы Его". Слыша это, я трепеталъ и радовался, ибо объялъ меня ужасъ, а вмѣстѣ и радость неизреченная, и я стоялъ смотря, когда отнимется завѣса. И вотъ, когда нѣкая пламен-

ная рука отняла завѣсу, видѣлъ я Господа моего, какъ нѣкогда Исаія пророкъ (6, 1 и 2),—сѣдящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, а вокругъ стояли Ѳерафимы; облеченъ Онъ былъ въ багряную (красную) ризу, лице Его было пресвѣтло, очи—ласково взиравшіе на меня. Увидѣвъ Его, я палъ предъ Нимъ ницъ, кланяясь пресвѣтлому и страшному престолу славы Его. Невозможно передать словами, какая радость объяла меня тогда отъ видѣнія лица Божія! Даже и теперь, припоминая сіе видѣніе, я испытываю неизреченную сладость. Лежа ницъ предъ Владыкою моимъ въ трепетѣ, я удивлялся такому милосердію Его, что допустилъ Онъ меня грѣшнаго и нечистаго человѣка придти къ нему и видѣть божественную красоту Его. Приходилъ вмѣстѣ и въ умиленіе, размышляя о своемъ недостоинствѣ и разсматривая величіе Владыки моего, и сказалъ самъ въ себѣ слова пророка Исаіи: „о, окаянный я, что будучи человѣкомъ, имѣющимъ нечистыя уста, удостоился видѣть глазами моими Господа моего!“ Затѣмъ слышалъ премилосердаго Творца моего, Своими пресладкими и пречистыми устами изрекшаго ко мнѣ три божественныхъ слова, которыя такъ усладили сердце мое и такъ распалили любовію Его, что я весь, какъ воскъ, таялъ отъ теплоты духовной, такъ что исполнились на мнѣ тогда слова Давидовы: *бысть сердце мое, яко воскъ таяй по средѣ чрева моего* (Пс. 21, 15). Затѣмъ небесныя воинства воспѣли дивную и неизреченную пѣснь, и послѣ сего уже не знаю, какъ очутился я ходящимъ въ раю и думалъ въ себѣ, что не видѣлъ Пречистой Госпожи Богородицы. И вотъ увидѣлъ нѣкоего свѣтлаго, какъ облако, мужа, несшаго крестъ и сказавшаго: „ты пожелалъ видѣть здѣсь свѣтлѣйшую Царицу силъ небес-

ныхъ, но ея нѣтъ здѣсь нынѣ, ибо отошла во много бѣдный міръ помогать людямъ и утѣшать скорбящихъ. Я-бы показалъ тебѣ Ея святое мѣсто, но теперь нѣтъ времени, ибо тебѣ слѣдуетъ уже возвратиться туда, откуда пришелъ, какъ повелѣваетъ тебѣ Владыка". Когда онъ говорилъ мнѣ это, мнѣ казалось, что я какъ будто сладко заснулъ, затѣмъ, пробудившись, очутился на томъ мѣстѣ гдѣ былъ прежде,—лежащимъ въ углу, и удивлялся, гдѣ былъ въ видѣніи и что удостоился видѣть. Сердце мое исполнилось тогда неизреченной радости, и я благодарилъ Владыку моего, оказавшаго мнѣ столь великую милость." Все сіе святой Андрей предъ кончиною своей разсказалъ другу своему Никифору и взялъ съ него клятву никому не говорить о семъ, пока онъ (Андрей) не разрѣшится отъ тѣлесныхъ узъ. Никифоръ усердно просилъ его сказать ему хотя одно слово изъ тѣхъ трехъ словъ, которыя сказалъ ему Господь, но Андрей никакъ не хотѣлъ открыть сего. Такъ св. Андрей, бывъ восхищенъ подобно святому Павлу, видѣлъ то, чего не видѣло бренное око, слышалъ то, чего не слыхало смертное ухо, и насладился тѣми открытыми ему небесными красотами, которыя не приходили и на сердце человѣку. Октября 2.

Небесное воздаяніе праведникамъ.

Видѣніе нѣкоему мужу о загробной участи преп. Василія Новаго.

Послѣ кончины преподобнаго Василія Новаго (около полов. X в.), одному честному мужу въ Царьградѣ было такое видѣніе.—Видѣлъ онъ большой и чудный домъ съ дверями, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями, а надъ дверями словами золотыми было написано такъ: „обитель и вѣчный покой блажен-

наго Василія Новаго". Прочитавши сіе, мужъ тотъ удивлялся красотѣ постройки того дома, и вотъ явился одинъ прекрасный юноша и сказалъ ему: „чему удивляешься, человѣче,—желаешь-ли видѣть болѣе чудное?" Сказавъ сіе, отворилъ тѣ двери, и видны были внутри дома высокія и пречудныя палаты, красота коихъ превосходитъ всякій умъ. Преподобный Василій сидѣлъ на царскомъ престолѣ въ великой славѣ, окруженный многими пречудными и пресвѣтлыми мужами и юношами. Видны были тамъ и сады прекрасные, и все видѣнное было исполнено радости и веселія. Потомъ слышенъ былъ извнутри голосъ, говорящій: „таковое воздаяніе по преставленіи пріимутъ всѣ возлюбившіе Бога и усердно послужившіе Ему". Видѣніе это мужъ тотъ повѣдалъ многимъ, и всѣ слышавшіе прославили Бога и почитали память угодника Божія преподобнаго Василія. Марта 26.

„Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня" (Мѳ. 5, 11).

Въ ту ночь, въ которую скончалась преподобная Ѳеодора, игумену монастыря, въ которомъ жила она, было слѣдующее видѣніе, которое онъ тотчасъ-же и повѣдалъ пришедшимъ къ нему братіямъ.—„Чада мои, въ эту ночь я задремалъ и былъ въ видѣніи, и вотъ два мужа свѣтовидные, пришедши, повели меня въ высоту небесную, откуда пришелъ ко мнѣ голосъ, говорящій: „приди и посмотри, какія блага приготовилъ Я невѣстѣ моей Ѳеодорѣ". И увидѣлъ я свѣтоносный рай, красоты и доброты котораго невозможно выразить. Потомъ ввели меня внутрь, показали мнѣ чертогъ и въ немъ постланный одръ золотой, при которомъ для охраны стоялъ Ангелъ. Я спросилъ ведшихъ

меня, для кого приготовлены сей чертогъ и одръ, и сказали мнѣ: „подожди немного и увидишь славу Божiю“. И немного спустя видѣлъ чины ангельскiе, и мучениковъ, и преподобныхъ, идущихъ къ тому чертогу съ пѣнiемъ прекрасныхъ пѣсней, прiятности которыхъ невозможно выразить. А посрединѣ ихъ видѣлъ въ великой славѣ прекрасную жену, которую, доведши до чертога, посадили съ пѣнiемъ тѣхъ пѣсней на одрѣ. Я поклонился со страхомъ честной женѣ той. Тогда Ангелъ спросилъ меня: „знаешь-ли кто это?“ „Нѣтъ, не знаю, господинъ,“ отвѣчалъ я. Онъ же сказалъ мнѣ: „это чернецъ твой Θеодоръ, ибо онъ былъ по природѣ женщиной, а мужчиною только по виду. Немного поживши въ супружествѣ, она оставила мiръ ради Бога и трудилась въ монастырѣ вашемъ, потомъ, бывши оклеветана изъ-за дѣвицы, родившей мальчика, не открыла того, что она—женщина, но, утаивши сiе, приняла отрока, какъ бы истинный отецъ его, и воспитала его (1). А когда была изгнана изъ монастыря вашего, много пострадала,—питалась травой, пила морскую воду, терпѣла и холодъ, и зной, и наготу, много напастей перенесла отъ бѣсовъ. За сiе-то такъ и почтилъ ее Богъ милостивый, ибо возлюбилъ ее, какъ невѣсту свою, и содѣлалъ наслѣдницей царства Своего со всѣми святыми“. Слыша это, я началъ плакать о томъ, что не зналъ сей тайны и, повѣривъ лжи, оскорбилъ святую, съ безчестiемъ изгнавши ее изъ мо-

(1) Преподобная Θеодора въ мужескомъ образѣ подвизалась въ одномъ изъ египетскихъ монастырей въ V вѣкѣ по Р. Х. Здѣсь, какъ мужчина, она оклеветана была въ томъ, будто растлила одну дѣвицу, послѣ чего та родила мальчика. За этотъ мнимый грѣхъ Θеодору выгнали изъ монастыря и отдали ей того мальчика. А она, никому не открывъ тайны своей (что она женщина), приняла отрока и воспитала его.

настыря, и—въ этомъ плачѣ пробудился отъ сна. Теперь-же, чада мои, сердце мое исполнено и радости, и печали. Радуюсь, что удостоился видѣть преславное видѣніе, котораго ничей глазъ не видѣлъ, и слышать пріятны звуки святыхъ пѣсней, которыхъ ничье ухо не слышало. Печалюсь же и плачу о томъ, что не вѣдалъ рабы Божіей и возлюбленной Его невѣсты, жившей среди насъ грѣшныхъ, не вѣдая-же сего, долгое время и много оскорблялъ ее.—Сентября 11.

Небесная обитель преподобнаго Евфросина.

Преподобный Евфросинъ родился отъ родителей простыхъ, но добрыми дѣлами превзошелъ благородныхъ. Многіе съ высоты благородства своего безъ добрыхъ дѣлъ впадаютъ въ глубину адскую, а простые съ благодѣтельнымъ смиреніемъ своимъ возносятся на средину рая Божія, какъ и сей преп. Евфросинъ въ раю видѣнъ былъ [1]. За какую жизнь вселенъ былъ въ рай,—о томъ послушай.—Живя въ монастырѣ, Евфросинъ служилъ братіямъ въ поварнѣ, но служилъ не какъ людямъ, а какъ Самому Богу,—съ великимъ смиреніемъ и послушаніемъ, трудясь въ своемъ дѣлѣ день и ночь, при этомъ не оставлялъ никогда и молитвы съ постомъ. Терпѣніе его было невыразимое, ибо претерпѣлъ многія бѣды, поношенія, поруганія и частыя досады,—возжигая вещественный огонь, распалялся духовнымъ огнемъ любви Божіей и горѣлъ сердцемъ къ Господу. Варя пищу братіи, добродѣтельною жизнію своею готовилъ себѣ трапезу въ царствіи Божіемъ, дабы насытиться съ тѣми, о которыхъ сказано: „блаженъ, иже снѣсть обѣдъ въ царствіи Божіи“. (Лук. 14, 15). Рабо-

---

(1) Преп. Евфросинъ жилъ въ IX в. въ странахъ амморейскихъ близъ Палестины.

талъ Господу тайно, дабы воздано было ему явно, что и случилось. Господь явилъ сіе воздаяніе рабу Своему такимъ образомъ.—Нѣкій іерей, жившій въ одной съ Евфросиномъ обители, всегда молилъ Господа о томъ, чтобы Онъ явилъ ему чувственно будущія блага, уготованныя любящимъ Бога. И вотъ въ одну ночь іерей тотъ имѣлъ такое видѣніе: представилось ему, будто онъ стоитъ въ раю, со страхомъ и радостію разсматривая невыразимую доброту видимаго рая,—увидѣлъ ходящаго въ томъ раю повара своей обители Евфросина и, подошедши къ нему, спросилъ: „братъ Евфросинъ, что это, не рай-ли?“ Евфросинъ отвѣчалъ: „да, отче, это рай Божій“. Іерей опять спросилъ: „какъ-же попалъ сюда ты?“ Поваръ отвѣчалъ: „по великой благости Божіей, я поселенъ здѣсь жить, ибо это есть обитель избранныхъ Божіихъ“. Іерей сказалъ: „а имѣешь-ли какую власть надъ сими красотами?“ „Сколько могу, сказалъ Евфросинъ,—даю изъ того, что видишь“. Іерей сказалъ: „можешь-ли дать что-нибудь изъ сего?“ „Если хочешь, сказалъ Евфросинъ, возьми по благодати Бога моего“. Тогда іерей попросилъ у него яблокъ, и взявши три яблока, Евфросинъ положилъ іерею въ платокъ, сказавъ: „возьми, чего просилъ, и насладись“. Въ это время ударили въ било къ заутрени. Іерей-же, пробудившись и пришедши въ себя, принялъ видѣнное за обыкновенный сонъ, но, протянувши руку къ платку, нашелъ яблоки, которыя получилъ въ видѣніи отъ Евфросина, почувствовалъ отъ нихъ несказанное благоуханіе и удивлялся. Вставши и положивши яблоки на постель, пошелъ онъ въ церковь и нашелъ Евфросина стоящимъ въ собраніи на утреннемъ пѣніи. Подошедши къ нему, подъ клятвою потребовалъ отъ него, чтобы онъ открылъ, гдѣ

былъ въ эту ночь. Тогда Евфросинъ сказалъ: „прости меня, отче, я былъ тамъ въ эту ночь, гдѣ ты видѣлъ меня". Іерей сказалъ: „потому-то я и заклиналъ тебя для объявленія величія Божія, дабы ты не утаилъ сказать истину". Тогда смиренномудрый Евфросинъ сказалъ: „Ты, отче, просилъ у Господа, дабы Онъ показалъ тебѣ чувственно воздаянія избраннымъ Его, и вотъ Господь благоволилъ открыть тебѣ сіе чрезъ меня худаго и недостойнаго, и ты видѣлъ меня въ раю Бога моего". Іерей спросилъ: „а что ты далъ мнѣ въ раю, отче, когда я попросилъ у тебя?" Евфросинъ отвѣчалъ: „я далъ тебѣ тѣ три благовонныхъ яблока, которыя ты положилъ на постели въ келліи своей, но прости меня, отче, ибо я червь, а не человѣкъ". Когда окончилась утреня, іерей собралъ братію, подробно разсказалъ имъ видѣнное и показалъ тѣ три райскихъ яблока. И исполнились всѣ отъ тѣхъ яблоковъ неизреченнаго благоуханія и духовной сладости, съ умиленіемъ удивляясь разсказу іерея. Затѣмъ, пошли-было въ поварню къ Евфросину поклониться сему рабу Божію, но не нашли его, ибо онъ, вышедъ изъ церкви, скрылся, избѣгая славы человѣческой, и больше не являлся. Куда онъ скрылся,—нѣтъ нужды много развѣдывать. Ибо, если для него отверстъ былъ рай, то куда могъ скрыться?!.. Яблоки-же тѣ братія раздѣлили между собою и раздавали другимъ на благословеніе и особенно на исцѣленіе, ибо, когда вкушали отъ нихъ больные, то исцѣлялись отъ болѣзней своихъ. И получили всѣ большую пользу отъ такой святости преподобнаго Евфросина и, написавши то дивное видѣніе не на бумагѣ только, но и на сердцахъ своихъ, восходили къ подвигамъ еще высшимъ и благоугождали Богу.—Сентября 11.

Молитвы и благотворенія, совершаемыя за умершихъ, умилостивляютъ Бога.

Преподобная Аѳанасія, напоминающая о своей предсмертной волѣ.

Преподобная Аѳанасія, игуменія эгинская, предъ кончиною своею (въ 860 г.) завѣщала сестрамъ, дабы онѣ до сорока дней приготовляли трапезу нищимъ. Но сестры дѣлали сіе только до девятинъ, послѣ-же девятинъ перестали, и явилась имъ святая съ двумя Ангелами, говоря: „зачѣмъ вы преступили заповѣдь мою? Да будетъ вамъ извѣстно, что приносимая за душу до сорока дней милостыня, насыщеніе алчущихъ и молитвы священниковъ умилостивляютъ Бога: если грѣшны души усопшихъ, то онѣ получаютъ отъ Господа прощеніе грѣховъ своихъ, если-же праведны, то тѣ, кои совершаютъ поминовеніе, обогатятся исполненіемъ всякаго добра". Сказавши сіе, святая воткнула въ землю свой жезлъ и стала невидима. Вставши утромъ, сестры увидѣли жезлъ ея процвѣтшій и прославили Творца всѣхъ Бога.—Апрѣля 12.

Всеобщее воскресеніе мертвыхъ.

Свиданіе св. Епифанія кипрскаго съ черноризцемъ Іераксомъ.

Святой Епифаній (¹), странствуя по Египту и бывъ около города Леонтополя, услышалъ, что близъ сего города есть монастырь, а въ немъ живетъ нѣкій чернецъ, по имени Іераксъ, казавшійся мужемъ добродѣтельнымъ и знавшій божественное Писаніе, на самомъ-

(¹) Ум. въ 403 году.

же дѣлѣ Іераксъ былъ еретикъ, имѣвшій мудрованіе, противное святой Церкви. Святой Епифаній слышалъ о немъ еще въ Палестинѣ и желалъ его видѣть, также и Іераксъ слышалъ объ Епифаніи. Сей Іераксъ училъ, что тѣло наше не воскреснетъ, но что Богъ вмѣсто него дастъ другое тѣло, а это превратится въ землю, какъ написано: земля еси и въ землю паки пойдеши. И опять говорилъ, что дѣти не будутъ совершенны (блаженны) въ тотъ вѣкъ. И пошелъ Епифаній въ тотъ монастырь, желая видѣть Іеракса. Вошедши въ монастырь, онъ нашелъ тамъ много народу, который слушалъ ученіе іераксово, ибо всѣ считали его мужемъ добродѣтельнымъ, поелику велъ жизнь весьма постническую: съ того времени, какъ отрекся отъ міра, никогда не вкушалъ ни елея, ни вина. Увидѣвъ между слушателями двухъ странствующихъ иноковъ—Епифанія и ученика его, онъ спросилъ: „откуда вы?“ Ему сказали, что изъ Палестины. Спросивъ, затѣмъ, объ именахъ и узнавъ, что одинъ называется Епифаніемъ, Іераксъ вдругъ сдѣлался мраченъ, ибо Епифаній былъ непріятенъ ему, поелику имя Епифаніево было славно въ Египтѣ, какъ имя мужа святаго и премудраго. Но дабы не показать смущенія, Іераксъ продолжалъ учить народъ. Когда же въ проповѣди своей дошелъ до воскресенія мертвыхъ и сталъ учить, что тѣла человѣческія не воскреснутъ, Епифаній, не терпя болѣе слушать его, воззвалъ къ нему: „да закроются уста твои, дабы ты научился не хулить надежды нашей“. И тотчасъ Іераксъ сдѣлался нѣмъ и не могъ двинуться съ мѣста своего. Всѣ бывшіе тамъ, видя такое чудо, совершенное Епифаніемъ надъ Іераксомъ, удивились и ужаснулись. А преподобный Епифаній началъ учить народъ отъ божественнаго Писанія и увѣрять о воскресеніи

мертвыхъ, что всѣ непремѣнно воскреснутъ въ томъ тѣлѣ, съ которымъ жили въ семъ мірѣ и съ которымъ умерли. Затѣмъ, спустя нѣсколько часовъ, Епифаній сказалъ Іераксу: „слушай твердую вѣру и говори истинное слово". Тотчасъ Іераксъ проговорилъ, исповѣдалъ свое заблужденіе и обѣщался покаяться въ своемъ зловѣріи. Преподобный-же, довольно поучивъ его правой вѣрѣ, пошелъ оттуда въ верхнюю Ѳиваиду и поселился въ нѣкоемъ пустынномъ мѣстѣ, называемомъ „Вувуліе".—Мая 12.

Воскрешеніе мертваго какъ доказательство всеобщаго воскресенія.

Одинъ еретикъ, по имени Іеракитъ, говорившій, что воскресенія мертвыхъ не будетъ, пришедши изъ Египта, ученіемъ своимъ смущалъ братій, живущихъ въ пустынѣ (египетской). Пришелъ, потомъ, къ преподобному Макарію Египетскому и препирался съ нимъ о вѣрѣ при собраніи многихъ братьевъ, при этомъ смѣялся надъ простотою словъ преподобнаго, самъ будучи хитрословесенъ. Видя братьевъ, сомнѣвающихся о вѣрѣ, преподобный сказалъ тому еретику: „какая намъ нужда препираться словами—больше къ развращенію слушающихъ, чѣмъ къ назиданію? Пойдемъ лучше къ гробамъ прежде умершихъ о Господѣ братій нашихъ, и кому изъ насъ дастъ Богъ воскресить изъ гроба мертваго, того вѣра и будетъ правая и свидѣтельствованная Самимъ Богомъ". Сіе слово преподобнаго угодно было всѣмъ братіямъ и—пошли къ гробамъ. Макарій сказалъ Іеракиту, чтобы онъ вызвалъ какого-либо мертвеца изъ гроба. Но тотъ отвѣчалъ: „сначала ты сдѣлай это, ибо ты придумалъ сіе". Тогда Макарій простерся на молитву предъ Господомъ и, помолив-

шись довольно, возвелъ кверху очи свои и сказалъ: „Ты, Господи, яви Самъ, кто изъ насъ двоихъ право вѣруетъ; явишь-же сіе тогда, когда повелишь встать здѣсь мертвому". Сказавши сіе, онъ назвалъ по имени одного брата, недавно погребеннаго, и тотчасъ мертвый отвѣчалъ изъ гроба. Скоро откопавши гробъ, братія нашли мертваго воскресшимъ, освободили его отъ обязаній и живаго вывели изъ гроба. Видя сіе, Іеракитъ ужаснулся и побѣжалъ, братія гнали его какъ врага и прогнали далеко за предѣлы той земли. — Января 19.

Невѣріе, ересь и отреченіе отъ вѣры какъ грѣхи противные вѣрѣ.

Невѣріе въ возможность чудесъ, соединенное съ хулою, наказывается смертью.

Святой Іона, митрополитъ Кіевскій (1), имѣлъ благодатный даръ исцѣлять разныя болѣзни. Такъ однажды молитвами своими онъ даровалъ здравіе бывшей уже при смерти дочери Великаго Князя Василія Васильевича Аннѣ. Но одинъ человѣкъ, одержимый невѣріемъ отъ зависти діавольской, говорилъ, что не молитвою митрополита Великая Княжна освободилась отъ болѣзни, а какъ, по естественному порядку, болѣзнь сія пришла, такъ, по тому-же естественному закону, она и прошла. Блаженный Іона призвалъ къ себѣ сего человѣка и сказалъ ему: „чадо, не сомнѣвайся ни въ чемъ, ибо то, что невозможно для людей, возможно для Бога: Богъ, сверхъ ожиданія, даровалъ жизнь сей дѣвицѣ ради вѣры державныхъ ея родителей", но тотъ не

(1) Св. Іона жилъ въ Москвѣ, но назывался Кіевскимъ и всея Россіи, ум. въ 1461 году.

слушалъ и началъ говорить слова, еще болѣе хульныя. Тогда святой сказалъ ему: „пусть свяжется лукавый языкъ твой, пусть закроются хульныя уста твои, и да умрешь ты вмѣсто той дѣвицы, имѣвшей умереть". И тотчасъ хульникъ палъ безгласный на землю и, спустя немного, извергъ свою душу, такъ какъ дерзнулъ похулить даръ Святаго Духа, бывшій въ томъ великомъ архіереѣ.—Марта 31.

Смерть царя какъ наказаніе за еретическое зловѣріе.

Еретикъ Севиръ, лжепатріархъ антіохійскій, подражая Діоскору и Евтихію, осужденнымъ на IV вселенскомъ соборѣ (въ 451 г.) и преданнымъ анаѳемѣ, признавалъ одно естество въ лицѣ Іисуса Христа, такъ что Слово и плоть въ воплощеніи какъ бы слились въ одно естество, а не какъ научили вѣровать святые отцы (на вышеупомянутомъ соборѣ),—что въ одномъ лицѣ Христовомъ суть два естества—Божеское и человѣческое, какъ и нынѣ воспѣваетъ Церковь въ догматикѣ: „естествомъ Богъ сый и естествомъ бывъ человѣкъ насъ ради, не во двою лицу раздѣляемый, но во двою естеству неслитно познаваемый". А тотъ зломудренный противникъ правовѣрія пустословилъ, будто бы Божество во Христѣ страдало на крестѣ вмѣстѣ съ человѣчествомъ Его и поэтому къ трисвятой пѣсни (святый Боже...) дерзнулъ прибавить слова: „распныйся за ны помилуй насъ". Къ сей-то ереси принадлежалъ греческій царь Анастасій и много возмущалъ Церковь Божію, низлагая православныхъ архіереевъ съ престоловъ, даже самого патріарха цареградскаго св. Іоанна всячески старался свергнуть съ престола, но судъ Божій постигъ и пресѣкъ жизнь царя грозною смертію. Сіе произошло такимъ образомъ.—За нѣс-

колько дней до смерти своей, злочествый царь Анастасій видѣлъ во снѣ нѣкоего страшнаго мужа, какъ бы сидящаго на высокомъ престолѣ во славѣ судію, и многіе предстояли ему. Въ рукѣ своей тотъ судья держалъ книгу, открывъ которую, нашелъ написаннымъ въ ней имя царя Анастасія, и, показавъ то царю, сказалъ: „я хотѣлъ попустить тебѣ, дабы ты пожилъ подольше, но ради твоего зловѣрія четырнадцать лѣтъ вычеркну изъ жизни твоей“. Сказавъ сіе, загладилъ написанное въ книгѣ, а царь въ великомъ страхѣ пробудился отъ сна. Послѣ этаго, чрезъ нѣсколько дней громъ и молнія ударили въ палату царскую и умертвили царя, и такимъ образомъ погибъ злѣ злый.—Августа 30.

Чудесное наказаніе за отреченіе отъ христіанской вѣры.

Во время гоненія на христіанъ при римскомъ царѣ Декіѣ, въ городѣ Лампсакѣ къ начальнику (игемону) приведены были для мученія схваченные нечестивыми два воина Андрей и Павелъ, вѣрою христіане, родомъ изъ Месопотаміи. Вмѣстѣ съ ними приведенъ былъ и нѣкто Никомахъ, который постоянно и громкимъ голосомъ взывалъ: „христіанинъ я“. Игемонъ, видя Никомаха, называющаго себя христіаниномъ, спросилъ Андрея и Павла: „а вы что скажите“? Они отвѣчали: „и мы христіане“. Игемонъ сказалъ Никомаху: „по повелѣнію царя, принеси богамъ жертву“. Никомахъ отвѣчалъ: „развѣ ты не знаешь, что христіане не приносятъ жертвъ бѣсамъ“. И тотчасъ игемонъ велѣлъ повѣсить Никомаха на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно мучили, бить обнаженное тѣло его и строгать желѣзными ногтями. Когда уже Никомахъ былъ при смерти и вскорѣ имѣлъ получить вѣнецъ, который какъ бы держалъ уже въ рукахъ своихъ, вдругъ погубилъ его.

Ибо, оставивъ исповѣданіе, отвергся Христа и воскликнулъ: „никогда я не былъ христіаниномъ и готовъ принесть жертву богамъ". Тотчасъ перестали мучить его и сняли съ мучительскаго мѣста. Когда же сей окаянный отступникъ принесъ жертву идоламъ и поклонился имъ, тотчасъ напалъ на него бѣсъ и ударилъ о землю. И бѣсновался Никомахъ, кусая языкъ свой зубами своими и испуская кровавую пѣну, доколѣ не извергъ окаянной души своей.—Мая 18.

„Рабъ, который зналъ волю господина своего, и... не дѣлалъ по волѣ его, битъ будетъ много, а который не зналъ и сдѣлалъ достойное наказанія - битъ будетъ меньше". (Лук. 12, 47 и 43).

Говорящій черепъ.

Однажды преподобный Макарій Египетскій, идя по пустынѣ, нашелъ сухой человѣческій черепъ, лежащій поверхъ земли. Когда преподобный тронулъ его жезломъ своимъ, то ему показалось, что черепъ какъ будто издалъ звукъ. Тогда старецъ спросилъ, кто онъ, и черепъ отвѣчалъ: „я былъ начальникомъ жрецовъ идольскихъ, обитавшихъ на семъ мѣстѣ; а ты—авва Макарій, исполненный Духа Божія, ибо когда молишься о находящихся въ мукахъ, то они ощущаютъ нѣкую отраду". Старецъ спросилъ, „какая же у васъ отрада или мука, разскажи мнѣ?" Черепъ съ воплемъ отвѣчалъ, говоря: „какъ велико разстояніе между землею и небомъ, такъ великъ и огонь, среди котораго мы находимся, будучи опаляемы отвсюду съ ногъ до головы; нѣтъ также возможности никому изъ насъ видѣть лице другаго. Когда-же ты молишься за насъ, тогда мы немного видимъ другъ друга, и это самое

бываетъ намъ отрадою". Услышавъ сіе, старецъ прослезился и сказалъ: „горе дню, въ который человѣкъ преступилъ заповѣдь Божію". И опять спросилъ у черепа: „есть-ли еще какая высшая мука?" Черепъ отвѣчалъ: „есть другіе много глубже подъ нами". И когда старецъ спросилъ, кто-же находится въ тѣхъ глубочайшихъ мукахъ, черепъ отвѣчалъ: „мы, не познавшіе Бога, еще нѣсколько ощущаемъ на себѣ милосердіе Божіе, тѣ-же, которые, познавъ Бога, отверглись его и не соблюли Его заповѣдей, мучатся подъ нами въ еще тягчайшихъ и невыразимыхъ мукахъ". Тогда святой Макарій, взявъ тотъ черепъ, зарылъ его въ землю и ушелъ. Января 19.

„Многими скорбями надлежитъ намъ войти въ царствіе Божіе". (Дѣян. 14, 22).

Св. Андрей, Христа ради юродивый, вкушаетъ въ видѣніи горькое и сладкое.

Однажды св. Андрею (¹) было такое видѣніе.—Видѣлъ онъ себя въ палатахъ царскихъ, гдѣ на престолѣ въ великой славѣ сидѣлъ Царь, Который, подозвавъ его къ Себѣ, спросилъ: „хочешь-ли работать Мнѣ всею душею?" Андрей сказалъ: „хочу, Господи". Тогда Царь далъ ему съѣсть нѣчто, горчайшее полыни, и сказалъ: „таковъ есть скорбный путь работающихъ Мнѣ въ семъ мірѣ". Потомъ, далъ ему нѣчто бѣлѣе снѣга и слаще манны; Андрей съѣлъ это, обвеселился и забылъ первую горечь. И сказалъ ему Царь: „такова пища у меня работающимъ Мнѣ и мужественно терпящимъ до конца. Соверши же и ты мужественно то, что началъ; ибо недолго пострадаешь и во вѣки будешь пребывать

(¹) Жилъ въ X в. въ Царьградѣ.

въ жизни нескончаемой“. Пробудившись отъ сна, святой Андрей размышлялъ, что первая горечь означаетъ терпѣніе въ семъ мірѣ, а послѣдняя сладость—жизнь вѣчную. Октября 2.

Посѣщеніе храма Божія угодно и пріятно Богу.

Св. великомуч. Георгій, пробуждающій отрока къ утрени и провожающій его въ церковь.

Когда преподобному Θеодору Сикеоту (¹) было десять лѣтъ, и онъ по ночамъ спалъ вмѣстѣ съ прочими домашними своими, къ нему приходилъ святой великомученикъ Георгій и пробуждалъ его, говоря: „встань, Θеодоръ, уже разсвѣтало и настало время утренней молитвы, пойдемъ въ церковь святаго Георгія“. Тотчасъ отрокъ съ усердіемъ и радостію вставалъ. Сначала святой Георгій являлся ему въ образѣ Стефана (одного изъ домашнихъ Θеодора), потомъ показывался ему въ своемъ собственномъ видѣ, каждую ночь пробуждая его и провожая къ своей церкви. На пути бѣсы, чтобы устрашить отрока, превращались въ волковъ и другихъ звѣрей и устремлялись на него; но св. мученикъ Георгій, идя предъ отрокомъ и неся въ рукахъ своихъ копье, отгонялъ тѣ страшныя привидѣнія и ободрялъ Θеодора. Такъ происходило каждую ночь. Мать Θеодора и прочіе домашніе, пробуждаясь отъ сна и не находя Θеодора на постели, удивлялись, но потомъ поняли, что онъ ходитъ ночью въ церковь, и дивились тому, что никто не слышитъ того, какъ онъ встаетъ ночью. Мать его боялась, какъ бы не съѣли отрока звѣри, ибо въ то время прошелъ слухъ,

(¹) Ум. въ 613 году.

что одинъ волкъ похищаетъ не только скотину, но и малыхъ дѣтей. Посему, она строго запретила сыну, дабы онъ не выходилъ изъ дома ранѣе солнечнаго восхода, такъ какъ мѣсто, гдѣ они жили, было пустое. Однако блаженный отрокъ не послушался матери своей, но въ обычное ночное время пробуждаемый святымъ Георгіемъ ходилъ въ церковь, о чемъ никто не зналъ. Однажды матерь, пробудившись на разсвѣтѣ и не нашедши Θеодора на постели, весьма разгнѣвалась, пошла въ церковь, вывела его изъ нея и, взявши за волосы, привела съ побоями домой и весь тотъ день не пускала изъ дома, а на ночь крѣпко привязала его, чтобы онъ никакъ не могъ уйти. Въ эту ночь матери Θеодоровой и прочимъ ея домашнимъ явился въ сонномъ видѣніи святой великомученикъ Георгій, имѣя опоясанный по бедрамъ мечъ, вынувъ который, грозилъ, говоря съ яростію: „головы ваши отсѣку вамъ, если больше будете бить отрока и запрещать ему ходить ко мнѣ". Женщины, въ великомъ ужасѣ пробудившись отъ сна, повѣдали одна другой то страшное явленіе и угрозы мученика, а особенно испугались оттого, что всѣ видѣли одно и то-же видѣніе,—и тотчасъ отвязали отрока и ласкали, чтобы онъ не сердился на нихъ за то, что били его. Затѣмъ спросили его, какъ онъ, ранѣе дневнаго свѣта выходя изъ дома въ церковь, не боится звѣрей. Онъ-же сказалъ имъ, что каждую ночь нѣкій свѣтлый юноша пробуждаетъ его и водитъ въ церковь, защищая на пути отъ опасностей. Тогда женщины уразумѣли, что является ему и защищаетъ его св. великомученикъ Георгій, котораго и онѣ видѣли въ видѣніи. И съ того времени ни въ чемъ не препятствовали Θеодору, но положились на промыслъ Божій, говоря: „да будетъ воля Господня!"—Апрѣля 22.

Пожертвованія на церковныя украшенія угодны и пріятны Богу, и обѣщаннаго церкви присвоивать не должно.

Кончина преподобнаго Еразма.

Сей преподобный Еразмъ, инокъ печерскій (жилъ въ XII вѣкѣ), вѣнецъ царства небеснаго отъ руки Вѣнчающаго милостію и щедротами получилъ ради того, что все богатство свое, доставшееся ему отъ предковъ, истощилъ на церковное украшеніе и многія иконы въ печерской церкви обложилъ серебромъ и золотомъ. Смотря-же на сіе, украшалъ и свою душу, какъ церковь Бога живаго и образъ Его, не серебромъ и золотомъ вещественнымъ, но чистотою, любовію и другими добродѣтелями иноческаго закона, говоря съ пророкомъ о своемъ благолѣпіи: *благъ мнѣ законъ устъ твоихъ, паче тысящъ злата и сребра* (Пс. 118, 72). Съ симъ преподобнымъ было искушеніе такое.—Когда, обнищавъ, онъ былъ у всѣхъ въ пренебреженіи, тогда злохитрый искуситель—діаволъ сталъ влагать ему въ сердце, что онъ не получилъ никакой пользы отъ того, что истощилъ на украшеніе церкви свое богатство, а потому лучше было-бы употребить оное на милостыни нищимъ. Преподобный-же, не понявъ искушенія, впалъ въ отчаяніе и началъ жить въ нерадѣніи и всякомъ небреженіи, безчинно проводя дни свои. Но щедрый и правосудный Богъ, помня прежнія добродѣтели блаженнаго, спасъ его отъ погибели такимъ образомъ: навелъ на него тяжкую болѣзнь, въ которой больной, бывши уже при смерти, семь дней лежалъ безъ языка и съ закрытыми глазами, обнаруживая свою жизнь лишь однимъ тихимъ ды-

ханіемъ. Въ восьмой день пришли къ нему всѣ братія и, видя страшную кончину его, говорили: „горе, горе душѣ брата сего, поелику жилъ въ лѣности и грѣхахъ, а нынѣ видитъ нѣчто и мятется, не имѣя возможности выйти изъ тѣла". Вдругъ блаженный Еразмъ, какъ-бы здоровый, поднялся съ своей постели и сказалъ имъ: „истину говорите вы, отцы и братія,— грѣшенъ я и не покаялся, но вотъ нынѣ явились мнѣ преподобные отцы наши Антоній и Θеодосій, говоря, „мы молились о тебѣ Господу, и Онъ даровалъ тебѣ время для покаянія". Затѣмъ, видѣлъ и Пречистую Госпожу Богородицу какъ бы на иконѣ, имѣющую на рукахъ Сына Своего, Христа Бога нашего, и множество святыхъ съ Нею. И она сказала мнѣ: „такъ какъ, Еразмъ, ты украсилъ церковь мою и возвеличилъ ее иконами, то и Я украшу тебя и возвеличу славой въ царствѣ Сына Моего; ибо нищихъ вы имѣете около себя на всякомъ мѣстѣ, церкви-же Моей не имѣете. И такъ, вставъ, покайся и прими великій ангельскій образъ, а въ третій день Я возьму тебя къ Себѣ чистаго, возлюбившаго благолѣпіе дома Моего". Разсказавъ все сіе братіямъ, блаженный Еразмъ началъ, не стыдясь, исповѣдывать предъ всѣми грѣхи свои. Потомъ, вставши, пошелъ въ церковь и былъ облеченъ въ схиму, а въ третій день, радуясь, отошелъ ко Господу и къ Родившей Его, по Ея предсказанію. Такимъ образомъ, ясно было показано людямъ, что украшеніе церкви иконами угодно Богу и водворяетъ въ сонмѣ святыхъ.—Февраля 24.

Святой Мина, отнимающій обѣщанное ему.

Тимоθей, архіепископъ александрійскій, въ сказаніи о чудесахъ св. великомученика Мины, повѣствуетъ.—

Въ Александріи былъ одинъ человѣкъ, именемъ Евтропій, который обѣщалъ пожертвовать въ церковь святаго Мины серебряное блюдо и, призвавъ золотаря, велѣлъ ему сдѣлать два серебряныхъ блюда, изъ коихъ одно на имя святаго Мины и написать на немъ слова: „блюдо святаго великомученика Мины“, а другое—на свое и написать на немъ: „блюдо Евтропія, гражданина александрійскаго“. Золотарь началъ дѣлать по заказу, и когда сдѣлалъ оба блюда, то блюдо святаго Мины вышло чище и красивѣе; потомъ, сдѣлалъ надписи на каждомъ блюдѣ и отдалъ ихъ Евтропію. Случилось потомъ Евтропію, во время плаванія по морю, обѣдать изъ обоихъ тѣхъ блюдъ. Увидѣвъ, что блюдо, сдѣланное на имя святаго Мины, лучше другаго, онъ полюбилъ его и не хотѣлъ отдать святому, но велѣлъ слугѣ подавать въ немъ себѣ яства, а свое блюдо вознамѣрился отослать въ церковь святаго Мины. Когда, затѣмъ, кончился обѣдъ, слуга взялъ блюдо мученика и, подошедши къ краю корабля, сталъ мыть его въ морѣ. Когда онъ мылъ, напалъ на него ужасъ, и онъ увидѣлъ вышедшаго изъ моря нѣкоего человѣка, который, схвативъ изъ рукъ его блюдо, сталъ невидимъ. Слуга затрепеталъ и въ ужасѣ, вслѣдъ за блюдомъ, и самъ бросился въ море. Видя это, Евтропій испугался и заплакалъ, говоря: „горе мнѣ окаянному, что я позавидовалъ блюду святаго, и вотъ вмѣстѣ съ блюдомъ погубилъ и слугу. Но Ты, Господи Боже мой, не до конца прогнѣвайся на меня и сотвори милость съ моимъ отрокомъ; вотъ я обѣщаю, что если только найду тѣло отрока моего, то сдѣлаю другое такое-же блюдо и отдамъ его угоднику Твоему святому Минѣ или-же отдамъ въ ту церковь цѣну погибшаго блюда“. Когда корабль присталъ къ берегу, Евтропій, вышедши на

берегъ, сталъ смотрѣть на край моря, желая найти тѣло отрока, выброшенное моремъ, чтобы похоронить его. И когда смотрѣлъ со вниманіемъ, то увидѣлъ слугу своего, выходящаго съ блюдомъ изъ моря, и, устрашившись, сказалъ громкимъ голосомъ: „Слава Богу! О, воистинну великъ есть святой мученикъ Мина!“ Всѣ вышли тогда изъ корабля и, видя слугу, державшаго блюдо, дивились и славили Бога. Потомъ спрашивали его, какъ онъ остался живъ въ морѣ и какъ вышелъ невредимымъ? Онъ разсказалъ: „когда я бросился въ море, нѣкій благолѣпный мужъ, съ двумя другими, взялъ меня и ходилъ со мной вчера и сегодня, пока не дошли мы до сего мѣста“. Послѣ сего, Евтропій, взявъ слугу и блюдо, пошелъ въ церковь св. Мины, поклонился и отдалъ обѣщанное блюдо святому, благодаря Бога и прославляя угодника Его святаго Мину. Ноября 11.

Почитаніе св. иконъ.

Гоненіе на иконы было по внушенію отъ діавола.

Однажды преподобная Θеодосія (¹) стояла въ полночь на молитвѣ. Вдругъ явился ей діаволъ и сказалъ: „и ты на меня ополчаешься, ополчусь-же крѣпко и я на тебя и не только на тебя, но и на всѣхъ христіанъ; ибо я нашелъ такого человѣка, чрезъ котораго могу воздвигнуть брань на Церковь и многихъ отвращу отъ поклоненія иконѣ Христовой, и пойдутъ вслѣдъ меня, творя мою волю“. Святая Θеодосія, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказала: „проклятъ будь ты, діаволъ-врагъ христіанъ, и всѣ козни твои да упразднятся силою Христа Бога нашего“, и діаволъ исчезъ.—Мая 29.

(¹) Скончалась мученически при Львѣ Исаврѣ въ 730 году.

Почитаніе св. мощей.

Явленіе св. Іуліаніи игумену Θеодосію.

Въ лѣто отъ Рождества Христова 1667-е мѣсяца Іюля въ 6-й день всечестной отецъ Θеодосій Софоновичъ, игуменъ кіевскаго златоверхаго михайловскаго монастыря, пришедши нарочно въ обитель печерскую и желая поклониться мощамъ св. Іуліаніи, просилъ бывшаго въ то время екклесіархомъ іеромонаха Паисія открыть ея гробницу. „Ибо, прибавилъ онъ, мнѣ доселѣ никогда не приходилось совершать поклоненія тѣмъ св. мощамъ, и я въ сіи дни имѣлъ такое видѣніе въ монастырѣ моемъ: послѣ утренняго богослуженія пришелъ я изъ церкви, и, когда заснулъ немного, явился мнѣ въ великомъ свѣтѣ ликъ многихъ святыхъ дѣвъ, изъ которыхъ одна обратилась ко мнѣ съ обличеніемъ, говоря: „я — та Іуліанія, мощи которой лежатъ въ святой печерской церкви, ты-же почему ни во что вмѣняешь меня и мои мощи? — Вотъ Господь того ради и показалъ тебѣ видѣніе сіе, дабы ты узналъ, что и я причтена отъ Господа Бога къ дѣвамъ, угодившимъ Ему". И съ того времени, всечестной игуменъ тотъ, приходя въ святую обитель печерскую, никогда не оставлялъ благочестно, со всякимъ усердіемъ, поклониться и смиренно и умиленно приложиться къ симъ святымъ нетлѣннымъ мощамъ святой угодницы Божіей Іуліаніи. — Іюля 6.

Сила крестнаго знаменія.

Св. Никонъ, вооруженный крестнымъ знаменіемъ, убиваетъ на войнѣ множество враговъ.

Святой священномученикъ Никонъ (1), до принятія христіанства, былъ воиномъ, отца имѣлъ язычника, а

(1) Жилъ въ городѣ Неаполѣ въ Италіи, ум. въ 250 году.

мать—христіанку. Увѣщавая его къ познанію Христа и объясняя силу креста Христова, мать говорила ему: „любезный сынъ мой, если когда случится тебѣ впасть въ какую-нибудь бѣду, какъ часто бываетъ во время войны, ограждай тогда себя знаменіемъ крестнымъ, и избѣжишь руки враговъ. И не только избавишься отъ руки ихъ, но избѣжишь всякой раны,—не поразитъ тогда тебя ни какая стрѣла, ни копье, ни мечъ, и невредимъ будешь среди сраженія". Послѣ сего, случилось войскамъ грекоримскимъ идти на сраженіе, пошелъ и Никонъ съ своимъ полкомъ. И вотъ, когда было большое сраженіе, Никонъ очутился среди враговъ и былъ въ великой опасности: ибо, видя многихъ изъ своихъ товарищей убитыми, и самъ уже ждалъ себѣ смерти отъ враговъ. Вспомнивъ-же увѣщанія матери, возвелъ очи свои на небо и, вздохнувъ изъ глубины сердца, вооружился знаменіемъ св. креста, говоря: „Христе Боже всесильный, покажи во мнѣ въ часъ сей силу креста Твоего, дабы съ сего времени и я былъ рабомъ Твоимъ и вмѣстѣ съ родившею меня матерію поклонился Тебѣ". Сказавши это, Никонъ ободрился и, простерши на враговъ руку, вооруженную копьемъ, въ короткое время убилъ около ста восьмидесяти храбрыхъ воиновъ изъ вражескихъ полковъ, а прочихъ прогналъ, и никто не могъ стоять противъ него,—такъ дѣйствовала въ немъ сила креста Христова. Тогда Никонъ прославилъ Бога, говоря: „великъ Богъ христіанскій, знаменіемъ святаго креста Своего побѣждающій и прогоняющій враговъ". А воины грекоримскіе удивлялись Никону и говорили: „о, чудо великое! никогда не видали и не слыхали мы ни объ одномъ воинѣ, чтобы онъ такъ храбро сражался на войнѣ, какъ видимъ нынѣ Никона". Когда, затѣмъ, войска

были распущены, Никонъ возвратился въ домъ свой и, прославляя Бога, разсказалъ матери своей, что сотворилъ съ нимъ Христосъ Господь силою святаго креста Своего во время сраженія. — Марта 23.

Крестное знаменіе отгоняетъ діавола.

Въ городѣ Антіохіи Сирской, въ третьемъ вѣкѣ по рождествѣ Христовомъ, жила одна дѣвица по имени Іустина. Родилась она отъ родителей языческихъ, но, пришедши въ совершенный возрастъ, приняла вѣру Христову, обратила въ христіанство родителей своихъ и крѣпко возлюбила небеснаго жениха своего— Господа Іисуса Христа, служа ему въ прилежныхъ молитвахъ, въ дѣвствѣ и цѣломудріи, въ великомъ постѣ и воздержаніи. Видя такую жизнь Іустины и завидуя добродѣтелямъ ея, врагъ рода человѣческаго діаволъ началъ пакостить ей, наводя на нея разныя бѣды и скорби.

Былъ въ то время въ той-же Антіохіи одинъ юноша, по имени Аглаидъ, сынъ богатыхъ и славныхъ родителей, проводившій жизнь свою въ удовольствіяхъ и суетѣ мірской. Увидавши однажды дѣвицу Іустину, идущую въ церковь, юноша сей, по наущенію діавола, уязвился красотою ея и возъимѣлъ нечистую мысль къ ней. Съ того времени, преслѣдуя ее на всѣхъ путяхъ ея, онъ всячески старался обольстить ее, но не имѣлъ успѣха. Наконецъ, просилъ ее быть его женою, но и на сію просьбу получилъ отказъ. Послѣ того, онъ хотѣлъ силою овладѣть ею и преклонить ко грѣху. Но когда и это не удалось ему, тогда онъ обратился къ волшебству. Въ то время жилъ въ Антіохіи славный волхвъ и чародѣй, по имени Кипріанъ, съ юныхъ лѣтъ

предавшій душу свою діаволу и его темной силѣ. Къ сему-то волхву и обратился юноша Агландъ, прося его помощи въ своемъ скверномъ дѣлѣ, и обѣщая ему за то большую награду. Кипріанъ, выслушавъ просьбу юноши, утѣшилъ его и обѣщалъ исполнить его желаніе. Прежде всего, онъ послалъ къ Іустинѣ одного изъ нечистыхъ духовъ, о которомъ зналъ, что онъ можетъ сердце ея распалить сквернымъ вожделѣніемъ. И вотъ въ одну ночь, когда она молилась, вдругъ ощутила въ тѣлѣ своемъ похоть злую. Но не поддалась ей Іустина, а вооружившись знаменіемъ крестнымъ, обратилась съ теплой молитвой къ Богу и посрамила врага. Діаволъ возвратился къ Кипріану и сказалъ ему, что ничего не могъ сдѣлать. Кипріанъ спросилъ его: „по какой-же причинѣ ты не могъ одолѣть дѣвицы?“ Бѣсъ принужденъ былъ повѣдать истину и сказалъ, „потому не могъ, что видѣлъ на ней нѣкое знаменіе, котораго устрашился и не смогъ одолѣть“. Тогда Кипріанъ призвалъ бѣса лютѣйшаго и послалъ его на искушеніе Іустины. Этотъ бѣсъ еще съ большей силой напалъ на Іустину, но и дѣвица вооружилась еще сильнѣйшею молитвою и возложила на себя самый строгій постъ,—надѣла на себя власяницу и ѣла только одинъ хлѣбъ съ водою. Укротивши такимъ образомъ свои плотскія страсти, она побѣдила и сего бѣса. Возвратившись, какъ и первый, къ Кипріану, онъ сказалъ ему, что ничего не могъ сдѣлать. Тогда Кипріанъ призвалъ одного изъ князей бѣсовскихъ и, разсказавши ему о немощи двухъ первыхъ бѣсовъ, просилъ у него помощи. Онъ-же, строго укоривъ первыхъ бѣсовъ, обѣщалъ самъ другимъ образомъ искусить дѣвицу и, принявъ на себя подобіе женское, пришелъ къ Іустинѣ и разными льстивыми и любодѣйными словами ста-

рался преклонить Іустину ко грѣху съ юношею тѣмъ. Но и этотъ бѣсъ ничего не успѣлъ: познавши по льстивымъ словамъ хитраго прелестника діавола, дѣвица обратилась къ помощи креста Христова, положила знаменіе крестное на челѣ своемъ, и діаволъ исчезъ. Пришелъ потомъ этотъ князь бѣсовскій къ Кипріану смущенный. Кипріанъ, догадавшись о неудачѣ его, сказалъ: „если и ты, будучи княземъ, больше другихъ сильнымъ и искуснымъ, не могъ побѣдить дѣвицы той, то кто изъ васъ можетъ что-либо сдѣлать тому непобѣдимому дѣвическому сердцу? Скажи мнѣ, какимъ оружіемъ она сопротивляется вамъ и какимъ образомъ крѣпкую силу вашу дѣлаетъ немощною?“ Діаволъ, принужденный силою Божіею, повѣдалъ, хотя и невольно: „не можемъ, сказалъ онъ, зрѣть на знаменіе крестное, но бѣжимъ отъ него: какъ огонь, оно опаляетъ насъ и прогоняетъ далеко“. Кипріанъ, оскорбившись на діавола, что тотъ привелъ его въ посрамленіе, сталъ бранить его, говоря: „такова-ли ваша сила, что дѣва немощная побѣждаетъ васъ?“ Діаволъ, чтобы утѣшить Кипріана, покусился было сотворить еще одну вещь, но и опять не имѣлъ успѣха. Видя себя посрамленнымъ, Кипріанъ опечалился и, надѣясь на свою волшебную силу, рѣшился самъ идти къ Іустинѣ; спачала принялъ образъ женщины, потомъ птицы, но едва приближался къ дверямъ дома Іустинина, какъ волшебство то исчезало, и онъ со скорбію возвращался домой. Послѣ того, Кипріанъ изъ мщенія навелъ болѣзни на домашнихъ Іустины и на нее саму, но и тутъ остался побѣжденнымъ,—когда она обратилась съ прилежной молитвой къ Богу, и сама она и всѣ домашніе ея скоро выздоровѣли. Тогда Кипріанъ, убѣдившись, что ничто не можетъ одолѣть знаменія

крестнаго и имени Христова, пришелъ въ себя и сказалъ діаволу: „губитель и прелестникъ всѣхъ, хранилище всякой нечистоты и скверны, нынѣ я узналъ немощь твою! Если ты боишься тѣни крестной и трепещешь имени Христова, то что будетъ, когда Самъ Христосъ придетъ на тебя? Если не можешь побѣдить знаменующихся крестомъ, то какъ ты возьмешь кого-либо изъ рукъ Христовыхъ? Нынѣ я узналъ, что ты—ничто, ничего не можешь сдѣлать и не имѣешь силы къ отмщенію. Прельстился я, окаянный, послушавшись тебя и повѣривъ твоей лести: отойди-же отъ меня, проклятый, отойди; надлежитъ мнѣ просить христіанъ, чтобы помиловали меня; надлежитъ мнѣ прибѣгнуть къ благочестивымъ, чтобы избавили меня и попеклись о моемъ спасеніи. Уйди, уйди, беззаконникъ, врагъ истины, противникъ и ненавистникъ всего добраго". Услышавъ это, діаволъ устремился на Кипріана, намѣреваясь убить его, и, напавши на него, сталъ бить и давить его. Не имѣя ни отъ кого защиты, не зная, какъ помочь себѣ и избавиться отъ лютыхъ рукъ бѣсовскихъ, Кипріанъ, едва живой, вспомнилъ о крестномъ знаменіи, которымъ Іустина противилась всей силѣ бѣсовской, и сказалъ: „Боже Іустининъ, помоги мнѣ". Потомъ, поднявши руку, перекрестился. Тотчасъ діаволъ, какъ стрѣла, отскочилъ отъ него. Тогда, отдохнувши, онъ ободрился и, призывая имя Христово, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и твердо сопротивлялся бѣсу, проклиная его и укоряя. А бѣсъ, стоя вдали отъ него и, по силѣ крестнаго знаменія и имени Христова, не смѣя приблизиться къ нему, грозно отвѣчалъ ему: „не избавитъ тебя Христосъ отъ рукъ моихъ". Потомъ рыкнулъ, какъ левъ, и исчезъ.

Сей Кипріанъ скоро потомъ принялъ вѣру Христову, былъ епископомъ и вмѣстѣ съ Іустиною принялъ мученическую кончину (въ 268 или въ 304 г.). Октября 2.

Крестное знаменіе дѣлаетъ безвредною отраву.

Во времена Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова ([1]) былъ одинъ христіанинъ, который пришелъ въ такую бѣдность, что не имѣлъ чѣмъ отдать долги своимъ заимодавцамъ, и вотъ отъ сильной скорби задумалъ лишить себя жизни и просилъ одного еврея-волхва, чтобы тотъ далъ ему выпить яду. Еврей, какъ врагъ христіанъ и другъ бѣсовъ, исполнилъ сію просьбу и далъ ему питье смертоносное. Взявши у еврея сію отраву, христіанинъ пришелъ въ домъ свой, но въ раздумьѣ и страхѣ не зналъ что дѣлать, наконецъ, осѣнивъ крестомъ чашу, выпилъ ее, и не имѣлъ отъ того никакого вреда, ибо знаменіе крестное уничтожило весь ядъ въ чашѣ;—и много дивился самъ въ себѣ, что здоровъ и не чувствуетъ никакого вреда. Но потомъ, не имѣя силъ перенести скорби изъ-за долговъ, опять пришелъ къ тому еврею, чтобы взять у него яду еще сильнѣйшаго. Еврей удивился, что живъ тотъ человѣкъ, и далъ ему отраву сильнѣйшую, взявши которую человѣкъ тотъ пошелъ домой. Собираясь выпить эту вторую отраву, христіанинъ, какъ и въ первый разъ, сотворилъ надъ чашею крестное знаменіе и выпилъ, но не получилъ никакого вреда. Опять потомъ пошелъ къ еврею, явился предъ нимъ здоровымъ и укорялъ его, что онъ не искусенъ въ своей хитрости. Жидовинъ, пришедши въ ужасъ, спросилъ его, что онъ дѣлалъ, когда пилъ? Христіанинъ отвѣчалъ: „ни-

([1]) Ум. около 110 г. по Р. Х.

чего другаго не дѣлалъ, какъ только осѣнялъ чашу святымъ крестомъ". Тогда еврей, познавши, что сила святаго креста прогоняетъ смерть, и желая убѣдиться въ этой истинѣ, далъ того яду псу, и песъ тотчасъ издохъ. Еврей, видя это, пошелъ съ тѣмъ христіаниномъ къ Апостолу Іоанну и разсказалъ ему то, что случилось съ ними. Святой, научивъ еврея вѣрѣ Христовой, окрестилъ его, а бѣдному христіанину тому велѣлъ принести бремя сѣна, осѣнивъ которое крестнымъ знаменіемъ претворилъ въ золото и повелѣлъ уплатить тѣмъ золотомъ долги заимодавцамъ, а остаткомъ пропитывать свое семейство. Сентября 26.

„Помни день субботній (праздничный), чтобы святить его" (Исх. 20, 8).

Женщина, работавшая въ праздникъ.

Въ житіи свв. мучч. Бориса и Глѣба разсказывается.—Въ городѣ Дорогобужи одна женщина работала въ домѣ своемъ въ день святителя Христова Николая, и явились ей святые страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ, грозно запрещая ей и говоря: „зачѣмъ работаешь въ день святаго отца Николая? Развѣ не знаешь, что Господь не терпитъ безчестія угодниковъ Своихъ?" Сказавши сіе, они разметали ту хижину, въ которой жила женщина, а сама она отъ страха сдѣлалась какъ-бы мертва, потомъ едва пришла въ себя и цѣлый мѣсяцъ была больна. Въ болѣзни этой у ней изсохла рука и оставалась такою три года, по прошествіи коихъ была исцѣлена тѣми-же святыми мучениками Борисомъ и Глѣбомъ. Мая 2.

Къ пріобщенію св. Таинъ должно приступать съ чистою совѣстію.

Прозорливость преподобнаго Евфимія Великаго.

Преподобный Евфимій Великій [1] имѣлъ даръ по внѣшнему виду человѣка познавать внутреннія движенія его духа и помышленія—добрыя и злыя, и когда братія пріобщались божественныхъ Таинъ, онъ зналъ, кто съ какой душей пріобщается,—однихъ, которые приступали достойно, видѣлъ просвѣщающимися отъ причащенія, а другихъ, поелику дерзали приступать недостойно,—помрачающимися и лица ихъ—какъ-бы мертвыми. Посему, онъ не переставалъ наставлять всѣхъ словами Апостола: „блюдите себя, братія, опасно, когда хотите пріобщаться, *да искушаетъ* себя каждый изъ васъ и *тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ: Ядый-бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ* (1 Кор. 11, 28. 29), ибо святымъ сія святая, а не сквернымъ уготовляются, и когда имѣете чистую совѣсть, *приступите къ нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся*“ (Пс. 33, 6).—Янв. 20.

Богохуленіе какъ грѣхъ противный богопочтенію.

Хула на Іисуса Христа, наказанная бѣснованіемъ.

Св. Іоаннъ Златоустъ родился въ городѣ Антіохіи Сирской (въ 345 г.) и первоначальное образованіе получилъ въ домѣ своихъ родителей. Потомъ, послѣ принятія крещенія, на восемнадцатомъ году отъ рожденія, онъ отправился, для дальнѣйшаго образованія, въ Аѳины—столицу Греціи. Здѣсь онъ скоро превзошелъ муд-

[1] Ум. въ 473 году.

ростію своихъ сверстниковъ и даже многихъ философовъ, такъ какъ изучилъ всѣ науки греческія, и былъ мудрый философъ и краснорѣчивый ораторъ Былъ у него въ Аѳинахъ одинъ противникъ изъ философовъ по имени Анѳимій, который, завидуя доброй славѣ Іоанна, не любилъ его, враждовалъ противъ него и злословилъ его. Сего-то философа св. Іоаннъ, публично предъ всѣми побѣдивъ своими премудрыми и богодухновенными словами, привелъ къ вѣрѣ Христовой такимъ образомъ.—Когда Анѳимій, въ спорѣ съ Іоанномъ, началъ говорить хульныя слова на Господа нашего Іисуса Христа, тогда вдругъ напалъ на него духъ нечистый и сталъ мучить его. Онъ упалъ на землю, метался, страшно выворачивалъ глаза и ротъ и испускалъ пѣну изо рта; всѣ бывшіе тутъ пришли въ ужасъ, а многіе отъ страха разбѣжались. Затѣмъ всѣ присутствующіе просили Іоанна, дабы онъ сжалился надъ бѣснующимся и исцѣлилъ его. Іоаннъ отвѣчалъ: „если не покается и не увѣруетъ въ Христа Бога, Котораго хулилъ, не исцѣлится“. Тогда Анѳимій воскликнулъ: „исповѣдую, что ни на небѣ, ни на землѣ нѣтъ другаго Бога, кромѣ христіанскаго, въ Котораго вѣруетъ премудрый Іоаннъ“. Когда онъ сказалъ это, вышелъ изъ него духъ нечистый, и онъ здоровый всталъ на ноги. Всѣ люди, видѣвшіе это чудо, воскликнули: „великъ Богъ христіанскій, одинъ творящій чудеса“. А Іоаннъ, давъ наставленіе Анѳимію никогда не произносить хулы на Сына Божія и научивъ истинной вѣрѣ, послалъ его къ епископу того города, и Анѳимій окрестился со всѣмъ домомъ своимъ. Много и другихъ гражданъ увѣровали при этомъ во Христа Спасителя и приняли крещеніе.—Ноября 13.

Чудесное вразумленіе царя-богохульника.

Святой Харалампій, епископъ магнисійскій (¹), во время страданій своихъ, предъ Римскимъ царемъ Северомъ творилъ многія чудеса. Одинъ изъ вельможъ царскихъ, по имени Криспъ, совѣтовалъ царю: „умертви этого человѣка, ибо онъ волхвъ и волхвованіемъ своимъ творитъ многія чудеса“ Повѣривъ словамъ криспововымъ, царь сказалъ мученику: „принеси богамъ жертву, Харалампій, и избѣжишь рукъ мучительскихъ“. Святой отвѣчалъ: „муки полезны для меня, ибо чѣмъ болѣе тѣло мое покрывается ранами, тѣмъ болѣе радуется во мнѣ духъ мой“. Слыша это, царь разгнѣвался и велѣлъ бить святаго камнемъ по лицу, а бившіе говорили: „покорись царю, чтобъ тебѣ не погибнуть напрасно“. Царь сказалъ служителямъ: „возьмите зажженныя свѣчи, подожгите ему бороду и опалите лице его“. И вотъ, когда служители приставили свѣчи къ бородѣ, вдругъ вышло изъ нея большое пламя, устремилось на окружавшихъ и опалило до семидесяти язычниковъ. Тогда царь пришелъ въ ярость и сказалъ: „правду сказалъ мнѣ царь скиоскій, что Харалампій—волхвъ и отъ меня такъ-же, какъ и отъ него, хочетъ отвратить воиновъ“. Затѣмъ, обратившись къ вельможамъ своимъ, сказалъ: „не скажетъ ли кто изъ васъ, кто это тотъ Христосъ, въ котораго вѣруетъ Харалампій“? Криспъ отвѣчалъ: „Христосъ есть сынъ Маріи, рожденный отъ прелюбодѣянія“. Тогда другой вельможа, по имени Аристархъ, сказалъ Криспу: „не пустословь напрасно, ибо откуда ты узналъ сіи таинства? Откуда знаешь, кто была Марія и кто Христосъ?“ Криспъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ: „дьяволъ, не хочешь-ли ты быть умнѣе ме-

(¹) Ум. въ 202 г. по Р. Х.

ня?“ Аристархъ сказалъ: „конечно, я знаю это лучше тебя“. Тогда царь Северъ сказалъ Аристарху: „о, злая голова! Не противъ-ли меня говоришь ты?“ Аристархъ отвѣчалъ: „никакъ не противъ тебя, царь, и не противъ кого-либо другаго, но говорю за Христа“. Тогда царь, дыша яростію, взялъ натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу къ небу, говоря: „приди сюда, Христосъ; если ты живешь вверху, сойди внизъ и на землѣ поставь шатры твои: вотъ я войну готовлю на тебя и имѣю большія силы, чтобы стать противъ тебя, сойди-же сюда и стань близъ меня, а если не сойдешь, то я низложу небеса, погашу солнце и схвачу тебя своими руками“. Когда царь такъ дерзко и безстыдно произносилъ сіи хулы на Христа Бога, вдругъ затряслась земля и напалъ на всѣхъ страхъ; ибо когда прогнѣвался Господь, тогда земля затряслась какъ листъ, а сверху изъ облаковъ слышны были страшные звуки, разразились громъ и молнія, и всѣ люди омертвѣли отъ страха, а царь и съ нимъ вельможа Криспъ, связанные невидимыми узами, были подняты кверху и висѣли на воздухѣ. Тогда царь воззвалъ къ мученику: „это мнѣ—по грѣхамъ моимъ, Харалампій, достойно пріемлю казнь сію, но ты скажи слово Богу твоему, дабы избавиться мнѣ отъ муки сей, и я сдѣлаю извѣстнымъ тогда имя Бога твоего и твое во всемъ городѣ, ибо великимъ страхомъ пораженъ я отъ Христа твоего“. Въ это время пришла туда дочь царя, по имени Галина, и сказала отцу своему: „никто не можетъ противиться Богу, отецъ мой: ибо Онъ—надежда христіанъ и потребитель нечестивыхъ. Вѣруй въ Бога, и Онъ избавитъ тебя и разрѣшитъ отъ сихъ невидимыхъ узъ, которыми ты связанъ, ибо Богъ, связавшій тебя, есть вѣчный и неприкосновенный“. И

падши къ ногамъ мученика, Галина сказала: „умоляю тебя, рабъ Божій, помолись Христу Богу и разрѣши отъ невидимыхъ узъ отца моего“. Когда помолился святой, тогда кончилось сіе страшное наказаніе Божіе, и царь, съ вельможей, освободившись отъ узъ, сталъ на землѣ и сказалъ: „Помилуй меня, Владыко небесъ и Создатель земли. Живущій на небесахъ призри милостиво на землю“. Послѣ сего царь съ вельможами возвратился въ свои палаты и три дня не выходилъ никуда, размышляя о грозномъ Божіемъ наказаніи.— Февраля 10.

Клятва и обѣты.

Чудесное вразумленіе ложно клявшемуся предъ иконою Божіей Матери.

Въ Кіевѣ въ одиннадцатомъ вѣкѣ жили два славные мужа, друзья между собою, Іоаннъ и Сергій. Пришедши однажды въ печерскую церковь, они заключили духовное братство предъ чудотворною иконою Божіей Матери. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ сего, Іоаннъ разболѣлся къ смерти, призвалъ игумена печерскаго блаженнаго Никона (ум. 1088 г.) и, раздавъ при немъ имѣніе свое нищимъ, сыновнюю часть—тысячу гривенъ серебра и сто гривенъ золота—отдалъ Сергію, которому, какъ другу своему и вѣрному брату, поручилъ и пятилѣтняго сына своего Захарію, завѣщавъ Сергію, дабы, когда выростетъ сынъ его, отдалъ ему тогда сіе серебро и золото;—устроивъ сіе, скоро скончался. Захарія, достигши пятнадцатилѣтняго возраста, захотѣлъ получить отъ Сергія свое серебро и золото. Но тотъ, поддавшись совѣту діавола и думая пріобрѣсть богатство, захотѣлъ погубить и жизнь и душу свою. Ибо отвѣ-

чалъ юношѣ: „отецъ твой все имѣніе отдалъ Богу, у Него и проси себѣ серебра и золота. Онъ тебѣ долженъ; а я ни въ чемъ не повиненъ предъ тобою,—ни отцу твоему, ни тебѣ я не долженъ ни одной монеты. Такъ сдѣлалъ отецъ твой по своему неразумію,—растратилъ все имѣніе свое на милостыню, а тебя оставилъ бѣднымъ и нищимъ". Услышавъ сіе, юноша сталъ плакать о своемъ несчастіи, потомъ послалъ съ просьбой къ Сергію, говоря: „отдай мнѣ хотя половину моего наслѣдства, а другая равная часть пусть будетъ тебѣ". Въ отвѣтъ на это, Сергій жестокими словами выбранилъ и отца его и его самого. Послѣ сего, Захарія просилъ хотя третьей части, потомъ десятой, наконецъ, видя себя лишеннымъ всего, сказалъ Сергію: „если ты не взялъ, то иди и поклянись мнѣ предъ чудотворною иконою Пресвятыя Богородицы въ печерской церкви, гдѣ ты заключилъ съ отцемъ моимъ союзъ братскій". Сергій, не обинуясь, пошелъ въ церковь и, ставъ предъ иконою Пресв. Богородицы, сказалъ съ клятвою, что не бралъ ни тысячи гривенъ серебра, ни ста гривенъ золота. Потомъ, хотѣлъ приложиться къ иконѣ, но не могъ и, выходя изъ церкви, восклицалъ: „преподобные отцы Антоній и Өеодосій! не велите губить меня сему немилостивому Ангелу, но помолитесь Пресвятой Госпожѣ Богородицѣ, да удалитъ отъ меня многихъ бѣсовъ, которымъ я преданъ, и пусть возьмутъ сокрытое въ моемъ домѣ серебро и золото". И съ того времени не рѣшался клясться никогда предъ иконою Пресв. Богородицы. Посланные въ домъ Сергія взяли и принесли запечатанный сосудъ и нашли въ немъ двѣ тысячи гривенъ серебра и двѣсти гривенъ золота: такъ усугубилъ Господь, отдающій милостивымъ. Захарія все это отдалъ игумену

(уже Іоанну), дабы онъ употребилъ по своему усмотрѣнію, а самъ постригся и кончилъ жизнь свою въ св. печерскомъ монастырѣ. На эти деньги построена была церковь св. Іоанна Предтечи въ память Іоанна, болярина, и сына его Захаріи, которымъ принадлежало то золото и серебро.—Марта 24.

Чудесное вразумленіе ложно клявшемуся отроку отъ св. великомученика Георгія.

Въ повѣствованіи о чудесахъ св. великомученика Георгія Побѣдоносца разсказывается о семъ слѣдующее.— Нѣкто изъ богоугодно монашествующихъ, по имени авва Георгій, повѣдалъ: Когда я шелъ однажды дорогой въ гору, имѣя въ рукѣ крестъ, встрѣтилъ меня одинъ старый монахъ и, взявши у меня крестъ, пошелъ впереди меня. Немного прошедши, онъ своротилъ съ дороги, вслѣдъ за нимъ шелъ и я, и вотъ увидали мы стадо овецъ, а отрокъ, который пасъ стадо, лежалъ при смерти, ужаленный змѣей. Не вдалекѣ отъ сего мѣста былъ ручеекъ, и старецъ сказалъ мнѣ: „поди, почерпни воды и обольемъ крестъ“. Сдѣлавши это и открывши отроку уста, онъ влилъ ему той воды и сказалъ: „во имя Пресвятой Троицы исцѣляетъ тебя рабъ Божій великомученикъ Георгій“, и отрокъ, приподнявшись, извергъ извнутри себя смертоносный ядъ и всталъ. Тогда старецъ сказалъ ему: „повѣдай мнѣ, какъ клялся ты вчера убогой вдовѣ; она поручила тебѣ пасти овцу, а ты продалъ ее за три сребренника, а вдовѣ сказалъ: волкъ съѣлъ ее“. Отрокъ отвѣчалъ: „правда, отче, но какъ узналъ ты это?“ Старецъ сказалъ: „когда я сидѣлъ въ своей келліи, пріѣхалъ ко мнѣ на бѣломъ конѣ мужъ и сказалъ: Софроній, встань и иди поскорѣе къ источнику, который

на право отъ тебя—къ югу; тамъ ты найдешь отрока, ужаленнаго змѣей, тамъ-же встрѣтишь ты монаха съ деревяннымъ крестомъ въ рукѣ. Взявши сей крестъ, облей его водою и дай испить той воды отроку, ужаленному змѣей, говоря такъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа исцѣляетъ тебя рабъ Божій мученикъ Георгій. И скажи ему: не клянись послѣ сего ни именемъ Божіемъ, ни святыми Его, не твори никому неправды и отдай бѣдной вдовѣ овцу, дабы не случилось съ тобою что еще хуже". Когда юноша выслушалъ сіе, палъ къ ногамъ старца, говоря: „прости мнѣ, отче, ибо правда все это,—за три сребренника продалъ я овцу той женщины, а ей солгалъ, сказавши, будто волкъ съѣлъ овцу. А когда женщина спросила меня, правду-ли я говорю или ложь, я отвѣчалъ ей: правду, клянусь Богомъ. Послѣ сего женщина сказала мнѣ: развѣ ты не знаешь, что я бѣдна, впрочемъ пусть будетъ такъ, какъ ты говоришь, если-же это неправда, то Богъ и святой Георгій взыщутъ съ тебя, ибо я обѣщала ту овцу въ праздникъ св. Георгія отдать нищимъ. А я (сказалъ отрокъ) прельстился и согрѣшилъ, но прошу тебя, отче, помолись обо мнѣ Богу и святому Георгію, да будетъ прощенъ мнѣ грѣхъ тотъ, а я теперь дамъ женщинѣ той на праздникъ св. Георгія три овна (барана) и во всю жизнь мою на праздникъ сего святаго буду отдавать нищимъ десятую часть изъ того, что заработаю".—Апрѣля 23.

Чудесное вразумленіе отъ св. великомученика Мины ложно клявшемуся христіанину.

Въ повѣствованіи о чудесахъ св. великомученика Мины разсказывается о семъ слѣдующее.—Одинъ еврей имѣлъ друга-христіанина, и вотъ, отправляясь въ

далекую страну, отдалъ христіанину на сохраненіе свой сундукъ съ тысячью золотыхъ монетъ, и въ странѣ той пробылъ долгое время. А христіанинъ, между тѣмъ, надумалъ не отдавать золота еврею, когда тотъ возвратится, а оставить у себя, что и сдѣлалъ. Еврей, возвратившись, сталъ просить христіанина отдать ему то золото, которое вручилъ ему на сохраненіе. Но христіанинъ отрекся, говоря: „я не знаю что ты говоришь,—ты мнѣ ничего не давалъ, и я у тебя ничего не бралъ“. Еврей, услышавъ это, опечалился, и уже не надѣясь получить свое золото, сказалъ христіанину: „никто, братъ, не знаетъ объ этомъ, только одинъ Богъ, и если ты отрекаешься отъ даннаго тебѣ на сохраненіе золота, говоря, что не бралъ, то отрекись съ клятвой: пойдемъ въ церковь святаго Мины, и тамъ поклянись ты мнѣ, что не бралъ отъ меня сундука съ деньгами“. Потомъ пошли оба вмѣстѣ, и поклялся предъ Богомъ христіанинъ, что не бралъ у еврея золота на сбереженіе. По совершеніи клятвы, опять оба вмѣстѣ вышли изъ церкви, и, когда сѣли на коней, конь христіанина сталъ бѣситься, такъ что невозможно было остановить его, и, разорвавъ узду, бѣгалъ и сшибъ на землю своего хозяина. Въ ту минуту, когда христіанинъ упалъ, съ руки его спалъ перстень, а изъ кармана выпалъ ключъ; не замѣчая этого, христіанинъ всталъ, поймалъ коня и, сѣвъ на него, поѣхалъ съ евреемъ далѣе. Подъѣхавши къ одному мѣсту, христіанинъ сказалъ еврею: „вотъ, другъ, хорошее мѣсто, сойдемъ съ коней и закусимъ“. Такъ и сдѣлали,—сошли съ коней, пустили ихъ пастись, а сами сѣли и стали ѣсть. Немного спустя, христіанинъ вдругъ увидѣлъ предъ собою своего слугу, державшаго въ одной рукѣ сундукъ еврея, а въ другой перстень съ ключемъ, и,

увидѣвъ это, ужаснулся. „Что это значитъ?“ сказалъ онъ слугѣ, и слуга отвѣчалъ: „одинъ страшный воинъ пріѣхалъ на конѣ къ госпожѣ моей и, давъ ей ключъ съ перстнемъ, сказалъ: „пошли поскорѣе сундукъ еврея, дабы не впалъ въ бѣду мужъ твой“, и дано было мнѣ это отнести тебѣ, какъ велѣлъ ты самъ“. Еврей, видя сіе, удивился чуду и въ радости поспѣшилъ съ христіаниномъ къ святому Минѣ, поклонился ему и тотчасъ-же просилъ себѣ крещенія ради того чуда, котораго былъ очевидцемъ, а христіанинъ умолялъ святаго даровать ему прощеніе, такъ какъ преступилъ заповѣдь Божію, и такимъ образомъ оба получили, о чемъ просили—одинъ крещеніе, а другой прощеніе. И пошли каждый къ себѣ, радуясь и прославляя Бога и угодника Его святаго мученика Мину. Ноября 11.

Божія Матерь, напоминающая объ обѣтѣ, или обѣщаніи.

Одинъ изъ бояръ кіевскаго князя Изяслава, по имени Судиславъ, а въ св. крещеніи Климентъ, отправляясь однажды съ симъ княземъ на войну (1), сдѣлалъ обѣщаніе: „если ворочусь здоровымъ домой, то дамъ Пресвятой Богородицѣ въ печерскій монастырь блаженнаго Ѳеодосія двѣ гривны золота, а на икону Ея сдѣлаю золотой вѣнецъ“. Во время войны, хотя враги и были побѣждены, однако многіе были убиты и со стороны Изяславовой, а бояринъ тотъ остался цѣлъ и невредимъ, но забылъ свое обѣщаніе. И вотъ, спустя нѣсколько дней, когда онъ спалъ въ полдень въ своемъ домѣ, услышалъ голосъ, зовущій его: „Климентъ!“ Пробудившись, онъ увидѣлъ предъ собою икону Пресвятой Богородицы,—ту самую, которая была въ монастырѣ преп. Ѳеодосія, и услышалъ голосъ, исходившій отъ

(1) Это было при преп. Ѳеодосіѣ печерскомъ въ XI вѣкѣ.

нея: „Почему ты, Климентъ, не далъ мнѣ того, что обѣщалъ, но вотъ я говорю тебѣ теперь: постарайся исполнить твое обѣщаніе". Послѣ сихъ словъ, икона стала невидима. Тогда бояринъ, въ великомъ страхѣ взявъ, сколько обѣщалъ, золота и золотой вѣнецъ на икону Божіей Матери, отнесъ то и другое въ монастырь печерскій и отдалъ преподобному Ѳеодосію.— Мая 3.

Святые, призываемые въ молитвахъ, ходатайствуютъ за людей предъ Богомъ и помогаютъ имъ даже видимымъ образомъ.

Постриженіе въ иночество св. Петра Аѳонскаго.

Преподобный Петръ Аѳонскій родомъ былъ грекъ, чиномъ воинъ и воевода. Поступилъ въ иночество такимъ образомъ.—Когда онъ посланъ былъ съ войскомъ въ Сирію на войну съ арабами, случилось греческому войску быть пораженнымъ, и Петръ, взятый съ другими воинами въ плѣнъ, заточенъ былъ въ крѣпость Самару надъ рѣкою Евфратомъ и обложенъ тяжелыми желѣзными веригами. Сидя въ темницѣ и испытывая свою совѣсть, Петръ вспомнилъ, что много разъ онъ намѣревался отречься міра, обѣщаясь быть инокомъ, и думалъ, что за это-то Богъ и попустилъ на него сіе плѣненіе и злостраданіе,—что онъ до сего времени не позаботился привести въ исполненіе своего добраго намѣренія. Посему онъ много скорбѣлъ и плакалъ, сожалѣя о своемъ нерадѣніи и сознавая, что страдаетъ за дѣло. Просидѣвъ долго въ темницѣ и не имѣя никакой надежды на избавленіе отъ узъ, онъ началъ усердно молиться всесильному Богу, могущему Своими неисповѣдимыми судьбами освободить его отъ узъ, какъ

Онъ освободилъ изъ ада Адама и изъ Иродовой темницы апостола Петра. При этомъ, онъ призывалъ въ помощь и многомощное ходатайство предъ Богомъ великаго чудотворца святителя Николая, скораго помощника находящимся въ бѣдахъ; ибо издавна имѣлъ къ нему по Богѣ великую вѣру и любовь и часто съ упованіемъ молился ему. Въ молитвѣ своей онъ выразилъ твердое обѣщаніе: если будетъ освобожденъ отъ узъ, то болѣе не возвращаться въ міръ и не идти домой, но тотчасъ идти туда, куда повелитъ Самъ Богъ— къ подвигу иноческому; думалъ и то, что если-бы Богъ освободилъ его, то онъ пошелъ-бы въ Римъ, и тамъ, при гробѣ св. ап. Петра, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ міра, отложилъ-бы свои волосы. Съ молитвою о семъ Петръ соединялъ великое пощеніе, весьма мало принимая пищи чрезъ два или три дня. Однажды-же онъ постился цѣлую недѣлю, и, когда кончилась эта недѣля, явился ему въ сонномъ видѣніи святитель Христовъ Николай и сказалъ: „я слышалъ молитву твою, братъ Петръ, ощутилъ воздыханіе сердца твоего и молилъ за тебя благосердаго и человѣколюбиваго Бога; но поелику ты самъ нерадивъ былъ въ заповѣдяхъ Его, посему и онъ не хочетъ скоро освободить тебя отъ узъ, устрояя тебѣ спасеніе лучшее. А такъ какъ милосердый Владыка нашъ обнадежилъ всѣхъ, сказавъ въ святомъ Своемъ Евангеліи: *просите и пріимете, толцыте и отверзется вамъ*, то ты не переставай просить Его въ молитвахъ и воздыханіями своими ударять въ двери милосердія Его до тѣхъ поръ, пока, преклонившись на милость, не даруетъ тебѣ просимое тобою освобожденіе отъ узъ и не отворитъ темничныхъ дверей къ твоему выходу отсюда. Будь-же терпѣливъ въ молитвѣ, ожидая милости Божіей“. Сказавъ

сіе узнику Петру и повелѣвъ ему подкрѣпиться пищей, святой Николай сталъ невидимъ. А Петръ, пробудившись отъ сна и принявъ пищи, снова обратился къ молитвѣ и усерднѣе прежняго—днемъ и ночью—молился съ твердой надеждой и непрестанно призывая помощника своего святаго Николая. Спустя нѣсколько времени, святой Николай снова явился ему во снѣ какъ-бы въ печальномъ видѣ и тихимъ, кроткимъ голосомъ сказалъ ему: „я, брате, повѣрь мнѣ, не переставалъ молить о тебѣ благость Божію, но не знаю по какимъ планамъ Богъ отлагаетъ твое освобожденіе. Однако не отчаявайся въ милосердіи Его, ибо Владыка имѣетъ обычай отлагать исполненіе нашихъ просьбъ, и это—къ нашей-же пользѣ, дабы, получивъ скоро просимое, не пренебрегъ кто Его благодатію, вмѣстѣ съ симъ, Онъ хочетъ, дабы и другіе благоугодившіе ему святые помолились о тебѣ. Я-же укажу тебѣ многомощнаго къ Нему молитвенника, котораго если ты призовешь въ помощь, не лишишься надежды, ибо когда онъ и я съ нимъ, оба вмѣстѣ помолимся о тебѣ, я увѣренъ, Человѣколюбецъ услышитъ насъ“. Петръ сказалъ святому Николаю: „кто-же это тотъ святой, владыко, который много лучше тебя можетъ умолить Бога? Твоими молитвами и предстательствомъ спасается весь міръ, ибо всѣ христіане, притекая къ тебѣ, получаютъ чрезъ тебя избавленіе отъ бѣдъ своихъ“. Святой Николай сказалъ ему: „знаешь-ли ты, Петръ, праведнаго Симеона, который принялъ на руки свои сорокодневнаго Христа Господа, принесеннаго въ церковь, почему и „Богопріимцемъ“ названъ?“ Петръ отвѣчалъ: „знаю, святче Божій, того праведнаго мужа, о которомъ писано въ святомъ Евангеліи“. Святой Николай сказалъ: „его-то мы оба, ты и я, подвигнемъ на мольбу

и непремѣнно все недоконченное нами приведетъ къ доброму концу, ибо многомощенъ у Бога, предстоя близъ престола Его вмѣстѣ съ Пречистою Владычицею Дѣвою Богородицею и со святымъ Предтечею Іоанномъ, и имѣетъ великое дерзновеніе предъ Богомъ". Сказавъ сіе, святой Николай отошелъ. А Петръ, отрясши сонъ отъ очей своихъ, снова обратился къ усердной молитвѣ и пощенію, призывая въ помощь и святаго Симеона Богопріимца, такъ-же какъ и святаго Николая. Когда-же преблагій Богъ, умоляемый великими угодниками Своими—Симеономъ и Николаемъ, восхотѣлъ даровать освобожденіе страдавшему въ узахъ,—въ третій разъ явился Петру ночью святитель Христовъ Николай, но уже не во снѣ, а на яву. И явился не одинъ, но вмѣстѣ со святымъ Симеономъ Богопріимцемъ, и сказалъ ему: „дерзай, братъ Петръ, и, отложивъ печаль, объяви обѣты твои общему ходатаю, моему-же сомолитвеннику, и воздай ему, по Богѣ, благодареніе". Петръ, поднявъ глаза, увидѣлъ великаго Симеона, дивнаго и честнаго по виду, сіяющаго свѣтомъ и облеченнаго въ ефудъ ветхозавѣтнаго священства, а въ рукахъ имѣющаго золотой жезлъ. Увидѣвъ его, Петръ ужаснулся, а святой Симеонъ сказалъ ему: „ты ли это просишь брата Николая освободить тебя отъ узъ и изъ сей темницы?" Петръ-же, отъ страха едва будучи въ состояніи открыть уста свои, отвѣчалъ: „я, угодникъ Божій, который и твою святыню пріобрѣлъ въ ходатаи за себя предъ Богомъ". Святой Симеонъ спросилъ: „исполнишь-ли ты обѣтъ свой, чтобы быть тебѣ инокомъ и пожить добродѣтельно?" Петръ отвѣчалъ: „исполню, владыко, если Богъ поможетъ". Святой сказалъ: „если обѣщаешься сдѣлать такъ, то безпрепятственно выходи отсюда и иди, куда хочешь; ибо ни-

что изъ мнимыхъ препятствій не можетъ возбранить тебѣ или удержать тебя". Петръ показалъ ему скованныя желѣзомъ ноги свои; тогда Симеонъ золотымъ жезломъ своимъ коснулся желѣзъ, которыя были на ногахъ Петровыхъ, и тотчасъ они растаяли, какъ воскъ отъ лица огня. Петръ всталъ на ноги, увидѣлъ темницу отворенной и пошелъ изъ нея за св. Симеономъ. Слѣдуя за нимъ и за св. Николаемъ, онъ оказался идущимъ внѣ города. Дорогою Петръ подумалъ: „не во снѣ-ли дѣлается то, что я вижу?" И тотчасъ святой Симеонъ, обратившись къ нему, сказалъ: „зачѣмъ считаешь сномъ явно творимую тебѣ милость Божію? Развѣ не видишь, гдѣ ты и за кѣмъ идешь?" Затѣмъ, святой Симеонъ, поручивъ Петра святому Николаю, ушелъ, и Петръ пошелъ за святымъ Николаемъ. Насталъ день, и святой Николай спросилъ Петра: „взялъ-ли ты чѣмъ питаться въ пути?" Петръ отвѣчалъ: „нѣтъ, господинъ, потому, что нечего было взять". Тогда святой Николай велѣлъ ему сходить въ ближайшій огородъ, сказавъ: „тамъ найдешь ты человѣка, дающаго тебѣ овощи; ты возьми, сколько нужно, на дорогу и иди за мной". Петръ, подошедши къ огороду и получивъ отъ человѣка овощи, пошелъ предпринятымъ путемъ за святымъ Николаемъ, и въ скоромъ времени дошли они до греческой земли. И святой Николай сказалъ Петру: „вотъ, братъ, ты уже въ своей странѣ и имѣешь удобное время къ исполненію своихъ обѣтовъ; твори-же скоро то, что обѣщалъ, дабы снова не быть отведеннымъ тебѣ въ узы въ Самару". Сказавши сіе, святитель Николай сталъ невидимъ, а Петръ, пришедши въ Римъ, постригся въ иноки, по обѣщанію своему, у гроба апостольскаго ([1]). Іюня 12.

([1]) Ум. въ 734 году.

Женщина, спасенная отъ смерти.

Въ житіи святыхъ безсребренниковъ Космы и Даміана, память коихъ совершается 1 Ноября, разсказывается: Въ томъ селеніи, гдѣ жили и погребены были святые безсребренники (въ Фереманѣ), близъ церкви во имя сихъ святыхъ, жилъ одинъ мужъ, по имени Малхъ. Думая отправиться въ далекій путь, онъ привелъ въ сію церковь жену свою и сказалъ ей: „вотъ я отправляюсь въ далекій путь, тебя-же вручаю на сохраненіе Космѣ и Даміану. Пребывай въ домѣ, пока я пришлю тебѣ отъ себя знакъ, изъ котораго узнаешь, что онъ отъ меня,—когда угодно будетъ Богу, я пришлю тебѣ тотъ знакъ и возьму тебя къ себѣ". Такимъ образомъ вручивъ святымъ жену свою, Малхъ отправился въ путь. Спустя нѣсколько дней, діаволъ, преобразившись въ одного знакомаго человѣка и пришедши къ женѣ Малховой, показалъ ей тотъ знакъ, о которомъ говорилъ ей мужъ, и предложилъ ей идти къ мужу: „меня, сказалъ діаволъ, мужъ твой прислалъ за тобой, чтобы я привелъ тебя къ нему". Женщина сказала: „знакъ этотъ знаю, но идти не хочу, ибо вручена святымъ безсребренникамъ Космѣ и Даміану, а посему, если хочешь, чтобы я шла съ тобой къ мужу, то пойдемъ со мной въ церковь тѣхъ святыхъ, ухватись за край алтаря и поклянись, что ты дорогою не сдѣлаешь мнѣ никакого зла". Діаволъ согласился, пришелъ съ нею въ церковь, взялся за край алтаря и клялся, говоря: „клянусь силами Космы и Даміана, что не сдѣлаю тебѣ дорогою никакаго зла, но отведу тебя къ мужу твоему". Услышавъ клятву, женщина повѣрила лживому бѣсу, принявшему видъ знакомаго человѣка, и пошла съ нимъ въ путь. Льстецъ-же тотъ,

взявъ ее, завелъ въ пустое и непроходимое мѣсто и хотѣлъ тамъ убить ее. Видя себя въ такой бѣдѣ, женщина возвела на небо очи свои и изъ глубины сердца воскликнула къ Богу: „Боже, по молитвамъ святыхъ Космы и Даміана, помоги мнѣ и дай мнѣ избавиться отъ рукъ сего убійцы". И тотчасъ явились скорые помощники Косма и Даміанъ, крича на діавола, который, увидѣвъ ихъ, освободилъ женщину и побѣжалъ. Прибѣжавъ на высокій холмъ, упалъ въ пропасть и исчезъ, а святые, взявъ женщину, привели ее въ домъ ея. И говорила женщина, кланяясь имъ: „благодарю васъ, господа мои, что избавили меня отъ погибели; прошу васъ, скажите мнѣ, кто вы, дабы мнѣ знать, кому я должна воздавать благодарность до конца моей жизни". Они тогда сказали ей: „мы—рабы Христовы Косма и Даміанъ, которымъ вручилъ тебя на сохраненіе мужъ твой, отправляясь въ далекій путь,—посему-то мы такъ скоро и пришли къ тебѣ на помощь и благодатію Божіею избавили тебя отъ діавола". Женщина, слыша сіе, отъ страха и радости пала на землю, а святые стали невидимы.

Святотатство.

Чудесное наказаніе за грѣхъ святотатства.

Въ лѣто 1617-е отъ Рождества Того, Кто есть Источникъ чудесъ и Виновникъ всякой благости, Христа Спасителя, при архимандритѣ кіево-печерскаго монастыря Елиссеѣ Плетенецкомъ, пришелъ въ сей монастырь одинъ человѣкъ, никому (изъ братіи монастыря) неизвѣстный, который (какъ послѣ открылось) принадлежалъ къ проклятому зловѣрію Арія, по имени Василій. Этотъ человѣкъ, коварно надѣвъ на себя

личину благовѣрія и благоговѣнія, наружнымъ образомъ показывалъ видъ, что пришелъ посѣтить святыя мѣста и поклониться чудотворнымъ мощамъ св. печерскихъ угодниковъ Божіихъ, внутри-же себя таилъ ядъ той душегубительной аріевой ереси и лукавства. Вошедши во святую чудотворную великую церковь печерскую, онъ просилъ іеродіакона Ливерія, въ то время бывшаго екклесіархомъ, чтобы тотъ открылъ ему раку блаженной княжны Іуліаніи ([1]), яко-бы усердно желая поклониться ея нетлѣннымъ мощамъ. Получивъ просимое, началъ тотъ нечестивецъ лицемѣрно творить поклоненіе честнымъ мощамъ, помышляя лукавое и поджидая удобной минуты привести въ исполненіе скрываемое внутри свое злое намѣреніе. Когда увидалъ, что екклесіархъ за какимъ-то дѣломъ отошелъ отъ него, то тотчасъ онъ—богомерзкій еретикъ, льстецъ и тать—подошедши ближе къ честнымъ мощамъ святой Іуліаніи и какъ-бы со всякимъ усердіемъ лобзая ихъ, дерзнулъ снять перстень съ пальца правой руки сей святой княжны, затѣмъ, отступивъ отъ мощей съ душепагубнымъ для себя похищеніемъ, онъ—проклятый поклонникъ—смѣло пошелъ изъ церкви съ своею мнимою користію. Но лишь только вышелъ изъ дверей церковныхъ, какъ тотчасъ-же взбѣсился,—упалъ на камни и зарычалъ какъ бѣшеный волъ, метаясь и бросаясь во всѣ стороны, а потомъ вскорѣ сей злочестивый еретикъ и святокрадецъ, казнимый праведнымъ гнѣвомъ Божіимъ, злѣ извергъ и скверную душу свою. Екклесіархъ, видя сіе, пришелъ въ ужасъ и поспѣшилъ возвѣстить о томъ архимандриту. Тотчасъ пришелъ архимандритъ съ братіей, и всѣ дивились столь

([1]) Ум. не позже 1540 года.

внезапной и страшной кончинѣ человѣка, такъ ужасно извергшаго душу свою. Желая узнать причину сей внезапной и несчастной кончины, архимандритъ велѣлъ тщательно осмотрѣть того бездушнаго, нѣтъ-ли при немъ чего церковнаго—похищеннаго, и, когда осмотрѣли, нашли въ пазухѣ перстень. Архимандритъ спросилъ екклесіарха, отъ какого-бы образа былъ похищенъ тотъ перстень?—Осмотрѣвъ и пересчитавъ, екклесіархъ нашелъ вездѣ на всѣхъ иконахъ всѣ перстни цѣлыми. Потомъ пришло ему на умъ открыть раку святой Іуліаніи, такъ какъ онъ, льстецъ, казался прилежно молящимся честнымъ мощамъ ея;—и когда открылъ и осмотрѣлъ, тотчасъ догадался, что съ пальца правой руки святой Іуліаніи снятъ былъ драгоцѣнный перстень, и сказалъ о томъ настоятелю. Когда сіе происходило, случайно пришелъ въ церковь одинъ благовѣрный мужъ, по имени Варѳоломей, который узналъ того бездыханно лежащаго еретика и разсказалъ о его имени и родѣ. Послѣ сего, тотъ перстень, похищенный съ мощей святой Іуліаніи, для большаго прославленія такаго чуда, архимандритъ повелѣлъ приложить къ иконѣ Пресвятой Богородицы между другими драгоцѣнными и священными украшеніями, а святотатца того и еретика похоронить внѣ монастыря, и сказалъ братіи: „смотрите, отцы и братія, как испытующій сердца и утробы Богъ обличилъ злодѣяніе, скрывавшееся въ сердцѣ злаго человѣка, и не оставилъ безъ наказанія, дабы и другіе имѣли страхъ, ибо нѣтъ ничего тайнаго, что-бы не было открыто.—Іюля 6.

Посмѣяніе надъ святыми.

Наказанное посмѣяніе надъ св. Григоріемъ Неокесарійскимъ.

Однажды святой Григорій, епископъ неокесарійскій ([1]), былъ въ городѣ Команѣ для поставленія епископа, и вотъ, когда онъ возвращался оттуда въ Неокесарію, нѣкоторые люди изъ невѣрныхъ евреевъ захотѣли посмѣяться надъ святымъ и показать, что онъ не имѣетъ въ себѣ Духа Божія. Они устроили слѣдующее: на пути, по которому долженъ былъ проходить святой, положили одного изъ своихъ единовѣрцевъ нагаго, а сами, дѣлая видъ, что онъ померъ, плакали надъ нимъ. И вотъ, когда проходилъ мимо чудотворецъ Григорій, они стали просить его, дабы онъ оказалъ милость умершему и покрылъ обнаженное тѣло его. Григорій снялъ съ себя свою верхнюю одежду и, отдавъ имъ, ушелъ. Послѣ сего, они, радуясь, стали смѣяться надъ святымъ, говоря: „еслибы онъ имѣлъ въ себѣ Духа Божія, то узналъ-бы, что лежитъ человѣкъ не мертвый, а живой“, и стали звать друга своего, чтобы всталъ. Но Богъ отмстилъ имъ за сіе поруганіе, ибо на самомъ дѣлѣ сдѣлалъ мертвымъ друга ихъ. А они, думая, что онъ уснулъ, толкали его въ бокъ, чтобы разбудить, и громко звали его, но не было отвѣта, ибо онъ уснулъ сномъ вѣчнымъ. Когда-же увидѣли, что онъ умеръ на самомъ дѣлѣ, то притворный плачъ свой перемѣнили на истинный,—такъ смѣхъ ихъ обратился имъ въ плачъ, и похоронили мертвые мертвеца своего.— Ноября 17.

([1]) Ум. между 266 и 270 г.г.

Такое-же посмѣяніе надъ св. Епифаніемъ Кипрскимъ.

Однажды св. Епифаній, архіепископъ кипрскій, возвращался изъ Іерусалима въ свой городъ на островѣ Кипрѣ. На пути встрѣтились ему два скомороха и захотѣли посмѣяться надъ нимъ. Увидѣвъ издали святаго, одинъ изъ нихъ притворился мертвымъ, а другой сказалъ святому, когда тотъ подошелъ: „отче, посѣти мертваго и покрой какой-нибудь одеждой его нагое тѣло". Святой, увидѣвъ лежащаго мертвеца, сталъ лицемъ къ востоку и, сотворивъ молитву объ усопшемъ, снялъ съ себя одну одежду, покрылъ ею мертваго и пошелъ своимъ путемъ далѣе. Когда святой отошелъ, живой сказалъ мнимому мертвецу: „встань, братъ, ибо тотъ простецъ уже прошелъ", но мертвый не отвѣчалъ. Тогда онъ въ другой разъ позвалъ мертвеца, толкнулъ его и нашелъ истинно умершимъ. Исполнившись ужаса, онъ побѣжалъ и догналъ Епифанія. Упалъ къ ногамъ его, исповѣдалъ грѣхъ свой, просилъ прощенія и умолялъ святаго, дабы, воротившись, онъ взялъ одежду свою и оживилъ умершаго. Но святой отвѣчалъ: „иди, чадо, и похорони мертвеца своего, ибо онъ умеръ прежде, чѣмъ ты сталъ просить меня, чтобы я покрылъ его своею одеждою".—Мая 12.

Чудесное вразумленіе обманщиковъ.

Однажды св. Іаковъ, епископъ нисивійскій, или низибійскій (¹), шелъ въ нѣкоторое селеніе. На пути приступили къ нему нищіе и просили милостыни,—чтобы онъ подалъ что-либо на погребеніе умершаго. При этомъ они показывали и мертвеца, лежащаго на дорогѣ, мертвецъ-же тотъ не умеръ на самомъ дѣлѣ, а

(¹) Ум. ок. 350 года.

только притворился мертвымъ. Ибо нищіе тѣ, издалека увидѣвъ идущаго епископа, одному изъ своихъ велѣли притвориться мертвымъ, дабы чрезъ то выпросить большее подаяніе у епископа. Святитель, подавъ милостыню, помолился объ умершемъ, дабы оставились ему грѣхи его и душа его была учинена съ праведными, и пошелъ своимъ путемъ далѣе. Когда святой отошелъ, нищіе сказали тому притворному мертвецу, чтобы онъ всталъ, но онъ не вставалъ, ибо умеръ на самомъ дѣлѣ и лежалъ бездыханенъ. Нищіе, видя сіе,—что ложь ихъ стала истиной, поспѣшили вслѣдъ святаго и, падши къ ногамъ его, исповѣдали грѣхъ свой. Вину лжи своей возлагая на нищету, умоляли его, дабы онъ простилъ имъ и возвратилъ въ тѣло душу умершаго. Чудотворецъ, уподобляясь благоутробному Господу, послушалъ ихъ и сотворилъ другое чудо, молитвою своею возвративъ душу и ожививъ мертваго. Января 13.

Наказанное злословіе на преподобнаго.

Однажды къ преподобному Авксентію [1] пришли два человѣка, одинъ правовѣрный, а другой зараженный ересью. Правовѣрнаго святой принялъ любезно и бесѣдовалъ съ нимъ о пользѣ душевной, а съ зловѣрнымъ не сказалъ ни одного слова, провидя въ немъ невѣріе. Когда они оба вышли, потомъ, отъ святаго, то зловѣрный началъ хулить и злословить преподобнаго, называя его лицемѣромъ; но не успѣлъ онъ дойти до своего дома, какъ его встрѣтилъ посланный къ нему съ извѣстіемъ, что дочь его мучитъ бѣсъ, и—былъ онъ въ большой печали. Затѣмъ, познавъ грѣхъ свой,

(1) Подвизался на горѣ Оксіи близъ Халкидона, ум. ок. 470 года.

онъ привелъ дочь свою къ преподобному и со смиреніемъ просилъ его исцѣлить ее. И исцѣлена была дѣвица отъ мучительства бѣсовскаго, а отецъ ея отъ зловѣрія.—Февраля 14.

Истинное покаяніе мгновенно содѣлываетъ грѣшника праведнымъ.

Прозорливость преп. Павла Препростаго.

Преподобный Павелъ Препростый (1) имѣлъ даръ прозрѣнія.—Пришедши однажды въ нѣкоторый монастырь, онъ остановился у дверей церковныхъ и сталъ смотрѣть, кто въ какомъ состояніи входитъ въ церковь. Была вечерня, и всѣ входили съ лицемъ свѣтлымъ и душею просвѣщенною, вмѣстѣ съ каждымъ изъ братій входилъ радуясь и его Ангелъ; одного-же брата видѣлъ входящаго съ лицемъ темнымъ и душею помраченною,—окруженнаго бѣсами, изъ которыхъ каждый влекъ его къ себѣ, а св. Ангелъ хранитель его шелъ за нимъ издали—унылый и плачущій. Увидѣвъ сіе, святой опечалился и горько заплакалъ о погибшемъ братѣ; отъ огорченія не вошелъ онъ и въ церковь, но сидѣлъ у церкви и плакалъ. Когда вечерня окончилась, братія выходили такими-же, какими и входили,—осіяваемые божественнымъ свѣтомъ. Увидѣлъ и того, который былъ прежде теменъ, но вотъ—лице его какъ-бы лице Ангела, и благодать Св. Духа кругомъ осѣняла его. Ангелъ хранитель, радуясь, поддерживалъ его подъ руку, а бѣсъ издали рыдалъ и не могъ приблизиться. Увидѣвъ столь быструю перемѣну сего инока, блаженный возрадовался, остановилъ его и, разсказавъ предъ всѣми видѣнное о немъ, спрашивалъ

(1) Подвизался въ IV в. въ Египтѣ.

его о причинѣ его внезапной перемѣны. Тогда инокъ, видя, что онъ обличенъ откровеніемъ Божіимъ, разсказалъ о себѣ слѣдующее.— „Я, сказалъ онъ, весьма грѣшенъ; много лѣтъ проживъ въ нечистотѣ, пришедши сегодня въ церковь, услышалъ чтеннаго св. прор. Исаію, лучше-же сказать—Самого Бога, говорящаго чрезъ него: *измыйтеся, и чисти будите, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима, научитеся добро творити, и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (ихъ. Ис. 1, 16. 17. 18). Услышавъ сіе, я умилился душею, отверзлись во мнѣ душевныя очи, познаъ я свое окаянство и погибель и, воздохнувъ, сказалъ Богу въ умѣ своемъ: Ты—Богъ, пришедшій въ міръ спасти грѣшныхъ, что нынѣ сказалъ Ты чрезъ пророка Своего, то исполни на мнѣ самымъ дѣломъ; вотъ я обѣщаю не дѣлать съ сего времени, при помощи Твоей, ничего злаго, но отвергнусь всякаго беззаконія и отнынѣ поработаю Тебѣ, Владыко, чистою совѣстію, только Ты Самъ прими меня кающагося и не отринь припадающаго. Съ сими обѣщаніями, сказалъ инокъ, вышелъ я изъ церкви и положилъ въ своемъ сердцѣ больше не грѣшить предъ Богомъ". Тогда всѣ, слышавшіе сіе, громкимъ голосомъ прославили Бога, пріемлющаго всякаго человѣка, приходящаго къ Нему съ покаяніемъ. Октября 4.

Грѣшники, умершіе съ покаяніемъ, получаютъ прощеніе отъ Бога.

Ангелы, идущіе на небо съ душею человѣка.

Преподобный Нифонтъ, впослѣдствіи епископъ кипрскаго города Констанціи ([1]), прозорливыми очами

([1]) Жилъ въ IV вѣкѣ.

своими видѣлъ души человѣческія, выходящія изъ тѣлъ. Такъ, стоя однажды въ церкви святой Анастасіи (въ Царьградѣ) и въ молитвѣ поднявши кверху очи свои, онъ увидѣлъ отверстое небо и множество Ангеловъ, изъ которыхъ одни сходили на землю, а другіе восходили кверху, вознося на небо человѣческія души. Видѣлъ, вотъ идутъ въ высоту два Ангела и несутъ нѣкую душу. Когда они подошли къ блудному мытарству, вышли съ гнѣвомъ бѣсы-истязатели, говоря: „наша душа эта, какъ-же вы смѣете нести ее мимо,— чужую?“ Ангелы сказали: „какое право вы имѣете на нее, называя ее своей?“ Бѣсы отвѣчали: „она грѣшила до смерти, оскверняя себя не только естественно, но и неестественно, при этомъ осуждала ближняго, а что всего хуже—умерла безъ покаянія; что вы скажете на это?“ Ангелы сказали: „но мы не повѣримъ ни вамъ, ни отцу вашему діаволу, пока не спросимъ Ангела хранителя сей души“. Когда спросили его, онъ сказалъ: „правда, много согрѣшила сія душа, но въ тотъ часъ, когда постигла ее болѣзнь, она начала плакать и исповѣдывать предъ Богомъ грѣхи свои...., если-же простилъ ее Богъ, то Онъ знаетъ (почему), Онъ власть имѣетъ, и Его праведному суду слава“. Тогда Ангелы, посмѣявшись бѣсамъ, вошли съ душею во врата небесныя. Декабря 23.

„Богъ не хочетъ смерти грѣшника, но чтобы онъ обратился и живъ былъ“. (Іез. 33, 11).

Грѣшный инокъ.

Одинъ молодой монахъ, посылаемый изъ монастыря по разнымъ нуждамъ братіи, входилъ въ корчемницу, упивался виномъ и впадалъ въ скверный плотской

грѣхъ. Въ одну изъ такихъ отлучекъ, совершивши обычный грѣхъ и возвращаясь въ монастырь, попалъ онъ въ густой лѣсъ, и вотъ бросился на него большой змѣй, намѣреваясь его умертвить. Инокъ хотѣлъ убѣжать отъ него, бросался во всѣ стороны, чтобы избавиться отъ змѣя, но онъ скоро догонялъ монаха, наконецъ монаху уже некуда было бѣжать, змѣй догналъ его и готовъ былъ съѣсть. Тогда монахъ, вспомянувъ блаженнаго царя Елезвоя, обратился къ змѣю и сказалъ: „по молитвамъ святаго и праведнаго Елезвоя, отступи отъ меня". Змѣй, какъ-бы устыдясь вспомянутаго имени святаго Елезвоя (¹), остановился и, по повелѣнію Божію принявъ голосъ человѣческій, сказалъ монаху: „какъ я пощажу тебя, когда Ангелъ Божій, пришедши, повелѣлъ мнѣ съѣсть тебя за твою нечистоту и скверну, потому что ты далъ обѣтъ работать Господу въ чистотѣ, а нынѣ пребываешь скверня твое тѣло, и прогнѣвляешь св. Духа". Инокъ, слушая змѣя, говорящаго по человѣчески и обличающаго его дѣла, оставался безотвѣтенъ, потомъ съ клятвою просилъ змѣя, дабы пощадилъ его. Змѣй-же сказалъ ему: „что ты такъ заклинаешь меня?—Ты самъ прежде клянись мнѣ, что отселѣ не будешь больше удовлетворять своему скверному плотскому вожделѣнію, и я оставлю тебя". Монахъ поклялся, говоря: „клянусь живущимъ на небѣ Богомъ и молитвами честнаго царя Елезвоя, что я больше не прогнѣваю Господа моего, Котораго нынѣ тяжко прогнѣвалъ своею тѣлесною нечистотою". Когда инокъ произнесъ сіе, упалъ съ неба огонь и умертвилъ предъ инокомъ змѣя. Послѣ того, объятый

(¹) Разсказъ сей помѣщенъ въ житіи св. Григорія, архіеп. омиритскаго, гдѣ, между прочимъ, упоминается о жизни и подвигахъ сего святаго царя еѳіопскаго.

страхомъ и трепетомъ, инокъ отправился въ свой монастырь, не сталъ болѣе грѣшить предъ Богомъ грѣхомъ блуднымъ и умеръ въ добромъ покаяніи.—Декабря 19.

Смиреніе и гордость.

Сколько пріятно Богу смиреніе.

Преподобная Аѳанасія ([1]), имѣвшая великое смиреніе и кротость, молясь всегда Богу, часто взирала къ небу и исполнялась ужаса и удивленія: ибо видѣла свѣтлое облако, испускавшее изъ себя лучи солнечные, а среди облака видѣла нѣкоего благолѣпнаго мужа, свѣтящагося великою красотою. Часто видя сіе и удивляясь сему мужу, говорила въ себѣ: „и кто украсилъ такъ мужа того? Какая добродѣтель сдѣлала его столь свѣтлымъ и благолѣпнымъ?“ Размышляя такимъ образомъ въ себѣ, она услышала голосъ, говорившій къ ней: „сего мужа, которому удивляешься, такъ украсило смиреніе съ кротостію; да будетъ тебѣ извѣстно, что за смиреніе и кротость и ты просвѣтишься такъ-же“.—Апрѣля 12.

Смиреніе побѣждаетъ діавола.

Однажды преподобный Макарій Египетскій ([2]), набравъ финиковыхъ вѣтвей для плетенія корзинъ, возвращался въ свою келлію. На дорогѣ встрѣтилъ его діаволъ съ серпомъ въ рукахъ и хотѣлъ имъ ударить преподобнаго, но не могъ. И сказалъ ему: „великую досаду я имѣю на тебя, Макарій, что не могу одолѣть тебя; ибо все то, что дѣлаешь ты, дѣлаю и я: постишь-

([1]) Игуменія Эгинская, ум. въ 860 году.
([2]) Ум. въ 390 или въ 391 году.

ся ты, и я никогда не ѣмъ, бодрствуешь ты, и я никогда не сплю, остается одно только, чѣмъ ты одолѣваешь меня“. Преподобный спросилъ: „что это такое?“ Діаволъ отвѣчалъ: „смиреніе твое,—его-то ради я и не могу одолѣть тебя“.—Января 19.

Гордость погубляетъ добродѣтели.

Однажды, когда преподобный Арсеній Великій [1] сидѣлъ въ келліи своей, былъ къ нему голосъ: „выйди изъ келліи, и я покажу тебѣ дѣла человѣческія“. Вышедши, старецъ былъ какъ-бы въ восхищеніи и видѣлъ Ангела Божія, взявшаго его за руку и приведшаго на нѣкоторое мѣсто. Здѣсь Ангелъ показалъ ему человѣка, который, нарубивъ дровъ и сдѣлавъ большое бремя, хотѣлъ поднять то бремя на плечи и нести, но не могъ, ибо оно было тяжело. А онъ, вмѣсто того, чтобы убавить дровъ и чрезъ то сдѣлать бремя полегче, снова сталъ рубить дрова и прибавлять къ бремени, и сдѣлалъ тяжелѣе прежняго. Затѣмъ, снова хотѣлъ поднять бремя и не могъ, и снова прибавлялъ дровъ къ бремени и дѣлалъ его еще тяжелѣе. Послѣ сего, Ангелъ Господень привелъ блаженнаго Арсенія на другое мѣсто и показалъ ему другаго человѣка, который черпалъ воду изъ колодезя и надъ колодеземъже выливалъ ее въ сосудъ плоскій и худой; вода текла вонъ изъ сосуда и возвращалась назадъ въ колодезь. Потомъ Ангелъ показалъ старцу еще иное видѣніе: стояла отворенная церковь, и вотъ два мужа несли къ той церкви бревно и хотѣли пройти въ двери церковныя, но не могли, такъ какъ несли дерево не въ длину его, какъ-бы слѣдовало, а шли оба рядомъ и, не

---

(1) Ум. въ 449 или въ 450 году.

желая уступить одинъ другому, хотѣли войти въ церковь оба въ одно время, а потому и остались за дверями, не будучи въ состояніи войти въ отворенную церковь. Старецъ спросилъ водившаго его Ангела: „что значитъ видѣнное?“ И Ангелъ объяснилъ ему такимъ образомъ: „сіи люди, несшіе бревно, изображаютъ собою мужей добродѣтельныхъ, но гордыхъ, которые не хотятъ смириться другъ предъ другомъ, посему и не входятъ въ царство небесное, но остаются внѣ по гордости своей, которою погубляютъ всю добродѣтель свою. Черпавшій воду и выливавшій ее въ худой сосудъ, означаетъ человѣка, имѣющаго нѣкоторыя добрыя дѣла, но не оставляющаго и грѣховъ, который такимъ образомъ трудится напрасно, поелику грѣхами своими губитъ ту награду, которую могъ-бы получить отъ Бога. Человѣкъ-же, рубившій дрова и прилагавшій къ бремени бремя, есть образъ человѣка, живущаго во многихъ грѣхахъ и, вмѣсто покаянія, прилагающаго къ прежнимъ своимъ беззаконіямъ все большія и большія беззаконія“. Сіе видѣніе преп. Арсеній, ради душевной пользы, разсказывалъ ученикамъ своимъ, но какъ-бы видѣнное не отъ него, а отъ нѣкоего другаго старца.—Мая 8.

Цѣломудріе и любодѣяніе.

Цѣломудріе и воздержаніе—въ образѣ прекрасныхъ дѣвицъ.

Святой Григорій Богословъ [1] разсказывалъ о видѣніи, бывшемъ ему въ юношескихъ лѣтахъ, слѣдующее.—Однажды видѣлъ я въ сонномъ видѣніи стоявшихъ близъ меня двухъ дѣвицъ, облеченныхъ въ бѣлыя одежды; обѣ онѣ были красивы, ростомъ и лѣтами

(¹) Ум. въ 389 году.

равны, внѣшними украшеніями не украшены,—ни золотомъ, ни серебромъ, ни жемчугами, ни дорогими камнями и привѣсками, ни мягкими шелковыми одеждами, ни поясами золотыми,—не гордились онѣ ни красотою лица, ни прелестью бровей, ни роскошью волосъ и ничѣмъ такимъ, чѣмъ мірскія дѣвицы стараются уловлять взоры юныхъ и нравиться; но одѣты были просто въ чистыя бѣлыя одежды и скромно опоясаны, головы и лица ихъ покрыты были тонкими покрывалами, глаза опущены долу, ланиты краснѣлись отъ цѣломудрія и стыдливости дѣвической, уста—какъ бы цвѣтъ алой розы, молчаніемъ своимъ обнаруживающія скромность. Смотря на нихъ, Григорій великую радость ощущалъ въ сердцѣ своемъ и никакъ не представлялъ ихъ земнородными, но превосходящими человѣческую природу. А онѣ, видя его радующимся явленію ихъ, возлюбили его и ласково обнимали, какъ-бы чадо свое. Когда-же онъ спросилъ ихъ, кто вы и откуда пришли?—первая сказала, что она чистота (цѣломудріе), а другая назвала себя воздержаніемъ,—говорили, что онѣ предстоятъ престолу Царя славы Христа и услаждаются красотою дѣвицъ небесныхъ, а потомъ сказали: „будь, чадо, однѣхъ мыслей съ нами, умъ твой соедини съ нашими, а лице твое сдѣлай какъ лица наши, чтобы тебя, просвѣщеннаго высшею свѣтлостію, вознести намъ на небеса и поставить близъ безсмертнаго Троичнаго Свѣта.“ Сказавши это, онѣ поднялись къ небу, какъ-бы имѣющія крылья и летающія! А отрокъ Григорій въ умиленіи провожалъ ихъ своимъ взоромъ, пока онѣ не вошли въ небеса, и, пробудившись, ощутилъ сердце свое исполненнымъ неизреченной сладости и веселія. Съ сего времени возгорѣлъ онъ духомъ къ усердному храненію своего дѣвства, которое старался соблюдать ве-

ликимъ воздержаніемъ, избѣгая всякаго сладкопитанія, пьянства и пресыщенія. Января 25.

Награда за цѣломудріе.

Преподобный отецъ Николай, память коего празднуется 24 Декабря (¹), былъ воеводою при греческомъ царѣ Никифорѣ и имѣлъ въ управленіи своемъ многіе воинскіе полки. Однажды, когда сей царь воевалъ съ болгарами, пошелъ на войну и Николай съ своими войсками. Когда наступилъ вечеръ, онъ вошелъ въ гостинницу и послѣ трапезы, помолившись, легъ спать. Ночью, во вторую и въ третью стражи дочь содержателя гостинницы, уязвившись грѣховнымъ вожделѣніемъ, тихо подошла къ постели воеводы и, разбудивши, любодѣйными словами склоняла его къ скверному грѣху. Но воевода сказалъ ей: „успокойся, дѣвица, отъ сатанинскаго неистоваго вожделѣнія и не желай осквернить своего дѣвства, а меня окаяннаго низвести во глубину ада“. Устыдившись, дѣвица отошла, но потомъ опять подошла и снова принуждала ко грѣху цѣломудреннаго мужа. Воевода во второй разъ отослалъ ее отъ себя, но она и въ третій разъ пришла къ нему, распаляемая нечистою похотью. Тогда блаженный воевода сказалъ ей: „о, окаянная и всякаго безстыдства и неистовства исполненная! развѣ не видишь, что тебя возмущаютъ бѣсы, дабы лишить тебя дѣвства и сдѣлать смѣхомъ и поношеніемъ для рода твоего и для всѣхъ, а душу твою ввергнуть въ муку вѣчную? Не видишь, что я иду на брань и кровопролитіе съ народами варварскими, —какъ-же я оскверню тѣло мое, идя на войну? Нѣтъ, не осквернюсь, при помощи Божіей“. ..

(¹) Жилъ въ IX вѣкѣ.

Сіе и многое другое сказавши безстыдной, съ безчестіемъ прогналъ ее. Когда, потомъ, наступилъ день, воевода всталъ и, помолившись, отправился въ путь. Въ слѣдующую ночь онъ видѣлъ во снѣ, будто стоитъ на какомъ-то свѣтломъ мѣстѣ, а подлѣ него сидитъ нѣкто сильный, положивъ правую свою ногу на лѣвую, который и сказалъ воеводѣ: „видишь-ли войска съ обѣихъ сторонъ?“ Воевода отвѣчалъ: „вижу, господинъ, что греки бьютъ болгаръ.“ Явившійся сказалъ воеводѣ: „посмотри на меня“. И посмотрѣвъ на сильнаго, онъ увидѣлъ, что тотъ положилъ теперь лѣвую ногу на правую. Когда онъ сдѣлалъ это, воевода увидѣлъ болгаръ ободрившихся и безъ пощады истреблявшихъ полки греческіе. Когда сраженіе кончилось, сильный тотъ сказалъ воеводѣ: „посмотри со вниманіемъ на тѣла убитыхъ и скажи, что видѣлъ“. Осмотрѣвшись, воевода увидѣлъ, что все поле полно было мертвыхъ тѣлъ, среди-же всѣхъ одно мѣсто свободно—какъ только лечь одному. И сказалъ: „господинъ, все поле полно греческихъ труповъ, остается только еще лечь одному.“ Тогда сильный сказалъ воеводѣ: „ты-же какъ думаешь о семъ?“ Онъ отвѣчалъ: „невѣжа и простъ я, господинъ, а потому ничего не понимаю“. Страшный тотъ снова сказалъ ему: „Это мѣсто, которое видишь между тѣлами, было приготовлено для тебя,—на немъ ты убитый долженъ былъ-бы лечь съ прочими и восполнить сей недостатокъ, но послику въ прошедшую ночь того треплетеннаго змѣя, на скверное смѣшеніе трижды побораншаго тебя и хотѣвшаго убить, ты мужественно отринулъ, чрезъ сіе самъ себя избавилъ ты отъ смерти, сіе мѣсто сдѣлалъ свободнымъ и душу твою спасъ вмѣстѣ съ тѣломъ, а теперь, освободившись отъ смерти, довольно поработаешь и мнѣ“. Увидѣвъ и услышавъ

сіе, праведный Николай въ страхѣ и ужасѣ пробудился и, вставъ, молился Богу о своихъ воинахъ. Когда наступило сраженіе, то сначала греки брали верхъ и одолѣвали болгаръ, потомъ болгары, ободрившись, начали одолѣвать грековъ и какъ разъяренные звѣри храбро напали на полки греческіе, безъ пощады гоня ихъ и побивая. И скоро вся сила греческая пала отъ меча болгаръ, едва только успѣлъ убѣжать царь Никифоръ съ малою дружиною. Тогда блаженный воевода Николай, увидѣвъ исполненіе сна и возблагодаривъ Бога за свое спасеніе отъ смерти, оставилъ воинскій санъ свой и ушелъ въ монастырь, неутѣшно плача и рыдая о погибшихъ воинахъ. Принявъ, затѣмъ, схиму и нѣсколько лѣтъ усердно поработавъ Богу, сдѣлался однимъ изъ прозорливыхъ и великихъ отцевъ, съ которыми сподобился и части на небѣ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки, аминь.

Любодѣяніе мысленное такъ-же, какъ и плотское, противно Богу.

Братъ нѣкій въ лаврѣ преп. Евфимія Великаго ([1]), по имени Емиліанъ, въ одну ночь, на разсвѣтѣ воскреснаго дня, по дѣйствію бѣсовскому, возгорѣлся плотскою похотію и, смущаемый скверными мыслями, услаждался въ сердцѣ своемъ грѣховнымъ вожделѣніемъ. Въ это время случилось преподобному Евѳимію идти мимо того мѣста, гдѣ стоялъ братъ, смущенный похотью. Обонявъ смрадъ блуднаго бѣса и уразумѣвъ случившееся, преподобный сказалъ: „да запретитъ тебѣ Богъ, проклятый нечистый духъ“, и тотчасъ братъ тотъ упалъ на землю, испуская пѣну и бѣснуясь. Ког-

([1]) Близъ Іерусалима. Евфимій ум. въ 473 году

да собрались къ сему мѣсту братія и принесена была свѣча, преподобный сказалъ братіямъ: „видите-ли брата сего, свято жившаго отъ юности и доселѣ въ чистотѣ тѣла своего? Нынѣ-же, ослабѣвъ немного, съ вожделѣніемъ помышлялъ о плотской сладости, услаждался тѣми скверными мыслями, и вотъ отданъ бѣсу... Вразумимся-же мы симъ несчастіемъ его, и да знаетъ каждый, что если кто и не прикасается къ чужому тѣлу, не совершаетъ сквернаго грѣха тѣломъ, а любодѣйствуетъ умомъ, принимая скверныя мысли, удерживая ихъ, соизволяя имъ и услаждаясь ими,—тотъ есть блудникъ и бѣсъ обладаетъ имъ. А теперь помолимся о братѣ семъ Емиліанѣ Богу наказующему, да освободитъ его отъ бѣса и плотскихъ страстей". И когда святой помолился, бѣсъ вышелъ, взывая и говоря: „я духъ любодѣянія", и наполнилъ все то мѣсто смрадомъ какъ-бы отъ сѣры горящей. Съ сего времени Емиліанъ освободился отъ скверныхъ вожделѣній и былъ избраннымъ сосудомъ Божіимъ. Января 20.

Сребролюбіе погубляетъ христіанскіе подвиги.

Добродѣтельный, но сребролюбивый инокъ.

Однажды святой Андрей, Христа ради юродивый, пришелъ на торгъ (въ Царьградѣ) и нашелъ тамъ нѣкоего инока, жизнь котораго всѣ одобряли какъ добродѣтельную; онъ и на самомъ дѣлѣ подвизался, какъ подобаетъ инокамъ, но въ то-же время побѣжденъ былъ безъ мѣры сребролюбіемъ. Многіе изъ гражданъ, исповѣдуя предъ нимъ грѣхи свои, давали ему множество золота, дабы онъ, ради спасенія душъ ихъ, раздавалъ то золото нищимъ, но онъ, будучи одержимъ ненасытною страстію сребролюбія, не раздавалъ, а все

оставлялъ себѣ и, видя умножающіяся богатства, радовался. Блаженный Андрей, идя тѣмъ путемъ, гдѣ имѣлъ свое пребываніе несчастный чернецъ тотъ, прозорливыми очами своими увидѣлъ страшнаго змѣя, обвившагося около шеи его и, подошедши къ чернецу, смотрѣлъ на змѣя того. Чернецъ-же, думая, что онъ одинъ изъ нищихъ и подошелъ для того, чтобы получить милостыню, сказалъ ему: „Богъ помилуетъ тебя, братъ, ибо я ничего не имѣю дать тебѣ“. А блаженный, немного отошедши отъ него, увидѣлъ на воздухѣ надпись надъ змѣемъ, написанную темными буквами: „змій сребролюбивый—корень всякому беззаконію“. Потомъ, оглянувшись назадъ, увидѣлъ двухъ юношей, споривших между собою,—одинъ былъ черный, имѣвшій темные глаза, ибо то былъ бѣсъ, а другой былъ бѣлъ, какъ свѣтъ небесный, ибо то былъ Ангелъ Божій. И черный сказалъ: „мой чернецъ тотъ, поелику исполняетъ волю мою, ибо немилостивъ и сребролюбивъ и съ Богомъ части не имѣетъ, но какъ второй идолослужитель работаетъ мнѣ“. А свѣтлый Ангелъ сказалъ: „нѣтъ, онъ мой, поелику постится и молится, смиренъ и кротокъ“. Такъ спорили они оба и не могли помириться. Тогда съ неба былъ голосъ Ангелу свѣтоносному: „нѣтъ тебѣ части въ томъ чернецѣ, оставь его, ибо онъ работаетъ мамонѣ, а не Богу“. И тотчасъ Ангелъ Господень отошелъ отъ него, а темный духъ получилъ власть надъ нимъ. Видя сіе, блаженный Андрей удивлялся, что демонъ непріязненный переспорилъ свѣтлаго Ангела. Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего, св. Андрей, встрѣтивъ на одной улицѣ чернеца того, взялъ его за руку и сказалъ ему: „рабъ Божій, послушай безъ гнѣва меня—раба твоего и милостиво прими убогія слова мои, потому что о тебѣ

великая печаль у меня, и я не могу терпѣть болѣе, что прежде ты былъ другъ Божій, а теперь сталъ другомъ и слугою діавола. Имѣлъ крылья, какъ Серафимъ, зачѣмъ-же отдался сатанѣ, чтобы онъ съ корнемъ вырвалъ ихъ у тебя? Видъ твой былъ—какъ бы видъ молніи, зачѣмъ же сдѣлался темнообразнымъ? Горе мнѣ, ибо ты имѣлъ зрѣніе какъ-бы многоочитое, а теперь ослѣпилъ тебя змѣй. Ты былъ солнцемъ, но превратился въ злую и темную ночь. Зачѣмъ, брате, погубилъ ты свою душу? Зачѣмъ подружился съ среброљюбивымъ бѣсомъ? Зачѣмъ дозволилъ ему почивать на тебѣ? Зачѣмъ собираешь золото? Развѣ погребенъ будешь съ нимъ? Нѣтъ, по смерти твоей достанется другимъ. Зачѣмъ держишь чужіе грѣхи и хочешь удавить себя скупостію? Другіе въ голодѣ и жаждѣ умираютъ отъ холода, а ты веселишься, смотря на множество золота. Это-ли путь покаянія? Таковъ-ли чинъ иноческій и пренебреженіе къ жизни суетной? Такъ-ли ты отрекся отъ міра и всего, что въ мірѣ? Такъ ли ты распялся міру и всему суетному? Развѣ не слышалъ Господа, говорящаго: *не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди, ни двою ризу* (Мѳ. 10, 9)? Зачѣмъ забылъ сіи заповѣди? Вотъ сегодня или завтра кончится жизнь твоя, а *я же уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 20)? Развѣ не знаешь, что Ангелъ Господень, хранящій тебя, далеко отошелъ отъ тебя съ плачемъ, а діаволъ стоитъ близъ тебя, и змѣй сребролюбія обвился около шеи твоей, а ты не чувствуешь сего; истинно говорю тебѣ, что, идя мимо, я слышалъ Господа Бога, отрицающагося тебя. Молю-же тебя, послушай меня и раздай имѣніе нищимъ, вдовамъ, сиротамъ, убогимъ и страннымъ, неимѣющимъ гдѣ-бы приклонить голову, и будешь снова другъ Божій. Если-же не послушаешь ме-

ня, то несчастно погибнешь. Клянусь тебѣ Іисусомъ Христомъ—Царемъ, ты сейчасъ увидишь діавола". И сказалъ ему: „видишь-ли его"? Тогда у чернеца открылись внутренніе очи, и онъ увидѣлъ діавола чернаго, какъ еѳіопъ, звѣровиднаго, съ страшной пастью, стоящаго вдали и ради Андрея несмѣющаго подойти близко. И сказалъ чернецъ святому: „вижу его, рабъ Божій, и ужасъ великій объялъ меня, говори-же, что нужно для спасенія души моей?" Андрей продолжалъ: „повѣрь мнѣ, что если не послушаешь меня, то я пошлю его на тебя, чтобы онъ мучилъ тебя, пусть срамъ твой слышатъ всѣ,—не одни только сіи граждане, но всѣ четыре конца вселенной. Смотри же исполни то, что я говорю". Выслушавъ сіе, чернецъ испугался и обѣщалъ исполнить все, что ему велѣно было. И тотчасъ видѣлъ святой, что пришелъ съ востока духъ сильный, какъ молнія огненная, и коснулся змѣя, поядая силу его. Змѣй, не терпя сего, превратился въ ворона и исчезъ. Подобнымъ образомъ погибъ и еѳіопъ черный, и снова Ангелъ Божій получилъ власть сохранять чернеца того, отъ котораго отходя, блаженный заповѣдалъ ему, сказавъ: „смотри, не говори обо мнѣ никому, а я стану поминать тебя день и ночь въ своихъ молитвахъ, дабы Господь Іисусъ Христосъ направилъ путь твой къ добру". Послѣ сего, чернецъ роздалъ все золото свое нищимъ, и съ того времени еще болѣе прославился отъ Бога и отъ людей. Многіе приносили къ нему свое золото, чтобы онъ раздавалъ убогимъ, но онъ предлагалъ имъ самимъ раздавать его, говоря: „какая польза для меня быть печальникомъ чужаго тернія?" Когда онъ сталъ жить такъ, какъ подобаетъ иноку, явился ему рабъ Божій Андрей въ видѣніи съ лицемъ веселымъ, показалъ ему свѣтлое

дерево въ полѣ, имѣющее цвѣтъ сладкаго плода, и сказалъ: „благодари Бога, господинъ мой, что Онъ вырвалъ тебя изъ зубовъ змѣя и сотворилъ душу твою, какъ дерево, имѣющее цвѣтъ: постарайся-же, чтобы тотъ цвѣтъ былъ сладкимъ плодомъ. Ибо это красивое дерево, которое видишь, есть изображеніе твоей души“. Чернецъ, пробудившись, еще болѣе сталъ утверждаться въ добродѣтели и всегда приносилъ благодареніе Богу и угоднику Его Андрею, которымъ былъ наставленъ на путь спасенія. Октября 2.

Милосердіе, благотворительность и противоположные имъ грѣхи: воровство и грабительство.

О томъ, сколько пріятно Богу подаяніе милостыни.

Святой Григорій Двоесловъ былъ столько милостивъ, что ничего не щадилъ и послѣдняго, но тотчасъ отдавалъ просящему. Однажды, когда онъ сидѣлъ въ келліи своей ([1]) и по обычаю писалъ книги, пришелъ къ нему нищій и сказалъ: „помилуй меня, рабъ Бога Вышняго, я былъ корабельникомъ и вотъ, потерпѣвъ кораблекрушеніе, потерялъ не только все свое, что имѣлъ, но и чужое“. Нищелюбецъ-же и истинный рабъ Христовъ св. Григорій, поболѣвъ о немъ сердцемъ, призвалъ къ себѣ служившаго ему брата и велѣлъ дать тому человѣку шесть золотыхъ монетъ. Нищій, получивъ данное, ушелъ. Спустя немного, въ тотъ-же день нищій тотъ опять пришелъ къ блаженному, говоря: „помилуй меня, рабъ Божій, я потерялъ много, а ты далъ мнѣ мало“. Тогда блаженный, опять призвавъ служившаго ему, сказалъ: „иди, братъ, и дай

([1]) Въ это время онъ былъ игуменомъ монастыря, созданнаго имъ самимъ въ Римѣ въ честь св. ап. Андрея.

ему еще шесть златницъ“. Братъ сдѣлалъ сіе, и получилъ тотъ нищій въ одинъ день отъ святаго двѣнадцать золотыхъ монетъ и ушелъ. Спустя немного, въ третій разъ приходитъ нищій, взывая къ святому: „сжалься надо мною, отче, и дай мнѣ еще отъ богатствъ твоихъ, ибо я очень много чужаго потерялъ въ морѣ“. Блаженный Григорій сказалъ служившему: „иди, братъ, дай просящему еще шесть златницъ“. Братъ-же отвѣчалъ: „повѣрь мнѣ, честный отче, что не осталось уже ни одной монеты“. Блаженный сказалъ ему: „не можешь-ли дать чего другаго,—одежды или какого-либо сосуда?“ Братъ отвѣчалъ: „другаго сосуда не имѣю, кромѣ того серебрянаго блюда, на которомъ великая госпожа, матерь твоя, по обычаю прислала тебѣ квашеное сочиво“. Угодникъ Божій Григорій сказалъ ему: „иди, братъ, отдай нищему то блюдо, чтобы онъ не ушелъ отъ насъ печальный, ибо ищетъ утѣшенія въ бѣдѣ своей“. Получивъ блюдо, нищій съ радостью удалился и болѣе не приходилъ. Послѣ того, св. Григорій, бывши уже папой, повелѣлъ однажды казначею своему пригласить къ нему на обѣдъ двѣнадцать странниковъ, и вотъ когда сѣли, святой посмотрѣлъ на сидящихъ и увидѣлъ, что сидятъ тринадцать. Подозвавъ казначея, онъ скалъ ему тихо: „я велѣлъ тебѣ пригласить двѣнадцать, зачѣмъ-же ты, безъ моей воли, пригласилъ тринадцатаго? Казначей, испугавшись, отвѣчалъ: „повѣрь мнѣ, пречестный владыко, что никого нѣтъ, кромѣ двѣнадцати“, ибо, кромѣ папы, ни онъ (казначей) и никто другой не видалъ тринадцатаго. Сидя за столомъ, папа часто взиралъ на тринадцатаго, сидящаго на концѣ стола, и замѣтилъ, что видъ лица его измѣняется,—то покажется онъ старцемъ сѣдымъ, то молодымъ юношей. Когда,

потомъ, встали изъ-за стола, св. Григорій прочихъ отпустилъ, а тринадцатаго, чуднаго видомъ, удержалъ и, взявши за руку, привелъ въ спальню свою и сказалъ: „заклинаю тебя великою силою Вседержителя Бога, скажи мнѣ, кто ты и какъ твое имя?“ Тотъ сказалъ ему: „зачѣмъ спрашиваешь о моемъ имени, ибо оно чудно. Однако знай, что я тотъ корабельникъ—нищій, если припомнишь, который приходилъ къ тебѣ въ монастырь св. Андрея, когда ты писалъ книги и далъ мнѣ двѣнадцать золотыхъ и серебряное блюдо, которое тебѣ съ квашенымъ сочивомъ прислала тогда блаженная Сильвія, мать твоя, и да будетъ тебѣ извѣстно, что съ того дня, въ который далъ ты мнѣ то съ любовію и расположеніемъ сердца, Господь судилъ тебѣ быть первопрестольникомъ (т. е. папой) св. Церкви Своей, за которую пролилъ кровь Свою, и преемникомъ св. верховнаго Ап. Петра, коего добродѣтели ты подражаешь“. Блаженный-же Григорій сказалъ ему: „какъ ты знаешь, что Господь именно тогда назначилъ мнѣ быть папой?“ Тотъ отвѣчалъ: „Я—Ангелъ Господа Вседержителя,—поэтому и знаю. Господь послалъ меня тогда испытать расположеніе твое,—по человѣколюбію-ли ты, а не ради тщеславія, творишь милостыню“. Услышавъ сіе, блаженный ужаснулся, ибо до того никогда еще не видалъ на яву Ангела и не бесѣдовалъ съ нимъ, какъ съ простымъ человѣкомъ. Ангелъ-же сказалъ святому: „не бойся, Господь послалъ меня съ тѣмъ, чтобы я былъ съ тобой во всю жизнь твою и приносилъ къ Богу молитвы твои, дабы все, что съ упованіемъ просишь у Него, получилъ ты“. Тогда св. папа Григорій палъ лицемъ своимъ на землю и, поклонившись Господу, сказалъ: „если ради малаго подаянія моего нищему, ничего не стоющаго, столько

благъ воздалъ мнѣ Господь, что и папою Церкви Своей сдѣлалъ меня и святаго Ангела Своего приставилъ хранить меня, то что воздастъ пребывающимъ въ заповѣдяхъ его и творящимъ правду?!" Послѣ сего, Ангелъ сталъ невидимъ, а святой, воздавая благодарность Богу, еще усерднѣе сталъ благотворить людямъ и благоугождать Богу. Въ одинъ день, опять угощая обѣдомъ странниковъ, одному изъ нихъ, по обычаю своего смиренія, хотѣлъ онъ подать воды на руки, но, обратившись взять сосудъ съ водою, уже не нашелъ того, которому хотѣлъ подать. Въ слѣдующую ночь, когда онъ спалъ, явился ему Господь, говоря: „въ прочіе дни ты угощалъ члены мои, т. е. нищихъ, а вчерашній день принялъ Самого Меня". Марта 12.

У дающаго умножится.

Когда св. Тихонъ, епископъ амафунтскій (¹), былъ отрокомъ и жилъ дома у родителей, отецъ поставилъ его продавать хлѣбы, ибо это было занятіе отца, отъ котораго онъ кормилъ свое семейство. Отрокъ-же сталъ раздавать нищимъ хлѣбы безъ денегъ. Когда узналъ объ этомъ отецъ, сталъ печалиться, гнѣваться на него и бранить его. Богодухновенный отрокъ сказалъ: „напрасно ты, отецъ, печалишься; я отдалъ хлѣбы взаймы Богу, и имѣю неложное рукописаніе Его въ св. книгахъ, которое говоритъ: *даяй Богу, сторицею пріиметъ*, и если ты не вѣришь словамъ моимъ, то пойдемъ въ житницу и тамъ увидишь, какъ Богъ отдастъ долгъ Свой заимодавцамъ Своимъ. Сказавши это, пошелъ съ отцемъ къ житницѣ. Когда хотѣли отворить дверь, то нашли всѣ закрома полными чистой пшеницы. Въ ужа-

(¹) На островѣ Кипрѣ. Св. Тихонъ жилъ въ V в. по Р. Х.

сѣ дивился сему отецъ, падши поклонился Богу, воздавая благодареніе, и съ тѣхъ поръ не запрещалъ своему сыну раздавать нищимъ, сколько хочетъ. Іюня 16.

Отрокъ-чудотворецъ.

Святой Вонифатій, епископъ ферентійскій (¹), былъ нищелюбивъ съ дѣтскихъ лѣтъ: такъ, когда случалось ему видѣть кого-либо безъ одежды, онъ скидалъ одежду свою и отдавалъ ее, а самъ возвращался домой иногда безъ верхней, иногда безъ нижней одежды. Мать его часто гнѣвалась на него, ибо была бѣдная вдова, и говорила: „несправедливо поступаешь ты, сынъ,— будучи самъ нищимъ, нищихъ одѣваешь". Потомъ, пришедши однажды въ житницу, въ которой заготовляли хлѣбъ на все лѣто, нашла ее пустою, ибо Вонифатій, сынъ ея, все тайно роздалъ нищимъ. И начала плакать мать, ударяя себя по лицу и говоря: „увы мнѣ, гдѣ теперь возьму пищи на все лѣто? Чѣмъ буду кормиться сама и кормить весь домъ? Вонифатій-же, подошедши къ ней, сталъ утѣшать ее, и когда, по причинѣ великой печали ея, не могъ словами своими утѣшить ее, то попросилъ, чтобы она ненадолго вышла изъ житницы. Когда она вышла, Вонифатій затворилъ за собою дверь, палъ на землю и помолился Богу, и вдругъ житница наполнилась пшеницею. Возблагодаривъ Бога, Вонифатій призвалъ мать свою, и когда та увидѣла житницу, полную пшеницы, то утѣшилась, прославила Бога и съ того времени уже не запрещала сыну подавать нищимъ сколько хочетъ, видя его великую вѣру, что не бѣднѣетъ, подавая, и чего проситъ у Бога, получаетъ. Декабря 19.

(¹) Въ Италіи. Жилъ въ VI вѣкѣ.

Милосердіе въ образѣ прекрасной дѣвицы.

Св. Іоаннъ Милостивый, патріархъ александрійскій (ум. въ 620 г.), разсказывалъ о себѣ.—„Когда я былъ въ Кипрѣ, имѣя пятнадцать лѣтъ, и спалъ въ одну ночь, явилась мнѣ прекрасная дѣвица, одѣтая въ свѣтлую одежду и имѣющая масличный вѣнокъ на головѣ. Ставши возлѣ моей постели, она толкнула меня въ бокъ; я проснулся и видѣлъ ее уже не во снѣ, а стоящую предо мной наяву, и спросилъ ее: „кто ты и какъ ты осмѣлилась взойти ко мнѣ сонному?“ А она, весело взирая на меня и съ тихой улыбкой на устахъ, сказала: „Я—старшая дочь Великаго Царя и первая между дочерьми Его“. Услышавши это, я поклонился ей, а она продолжала: „если сдѣлаешь меня другомъ своимъ, то я испрошу тебѣ у Царя великую благодать и приведу къ Нему, такъ какъ никто, кромѣ меня, не имѣетъ такой милости у Него: я свела Его съ неба на землю и сдѣлала то, что Онъ облекся человѣческой плотью“. Сказавши это, стала невидима. Удивляясь сему чудному видѣнію и размышляя самъ съ собою, я сказалъ: „поистинѣ, милосердіе въ образѣ дѣвицы явилось мнѣ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ масличный вѣнокъ на головѣ ея, такъ какъ онъ есть знакъ милосердія; то-же подтверждаютъ и слова, сказанныя той дѣвицей: я, сказала она, Бога съ неба на землю свела и сдѣлала то, что Онъ воплотился. Ибо Создатель, видя человѣка погибающимъ, захотѣлъ спасти его отъ погибели, побуждаемый къ тому не другимъ чѣмъ, какъ только милосердіемъ. И такимъ образомъ, преклонивъ небеса, сошелъ ради милости, дабы помиловать свое созданіе, а посему и тотъ, кто хочетъ обрѣсти милость у Бога, прежде всего долженъ имѣть

милосердіе къ ближнимъ“. Такъ размысливъ въ себѣ, я тотчасъ всталъ и пошелъ въ церковь, когда уже стало разсвѣтать. Дорогой я встрѣтилъ нищаго нагаго и дрожавшаго отъ холода. Скинувъ одну изъ своихъ одеждъ, я отдалъ ее тому нищему, говоря въ себѣ: „теперь я узнаю, истинное-ли то было видѣніе или обманъ“, и пошелъ. Прежде чѣмъ дойти мнѣ до церкви, встрѣтилъ меня одинъ человѣкъ, одѣтый въ бѣлыя одежды, далъ мнѣ въ руки узелъ, въ которомъ было завязано сто золотыхъ, и сказалъ: „возьми это, другъ“. Я съ радостью взялъ, но тотчасъ же покаялся, что взялъ, говоря, что это не нужно для меня, и обернулся за тѣмъ, чтобы возвратить тому, кто мнѣ далъ, но уже не нашелъ его. Изъ этого я узналъ, что то было истинное видѣніе, а не обманъ. И съ того времени, если когда что подавалъ нищему, то желалъ испытать, воздастъ-ли мнѣ за то Богъ сторицею, какъ сказалъ (въ Писаніи),—много разъ такъ испытывалъ и нашелъ, что это совершенная истина. Наконецъ сказалъ самому себѣ: „перестань, душа, испытывать Господа Бога твоего“.—Ноября 12.

Откровеніе одному затворнику о томъ, что безъ нужды не должно принимать милостыни и что милостыня грѣхи очищаетъ.

Въ одномъ монастырѣ славенъ былъ нѣкій затворникъ, съ юности проводившій житіе чистое. Уклонившись отъ всѣхъ житейскихъ наслажденій и затворившись въ тѣсной келліи, онъ работалъ одному Богу, умерщвляя тѣло свое постомъ и всенощнымъ стояніемъ, принося молитвы Владыкѣ всяческихъ со многими слезами о себѣ и о всемъ мірѣ и всѣмъ умомъ своимъ упражняясь въ богомысліи. Немного пищи принималъ онъ въ установленное время отъ руки келаря, а

когда Богъ посылалъ монастырской братіи чрезъ христіанъ золото и серебро, пищу и вино,—изъ сего не принималъ ничего. Сему-то затворнику было видѣніе о принимающихъ милостыню, и случилось это такъ.— Въ одинъ день старѣйшина города пришелъ въ тотъ монастырь сотворить милостыню и роздалъ всѣмъ по сребреннику. Пришелъ потомъ и къ сему затворнику, неся златницу, и просилъ старца взять ее; устыдился старецъ честнаго мужа, взялъ монету и спряталъ ее. Затѣмъ ночью, совершивши свое обычное правило, легъ на рогожѣ, намѣреваясь немного уснуть, и былъ въ восхищеніи: видѣлось ему, что онъ, съ прочею братіею того монастыря, стоитъ на обширномъ полѣ, все же то поле покрыто было терніемъ, и вотъ пришелъ нѣкій страшный юноша (то былъ Ангелъ Господень) и сталъ припуждать монаховъ монастыря того, говоря: „жните терніе"; пришелъ и къ нему и сказалъ: „опояшься и жни терніе". Когда-же затворникъ не хотѣлъ и отговаривался, Ангелъ сказалъ: „отговориться ничѣмъ не можешь, ибо ты нанялся вчера со всѣми находящимися здѣсь монахами, взявшими по сребреннику у того христолюбца, а ты взялъ златницу и, какъ получившій большій наемъ, больше другихъ и трудиться долженъ на жнитвѣ. А терніе это, которое ты видишь, суть грѣхи того человѣка, отъ котораго вчера ты принялъ милостыню, и такъ ступай и жни съ прочими". Пробудившись отъ сна и размысливъ о видѣнномъ, затворникъ опечалился, и, призвавъ давшаго ему милостыню, просилъ, чтобы онъ взялъ назадъ свою златницу. Христолюбецъ-же не хотѣлъ взять и сказалъ затворнику: „оставь ее у себя, отче, или отдай кому хочешь". Тогда старецъ сказалъ: „не хочу жать тернія чужихъ грѣховъ, не могу истребить и

своего множества грѣховнаго тернія“, и, выбросивъ монету ту изъ своей келліи, затворилъ окно. А мужъ тотъ, узнавъ о причинѣ отверженія старцемъ милостыни его, сталъ исправлять жизнь свою и большую, противъ прежней, творить милостыню нищимъ и убогимъ, помня Писаніе, что милостынею и вѣрою грѣхи очищаются (1).—Марта 7.

Видѣніе св. праведной Мареѳ.

Святая праведная Мареа, мать св. Симеона Дивногорца, не задолго до смерти своей (ум. въ 551 г.), восхищена была въ сонномъ видѣніи на высоту небесную и видѣла пречудную и пресвѣтлую палату, красоты которой не можетъ выразить никакое слово. Когда св. Мареа ходила по сей палатѣ и удивлялась сему нерукотворенному зданію,—узрѣла Пречистую Дѣву Богородицу съ двумя свѣтлѣйшими Ангелами, сказавшую ей: „что удивляешься?“ Она-же со страхомъ и радостію, благоговѣйно поклонившись Божіей Матери отвѣчала: „удивляюсь, Владычица, ибо такой чудной палаты я не видала во всѣ дни жизни моей на землѣ“. Пресвятая Дѣва спросила: „и кому, думаешь, приготовлена она?“ Мареа отвѣчала: „не знаю, Госпожа“. Тогда Матерь Божія сказала ей: „или не знаешь, что тебѣ уготованъ сей покой, который создалъ сынъ твой,—въ немъ отнынѣ пребудешь во вѣки“. Потомъ повелѣла Ангеламъ, и они поставили по срединѣ дивный престолъ, и сказала Мареѣ: „сія слава даруется тебѣ, поелику ты пожила богоугодно въ страхѣ Божіемъ“. Затѣмъ сказала: „хочешь-ли видѣть еще лучшее?“ и повелѣла ей слѣдовать за Собою. Вошедши на высоты небесныя, показала ей палату еще болѣе чудную

(1) Тов. 12, 9.

и несравненно свѣтлѣе первой, исполненную небесной славы; красоты сей палаты не можетъ ни умъ человѣческій постигнуть, ни выразить языкъ. И сказала Пречистая: „и эту палату создалъ сынъ твой, но и третьей уже началъ основаніе“. И съ этими словами снова повела ее къ востоку и, съ высокаго мѣста показавъ ей райскія селенія и въ нихъ множество ликовъ мужей и женъ веселящихся, сказала: „сіи мѣста Сынъ Мой даровалъ тѣмъ, которые жили цѣломудренно и праведно въ соблюденіи заповѣдей Господнихъ, творили съ усердіемъ многія милостыни, поэтому и сами удостоились милости отъ Господа, ибо *блажени милостивіи: яко тіи помилованы будутъ* ([1])“. Таково было видѣніе св. Маров, которое она потомъ разсказала сыну своему. Іюля 4.

Св. Іоаннъ Милостивый исцѣляетъ отъ скупости епископа Троила.

Св. Іоаннъ не только самъ былъ милостивъ, но и другихъ умѣлъ располагать къ подаянію милостыни и сребролюбивыхъ преклонять къ нищелюбію. Такъ, зная нѣкоего епископа, по имени Троила, весьма сребролюбиваго и скупаго, онъ взялъ его однажды съ собою въ больницу посѣтить убогихъ и болящихъ и сказалъ ему: „отче Троиле, для тебя теперь самое удобное время утѣшить сію бѣдную братію, подавши имъ милостыню“. Троилъ нехотя, однако стыда ради, чтобы не показаться скупымъ, сталъ раздавать милостыни всѣмъ, начиная съ перваго до послѣдняго и истратилъ такимъ образомъ тридцать золотыхъ монетъ (литръ). Послѣ онъ раскаялся и скорбѣлъ, что столько золота роздалъ бѣднымъ и, пришедши домой, легъ

([1]) Мѳ. 5, 7.

въ постель, скорбя и сожалѣя о золотѣ. Въ это время прислалъ за нимъ Іоаннъ, приглашая его къ себѣ на обѣдъ, но онъ, по причинѣ скорби, не пошелъ, и возвѣщено было Іоанну, что Троилъ боленъ. Іоаннъ, догадавшись о причинѣ болѣзни,—что онъ заболѣлъ отъ печали по золотѣ,—взялъ съ собою тридцать золотыхъ и пошелъ посѣтить больнаго Троила. Пришедши къ нему, онъ сказалъ: „вотъ я принесъ тебѣ то золото, которое взялъ взаймы у тебя въ больницѣ; и такъ, возьми его, а мнѣ напиши своей рукой, что мнѣ отдаешь ту награду отъ Господа, которая готовилась тебѣ за розданное золото“. Троилъ, увидѣвъ золото, обрадовался и, взявши его, тотчасъ выздоровѣлъ и сѣвши написалъ такъ: „Боже милосердый, дай награду господину моему Іоанну, патріарху александрійскому, за тѣ тридцать золотыхъ монетъ, которыя я роздалъ бѣднымъ, ибо онъ возвратилъ мнѣ мое“. Взявши себѣ сіе рукописаніе, Іоаннъ пригласилъ Троила къ себѣ на обѣдъ и угостилъ его, а внутри себя тайно молился о немъ Богу, дабы Онъ исцѣлилъ его отъ такого сребролюбія. Въ слѣдующую ночь Троилъ видѣлъ въ видѣніи нѣкоторый прекрасный домъ, красота котораго была невыразима, а надъ дверями дома была слѣдующая золотая надпись: „обитель и покой вѣчный Троила епископа“. Возрадовался Троилъ о такомъ прекрасномъ домѣ, приготовленномъ для него, какъ вдругъ явился одинъ честный и страшный мужъ и сказалъ слугамъ: „Господь всего міра повелѣлъ загладить сію надпись“, и тотчасъ слуги загладили. Тогда явившійся опять сказалъ слугамъ: „напишите такъ: обитель и покой вѣчный Іоанна, архіепископа александрійскаго, который купилъ ее себѣ за тридцать золотыхъ монетъ“. Пробудившись отъ сна, Троилъ исполнился

страха и сожалѣнія о томъ, что погубилъ домъ свой на небѣ, и укорялъ себя за златолюбіе. Вставши, поспѣшилъ къ блаженному Іоанну и разсказалъ ему то, что видѣлъ. Блаженный Іоаннъ долго поучалъ его разными полезными наставленіями, и съ того времени, исправившись, Троилъ сталъ нищелюбивъ и милостивъ ко всѣмъ. Ноября 12.

Св. Филаретъ Милостивый въ раю.

Одинъ мужъ изъ близкихъ къ св. праведному Филарету Милостивому (¹), человѣкъ благоразумный и богобоязненный, разсказывалъ съ клятвою, призывая во свидѣтели Самого Бога, слѣдующее.—Спустя одинъ день послѣ кончины блаженнаго Филарета, было мнѣ ночью видѣніе. Былъ я восхищенъ въ неизреченныя мѣста и видѣлъ нѣкоего свѣтлаго и бѣловиднаго мужа, который показалъ мнѣ огненную рѣку, текущую съ такимъ страшныхъ шумомъ, какаго нельзя стерпѣть человѣческому роду; по ту-же сторону рѣки видѣлъ прекрасный рай, исполненный несказанной радости и веселія. Невыразимое благоуханіе наполняло всю землю ту. были тамъ деревья великія и многоплодныя, колеблемыя тихимъ вѣтромъ и производящія дивный шумъ, и—невозможно языку человѣческому выразить тѣхъ благъ, какія уготовалъ Богъ любящимъ Его. Видѣлъ тамъ многое множество людей, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды, радующихся и наслаждающихся тѣми райскими плодами. Разсматривая все со вниманіемъ, я увидѣлъ тамъ одного мужа (то былъ Филаретъ, но я не узналъ его), облеченнаго свѣтлой одеждой и сѣдящаго среди садовъ на золотомъ престолѣ. Съ одной стороны престола предстояли сему мужу но-

(¹) Св. Филаретъ жилъ въ VIII вѣкѣ.

вокрещенныя дѣти, державшія свѣчи въ рукахъ, а съ другой стороны—множество нищихъ и убогихъ—бѣловидныхъ, которые тѣснили другъ друга, желая каждый ближе подойти къ тому мужу. И вотъ явился тамъ одинъ юноша, лицемъ свѣтлый, а видомъ страшный, держащій въ рукѣ золотой жезлъ. Я осмѣлился, хотя и съ великимъ страхомъ и трепетомъ, спросить его: „господинъ, кто это *сѣдящій на свѣтломъ престолѣ* среди тѣхъ свѣтовидныхъ мужей,—не Авраамъ-ли?“ Свѣтоносный юноша отвѣчалъ: „это Филаретъ амнійскій, который по великой любви къ нищимъ и по милосердію къ нимъ, а также по чистой жизни своей, сдѣлался вторымъ Авраамомъ, и вотъ здѣсь водворенъ“. Послѣ сего тотъ новый Авраамъ, святой и праведный Филаретъ, посмотрѣвъ на меня радостнымъ лицемъ, сталъ тихо звать меня къ себѣ, говоря: „подойди, чадо, и ты сюда, чтобы насладиться сими благами“. Я-же отвѣчалъ ему: „не могу, преблаженный, придти туда, ибо огненная рѣка препятствуетъ мнѣ и страшитъ меня. Путь чрезъ нее узокъ, мостъ неудобенъ, а въ ней множество людей горящихъ: боюсь, какъ бы и мнѣ не упасть туда,—кто меня тогда вынетъ оттуда?“ Святой сказалъ: „дерзай и иди не опасаясь, ибо всѣ, которые здѣсь, пришли тѣмъ путемъ, и, кромѣ его, нѣтъ другаго пути.—иди и ты, чадо, безъ боязни, а я помогу тебѣ“, и, протянувши ко мнѣ руку, звалъ меня. Я, осмѣлившись, началъ безопасно переходить рѣку, и когда подошелъ къ рукѣ святаго и коснулся ея,—тотчасъ пріятное видѣніе то кончилось. Пробудившись, я горько заплакалъ и зарыдалъ, говоря: „какъ перейду я ту страшную рѣку и достигну райскаго селенія?“ Этотъ разсказъ передавалъ съ клятвою одинъ изъ родственниковъ блаженнаго Фила-

рета, дабы мы знали, какой милости удостоиваются отъ Бога имѣющіе, Бога ради, милосердіе къ нищимъ. Декабря 1.

Наказаніе вору отъ мертвеца.

Въ житіи св. Софронія, патріарха іерусалимскаго (ум. 644 г.), между прочимъ, повѣствуется слѣдующее.— У св Софронія, когда еще онъ не былъ патріархомъ, и у друга его, пресвитера Іоанна, былъ обычай и стараніе каждый день найти для себя какое-либо назиданіе, или видя или слыша что или вообще чему-либо научившись. И вотъ, когда они странствовали по разнымъ мѣстамъ и были въ Александріи, съ ними былъ такой случай. Однажды въ полдень сидѣли они около мѣста, „Тетрафилъ“ называемаго. Неподалеку отъ нихъ сидѣли три слѣпца и вели между собою бесѣду,—одинъ спрашивалъ другаго: „другъ, отчего ослѣпъ ты?“ Тотъ отвѣчалъ: „въ юности своей я былъ корабельникомъ, и вотъ, когда плыли мы изъ Африки, отъ продолжительнаго зрѣнія на море на глазахъ моихъ сдѣлались бѣльма, и я ослѣпъ“. Потомъ другой спрошенный о томъ-же, сказалъ: „я былъ стекольнымъ мастеромъ; дѣлавши однажды стекло, я неосторожно опалилъ себя и чрезъ это погубилъ свое зрѣніе“. Затѣмъ спросили третьяго, какъ онъ ослѣпъ, и тотъ отвѣчалъ: „когда я былъ молодъ, то не любилъ трудиться, а любилъ жить въ лѣности. Но какъ былъ сластолюбивъ и не имѣлъ чѣмъ питаться, то сталъ красть и дѣлать много зла. Въ одинъ день вижу я—несутъ мертвеца, покрытаго хорошими одеждами, я пошелъ за покойникомъ, чтобы узнать, гдѣ положатъ его. Пришедши ночью, я открылъ гробъ и снялъ съ мертваго все, оставивъ на немъ только одинъ хитонъ. Когда я вы-

ходилъ изъ гроба, злой помыслъ сказалъ мнѣ: „воротись, возьми и хитонъ, ибо онъ очень хорошъ". И воротился я, окаянный, намѣреваясь снять хитонъ и оставить мертвеца нагимъ. Вдругъ мертвецъ задвигался и сѣлъ предо мною, протянувъ руки, пальцами своими онъ ободралъ мнѣ лице и выкололъ оба глаза. Тогда я, окаянный, отъ страха и болѣзни едва вышелъ изъ гроба. Вотъ какъ ослѣпъ я". Когда мы выслушали это (разсказываетъ пресвитеръ Іоаннъ), господинъ Софроній далъ мнѣ знакъ и мы пошли. И сказалъ мнѣ Софроній: „поистинѣ, авва Іоаннъ, сегодня намъ нѣтъ нужды искать для себя другаго назиданія, ибо довольно уже научились, что никто, дѣлающій злое, не можетъ укрыться отъ Бога".—Марта 11.

Смерть за воровство.

Когда преподобный Лука Елладскій (¹) жилъ въ горѣ Іоанновой (въ Греціи), то многіе изъ окрестныхъ жителей приходили къ нему пользы ради и тѣмъ нарушали любезное ему безмолвіе. Онъ захотѣлъ, поэтому, уйти отсюда на мѣсто, болѣе безмолвное, но не тотчасъ исполнилъ это намѣреніе, а послалъ прежде ученика своего Германа въ Коринѳъ къ нѣкоему искусному и богодухновенному мужу Ѳеофилакту, прося у него полезнаго совѣта: остаться-ли ему на прежнемъ мѣстѣ въ горѣ Іоанновой или переселиться на другое, никѣмъ незнаемое, мѣсто. Ѳеофилактъ прислалъ ему совѣтъ, нѣкогда данный съ неба св. Арсенію Великому: бѣгай людей, и спасешься. Съ радостію принявъ сей совѣтъ, преподобный Лука поселился, съ ученикомъ своимъ, на нѣкоторомъ пустынномъ мѣстѣ близъ моря, называемомъ „Калавіе", и пребывалъ тамъ

(¹) Ум. около 946 года.

имѣя пищу отъ труда рукъ своихъ,—копалъ землю, сѣялъ сѣмена и самъ жерновами мололъ хлѣбъ. Однажды корабельники, плывя мимо того мѣста, пристали къ берегу недалеко отъ келліи преподобнаго и вошли въ нее. Не нашедши въ ней никого, ибо святой съ ученикомъ своимъ вышелъ куда-то, взяли одинъ жерновой камень и унесли съ собою. Пришедши въ келлію и не видя камня, преподобный пошелъ къ корабельникамъ и просилъ ихъ возвратить камень, такъ какъ ему нечѣмъ теперь стало молоть для себя хлѣбъ. Но они божились, говоря, что не брали камня. „Если не взяли, плывите съ миромъ, сказалъ имъ святой, а взявшему да воздастъ Богъ, какъ ему угодно". Сказавши сіе, святой ушелъ, и вдругъ тотъ, кто взялъ камень, палъ мертвымъ. Ужаснулись корабельники и, пришедши къ святому, просили у него прощенія и возвратили камень. Опечалился и самъ преподобный и много дней плакалъ объ умершемъ.—Февраля 7.

Наказаніе за воровство отъ умершей дѣвицы.

У одного вельможи въ Царьградѣ [1] умерла дочь, которая жизнь свою провела въ чистомъ дѣвствѣ. Умирая, она просила отца своего, чтобы ее похоронили за городомъ въ усыпальницѣ на виноградникѣ ихъ. И вотъ, когда умерла, ее отнесли на то мѣсто и по обычаю христіанскому похоронили. Въ это время въ томъ-же городѣ былъ одинъ гробовой тать, который, открывая гробы, снималъ одежды съ мертвыхъ. Воръ этотъ, стоя при пути, по которому несли дѣвицу, смотрѣлъ, гдѣ она будетъ положена, намѣреваясь придти ночью и снять одежды съ умершей. Случилось идти туда и св. Андрею, Христа ради юродивому,

[1] Это было въ половинѣ X вѣка по Р. Хр.

который, увидѣвъ вора и уразумѣвъ духомъ злую мысль его, захотѣлъ удержать его отъ того дѣла, ибо предвидѣлъ имѣвшее случиться съ нимъ несчастіе. Строго посмотрѣвъ на вора и какъ-бы сердясь, онъ сказалъ: „Такъ говоритъ судный духъ ядущему одежды лежащихъ въ гробахъ: ты не увидишь болѣе ни солнца, ни дня, ни лица человѣческаго, затворятся ворота дома твоего и не отворятся, померкнетъ день для тебя и въ вѣкъ не просвѣтлѣетъ!“ Воръ, слушая это, не понялъ, что говоритъ святой, и, не обративъ на сіе вниманія, пошелъ. А святой, посмотрѣвъ на него въ другой разъ, сказалъ ему: „не пойдешь, не украдешь, клянусь Іисусомъ: если сдѣлаешь сіе, не будешь видѣть солнца“. Тогда воръ, понявши что говоритъ ему юродивый, удивился тому, какъ онъ знаетъ его мысли, и, обратившись къ нему, сказалъ: „ты и въ самомъ дѣлѣ бѣсноватый, ибо говоришь неизвѣстное и тайное по наученію діавольскому, а я все-же пойду туда, чтобы видѣть, сбудутся-ли слова твои“; святой-же играя удалился. Когда наступилъ вечеръ, похититель тотъ, нашедши удобное время, пошелъ, отвалилъ камень отъ гроба, вошелъ въ него и сначала снялъ съ мертвой верхнюю одежду и разныя дорогія украшенія. Затѣмъ, хотѣлъ уже выйти, но помыслъ сказалъ ему: „сними хитонъ, онъ очень хорошъ“, и, снявъ хитонъ съ дѣвицы, оставилъ тѣло обнаженнымъ и хотѣлъ выйти. Вдругъ мертвая дѣвица, по повелѣнію Божію, поднявши руку свою, ударила вора по лицу, и тотчасъ ослѣпли глаза его. Ужасъ объялъ вора, такъ что отъ страха начали трястись челюсти его, и зубы, и колѣна, и всѣ кости. А дѣвица, открывши уста свои, такъ стала говорить ему: „окаянный и несчастный, не побоялся ты Бога, не помыслилъ того, что ты также человѣкъ, стыдить-

ся-бы тебѣ слѣдовало наготы дѣвической и довольствоваться тѣмъ, что прежде взялъ, а хитонъ отдалъ-бы моему обнаженному тѣлу; но ты не помиловалъ меня, злымъ человѣкомъ явился для меня и умыслилъ сдѣлать меня посмѣшищемъ для всѣхъ святыхъ дѣвъ во второе пришествіе Господне. Теперь я сдѣлаю съ тобою то, что ты съ сего времени никогда не будешь красть, дабы ты зналъ, что живъ есть Богъ Іисусъ Христосъ, и что по смерти есть судъ, воздаяніе и казнь". Сказавши сіе, дѣвица встала и надѣла хитонъ, потомъ, возложивши на себя всю остальную одежду, легла и сказала: *Ты, Господи, едину на упованіи вселилъ мя еси* (Пс. 4, 9), и съ этими словами опять стала неподвижна. А несчастный тотъ едва могъ выдти изъ гроба и найти стѣну виноградника; вышедши кой-какъ на близъ лежащій путь, онъ по стѣнѣ городской едва дошелъ до городскихъ воротъ. Когда стали спрашивать его о причинѣ его ослѣпленія, онъ сказалъ тогда иначе, а не какъ было; потомъ уже послѣ все разсказалъ по порядку одному другу своему. Съ того времени сталъ онъ просить милостыню и питался такъ, вспоминалъ часто святаго Андрея и дивился, какъ онъ могъ провидѣть и предсказать все имѣвшее съ нимъ быть и какъ исполнилось его пророчество. Октября 2.

Смерть за воровство и ложь.

Однажды св. Іона, митрополитъ кіевскій (¹), далъ слугѣ своему нѣсколько денегъ съ тѣмъ, чтобы онъ роздалъ ихъ нищимъ. Слуга же одну часть роздалъ, а другую взялъ себѣ. И вотъ пришла къ святому од-

(¹) Онъ хотя и называется кіевскимъ, но жилъ и умеръ въ Москвѣ, а потому и случай этотъ былъ въ Москвѣ.

на бѣдная вдова и сказала: „святитель Божій! слуга твой ничего мнѣ не далъ изъ того, что ты повелѣлъ роздать.“ Святой, призвавъ слугу, сказалъ: „зачѣмъ ты обидѣлъ сію вдову, не давши ей ничего?“ Слуга отвѣчалъ: „даже много далъ ей, но она, не имѣя стыда, проситъ снова“. Вдова опять сказала, что ничего не получила отъ него. Слуга съ гнѣвомъ сказалъ ей: „иди и умри, ибо ты лжешь“. Тогда святой сказалъ ему: „не будетъ такъ, поелику вдова говоритъ правду, ты-же укралъ и лжешь. Вдова пусть будетъ жива, а ты умрешь“, и тотчасъ слуга заболѣлъ и померъ.—Марта 31.

Наказаніе грабителю.

Римскій царь Северъ, желая испытать чудодѣйственную силу св. священномученика Харалампія, велѣлъ привести къ нему, во время его страданій, бѣсноватаго, котораго тридцать пять лѣтъ мучилъ діаволъ, гоняя его по пустынямъ и горамъ, загоняя въ лѣсныя дебри, болота и въ пропасти земныя, чтобы погубить его. Когда былъ приведенъ человѣкъ сей, діаволъ тотчасъ обонявъ благоуханіе святаго, воззвалъ: „прошу тебя, рабъ Божій, не мучь меня прежде времени, но повели словомъ, и я выйду; если-же хочешь, то я скажу тебѣ, какъ вошелъ я въ человѣка сего.“ Святой позволилъ, и діаволъ разсказалъ: „человѣкъ сей, намѣреваясь обокрасть ближняго, сказалъ въ умѣ своемъ: „если я не убью прежде наслѣдника, то не могу взять его наслѣдства“, и, убивши ближняго, пошелъ взять его имѣніе, а я, заставъ его въ семъ дѣлѣ, вошелъ въ него и уже тридцать пять лѣтъ живу въ немъ“. Тогда святой Харалампій сказалъ діаволу: „выйди изъ сего человѣка и больше не вреди ему“, и тотчасъ діаволъ вышелъ, а че-

ловѣкъ тотъ сталъ здоровъ. Царь сказалъ: „воистинну, великъ Богъ христіанскій!“—Февраля 10.

Миръ, вражда, жестокость.

Выздоровленіе за примиреніе и смертъ за вражду.

У преподобнаго Тита, пресвитера печерскаго, былъ другъ—инокъ того-же монастыря по имени Евагрій, саномъ діаконъ. Оба они имѣли другъ къ другу столь великую и искреннюю любовь, что всѣ братія дивились такому единомыслію и столь крѣпкой взаимной любви ихъ. Но ненавидящій добро врагъ, который обыкъ сѣять плевелы среди пшеницы, посѣялъ вражду и между ними, и такъ возстановилъ ихъ другъ противъ друга, что они не могли даже видѣть въ лице одинъ другаго, но всячески другъ друга избѣгали. Когда одному изъ нихъ случалось идти съ кадильницей по церкви, тогда другой избѣгалъ ѳиміама; если-же сей не отбѣгалъ, то тотъ проходилъ мимо сего не покадивъ. И долгое время пребывали они въ семъ грѣховномъ мракѣ, такъ что, не примирившись между собою и не получивъ взаимнаго прощенія, дерзали приносить божественныя дары и причащаться,—такъ вооружилъ ихъ врагъ другъ противъ друга. Братія много разъ просили ихъ, чтобы они помирились, но тѣ не хотѣли и слышать объ этомъ. Но вотъ однажды, по смотрѣнію Божію, сему блаженному пресвитеру Титу случилось тяжко заболѣть и быть при смерти. Тогда онъ началъ горько плакать о своемъ согрѣшеніи и послалъ къ діакону Евагрію, говоря съ великимъ умиленіемъ: „прости меня, брате, ради Господа, что я оскорбилъ тебя своимъ гнѣвомъ“; тотъ-же не только не простилъ, но еще жестокими словами проклялъ его.

Однако братія, видя Тита уже умирающимъ, силою привели къ нему Евагрія, дабы онъ простился съ братомъ. Больной, увидя Евагрія, тотчасъ приподнялся, палъ ницъ къ ногамъ его, говоря со слезами: „прости меня, отче, и благослови". Но Евагрій, будучи не милостивъ и безчеловѣченъ, отвернулся отъ Тита и произнесъ предъ всѣми сіи жестокія слова: „никогда не хочу имѣть съ нимъ прощенія, — ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій". Сказавъ сіе, вырвался изъ рукъ братій и упалъ. Тѣ хотѣли было поднять его, но нашли его уже умершимъ и не могли ни рукъ согнуть ему, ни рта и глазъ закрыть, какъ-бы давно уже умершему, а больной пресвитеръ Титъ въ сіе время всталъ и сдѣлался здоровымъ, какъ-бы никогда не болѣлъ. Ужасъ напалъ на всѣхъ при столь внезапной того смерти, а сего скоромъ исцѣленіи. И стали спрашивать сего исцѣлившагося блаженнаго пресвитера, что-бы это значило? Блаженный Титъ отвѣчалъ: „когда я тяжко болѣлъ будучи во враждѣ, то видѣлъ Ангеловъ, отступившихъ отъ меня и плачущихъ о погибели моей души, а бѣсовъ—радующихся о моемъ гнѣвѣ, и сего-то ради я сталъ просить васъ, дабы вы, шедши къ брату, выпросили у него прощеніе мнѣ; когда-же, потомъ, вы привели его ко мнѣ и я поклонился ему, а онъ отвратился отъ меня, то видѣлъ одного немилостиваго Ангела, державшаго пламенное копье, которымъ ударилъ непростившаго, и тотчасъ онъ упалъ мертвымъ; мнѣ-же тотъ Ангелъ подалъ руку, поднялъ меня, и вотъ я здоровъ". Устрашенные симъ, братія много плакали объ умершемъ столь несчастно Евагріѣ и похоронили его, какъ былъ, съ открытыми глазами и устами и съ распростертыми руками. Февраля 27.

Подвигъ женъ, жившихъ въ мiру.

Однажды, когда преподобный Макарiй Египетскiй (¹) въ келлiи своей молился Богу, былъ къ нему голосъ: „Макарiй, ты еще не достигъ святости двухъ женщинъ, которыя въ ближнемъ городѣ живутъ вмѣстѣ“. Услышавъ сiе, старецъ взялъ жезлъ свой и пошелъ въ указанный ему городъ. Нашедши домъ тѣхъ женщинъ, онъ постучалъ, и тотчасъ одна изъ нихъ вышла и съ великою радостiю приняла его. Подозвавъ къ себѣ ихъ обѣихъ, онъ сказалъ имъ: „ради васъ я подъялъ такой трудъ, пришедши изъ далекой пустыни, дабы узнать добрыя дѣла ваши, о которыхъ и скажите мнѣ не утаивая“. Женщины отвѣчали старцу: „повѣрь намъ, святый отче, что даже и въ прошедшую ночь мы не свободны были отъ ложа мужей нашихъ, — какихъ-же, послѣ сего, ищешь у насъ добродѣтелей?“ Но старецъ сталъ убѣдительно просить ихъ, чтобы онѣ открыли ему образъ жизни своей. Убѣжденныя сей просьбой, онѣ сказали: „мы прежде не имѣли никакого родства между собою, потомъ случилось намъ выдти замужъ за двухъ братьевъ, и вотъ уже пятнадцать лѣтъ живемъ вмѣстѣ въ одномъ домѣ и никогда не ссорились и не сказали одна другой ни одного злаго или сквернаго слова, но живемъ въ мирѣ даже до сего дня; согласились было мы, оставивъ супруговъ, пойти вмѣстѣ въ ликъ святыхъ дѣвъ, работающихъ Богу, но не можемъ упросить мужей своихъ, чтобы они отпустили насъ, хотя и многими слезами и просьбами убѣждаемъ ихъ. Посему, не получивъ желаемаго, мы дали обѣщанiе Богу никогда не говорить ни какого дурнаго слова до самой смерти нашей“. Услышавъ сiе, святой Макарiй сказалъ:

(¹) Жилъ въ IV вѣкѣ.

„воистинну, Богъ не ищетъ ни дѣвы, ни замужней, ни инока, ни мірянина, но произволенія, принимая оное за самое дѣло, и по желанію каждаго подаетъ Святаго Духа, дѣйствующаго и управляющаго жизнью всякаго человѣка, желающаго спастись.—Января 19.

Наказанная жестокость.

Святой священномученикъ Харалампій, епископъ магнисійскій (ум. въ 202 г.), показалъ такое терпѣніе во время своихъ страданій, что даже ужасъ напалъ на тѣхъ служителей, которые ногтями желѣзными строгали его, и они сказали судьямъ: „безчестіе, творимое вами сему человѣку, и муки обращаются ему въ честь и отраду,—не самъ-ли это Христосъ, принявшій подобіе старца, пришелъ посѣтить Азію, чтобы обратить къ Себѣ ея обитателей?—Ногтями желѣзными мы строгаемъ тѣло, твердѣйшее желѣза, ибо ногти сгибаются, а тѣло остается неповрежденнымъ“. Когда слуги проговорили это, игемонъ, заскрежетавъ зубами, сказалъ имъ: „о, злые и лѣнивые слуги! Вы не только не дѣлаете того, что приказано вамъ, но еще защищаете осужденнаго на мученія!“ Изнемогши совсѣмъ, слуги начали исповѣдывать и прославлять силу Христову, укрѣпляющую страдальца, и оба умерщвлены были за имя Христово,—имена ихъ: Порфирій и Вантосъ. Подобнымъ-же образомъ и три женщины, смотрѣвшія на страданія мученика, увѣровавшія во Христа и прославлявшія пресвятое и всесильное имя Его, тотчасъ были обезглавлены. Тогда Лукій вождь, вставъ съ своего мѣста, самъ взялъ мучительскія орудія и началъ мучить святаго Харалампія, крѣпко строгая тѣло его. Вдругъ руки Лукіевы отдѣлились отъ локтей, какъ-бы отсѣченныя мечемъ, и, приставши къ тѣлу мученика, висѣли.

Упавъ безъ рукъ на землю, вождь взывалъ: „человѣкъ сей—чародѣй; помоги мнѣ, игемонъ!" Игемонъ, подошедши и увидѣвъ висѣвшія на тѣлѣ мученика руки Лукія, плюнулъ въ лице мученику, и тотчасъ голова у игемона повернулась назадъ и лице его оказалось назади. Магнисіане, объятые великимъ страхомъ, молили святаго, говоря: „оставь гнѣвъ и прекрати мщеніе Божіе, ибо тебѣ заповѣдано, да не воздаешь зломъ за зло". А святой сказалъ: „живъ Господь Богъ, нѣтъ зла въ сердцѣ моемъ и лести въ языкѣ моемъ; не я, но Христосъ Богъ наказалъ сихъ беззаконныхъ начальниковъ.—Христосъ, Который дастъ намъ жизнь вѣчную, а нечестивыхъ погубитъ". Тогда всѣ возопили къ Богу: „не погуби насъ, Господи, согрѣшившихъ Тебѣ, прости насъ, Боже! ибо нынѣ наказалъ Ты, Господи, князей нашихъ, дабы насъ привесть къ свѣту и сдѣлать достойными вѣчной жизни", и—увѣровало во Христа великое множество народа. А Лукій вождь сказалъ: „человѣче Божій, ангеле Господень, помилуй меня тяжко болящаго; руки мои, вися на тѣлѣ твоемъ, отягощаютъ тебя, возврати-же ихъ на свое мѣсто, дабы тебѣ освободиться отъ тяжести, а мнѣ избавиться отъ болѣзни; и если сдѣлаешь сіе, то и я обѣщаюсь увѣровать въ Бога твоего". Тогда святой произнесъ молитву къ Богу, послѣ которой вождь и игемонъ тотчасъ исцѣлились, и, припавъ къ ногамъ мученика, Лукій просилъ святаго крещенія, которое и получилъ, а игемонъ прекратилъ гоненіе на христіанъ.—Февраля 10.

Соблазнъ.

Чудесное наказаніе соблазнителю отъ преподобной Евдокіи.

Одинъ богатый юноша изъ прежде бывшихъ любо-

дѣевъ Евдокіи (¹), вспомнивъ прежнюю любовь свою къ ней и, по наущенію бѣса, разжегшись снова вожделѣніемъ ея, мыслилъ. какъ-бы возвратить ее къ первой любодѣйной съ собою жизни. Долго онъ думалъ объ этомъ и, распаляясь со дня на день все большею и большею любовію къ ней, придумалъ такую хитрость: облекшись въ иноческое одѣяніе, взялъ столько золота, сколько нести было можно, и. скрывъ его подъ одеждой, пошелъ къ монастырю Евдокіину, твердо надѣясь достигнуть своей цѣли. Когда онъ подошелъ къ воротамъ монастыря, привратница чрезъ небольшое окошко спросила его: „чего ты ищешь здѣсь, человѣче?“ Онъ отвѣчалъ: „грѣшенъ я и пришелъ съ тѣмъ. чтобы вы помолились обо мнѣ и удостоили меня вашего благословенія“. Привратница отвѣчала: „недоступно для мужчинъ мѣсто это, брате, но, немного отошедши отсюда, ты найдешь монастырь господина Германа и тамъ сподобишься молитвы и благословенія. а здѣсь не стой и не утруждай насъ напрасно, такъ какъ не можешь взойти сюда“. Сказавши это, превратница затворила окно. а Филостратъ (такъ звали сего юношу,) со смущеніемъ и стыдомъ и въ то-же время горя любовію къ Евдокіи, пошелъ въ монастырь Германовъ и получилъ удобный случай: ибо нашелъ блаженнаго Германа, сидящаго при монастырскомъ входѣ и читающаго книгу. Филостратъ поклонился ему смиренно до земли и, послѣ обычной иноческой молитвы отъ святаго старца, принялъ отъ него благословеніе. Тогда преподобный Германъ сказалъ: „сядь, брате, и скажи мнѣ, изъ которой ты страны и изъ какого монастыря?“ Филостратъ отвѣчалъ: „я, отче, былъ единственнымъ сы-

---

(¹) Евдокія въ молодости своей, до поступленія въ монастырь, долгое время была любодѣйцей.

номъ у родителей моихъ; когда они померли, я не пожелалъ взять жены себѣ, а восхотѣлъ лучше работать Богу въ иноческомъ чинѣ и тотчасъ постарался пріобрѣсть себѣ знаки чина иноческаго—сіи одежды, намѣреваясь затѣмъ немедленно найти мѣсто и наставника, отъ котораго-бы могъ научиться монашеской жизни. И вотъ услыхавъ о твоей святости, честной отче, предпринялъ большой путь къ сему мѣсту, желая припасть къ святымъ стопамъ твоимъ и умолить тебя, дабы ты принялъ въ свой монастырь меня, желающаго каяться о прежнихъ грѣхахъ своихъ". Блаженный Германъ, пристально посмотрѣвъ на юношу и по лицу и глазамъ познавая сладострастный нравъ его, сказалъ ему: „за великій трудъ хочешь ты взяться, чадо, но не знаю, будетъ ли онъ по силамъ твоимъ. Мы— стары, но и то едва можемъ противустоять тяжкимъ искушеніямъ діавола къ нечистотѣ возбуждающимъ, что-же будетъ съ тобою, когда еще ты только въ цвѣтѣ юности, въ пламенныхъ лѣтахъ страстнаго разжженія?" Филостратъ сказалъ: „развѣ нѣтъ, отче, примѣровъ добродѣтельнаго житія отъ юношей, подобныхъ мнѣ, твердо побѣдившихъ вожделѣнія? Развѣ та ваша Евдокія, о которой я столько слышалъ и слава о добродѣтельномъ житіи которой проходитъ всюду,—развѣ не молода она и не въ сладостяхъ жила? Но вотъ пришла къ вашему наставленію и теперь крѣпко и твердо пребываетъ въ иночествѣ, одолѣвши плоть свою. И—не умолчу отче—ея-то примѣромъ я и возбужденъ больше всего и желаю подражать ей,—думаю о цвѣтѣ юности ея, о томъ, какъ она была красива, богата, въ какомъ довольствѣ проводила свою молодость, а потомъ вдругъ все измѣнилось и—пошла служить Христу путемъ тѣснымъ и скорбнымъ. И если

она въ силахъ была презрѣть все и умертвить вожделѣнія свои ради любви Христовой, то зачѣмъ, отче, ты отчаяваешься обо мнѣ—мужчинѣ, болѣе крѣпкомъ жены той, и если я хоть однажды увижу ее, то твердо надѣюсь отъ бесѣды и поученія ея столько почерпнуть теплаго усердія къ Богу и мужества на подвигъ, сколько можетъ быть достаточно для одолѣнія и прогнанія всѣхъ искушеній діавольскихъ во всѣ дни жизни моей". Рабъ-же Божій Германъ, слушая сіи слова, принялъ ложь за истину, ибо думалъ, что юноша искренно желаетъ работать Богу, и сказалъ: „не возбранимъ тебѣ, чадо, видѣть Евдокію и слышать отъ нея полезное слово, такъ какъ ея путемъ ты хочешь идти къ добродѣтели". Затѣмъ, призвавъ къ себѣ одного честнаго старца, носившаго ѳиміамъ въ монастырь дѣвичій и ради другихъ нуждъ часто посылаемаго туда, сказалъ ему: „когда пойдешь въ дѣвичій монастырь, возьми съ собою сего брата, дабы ему увидѣть рабу Божію Евдокію, ибо онъ хочетъ поучиться у нея и подражать ея богоугодной жизни". Вскорѣ потомъ старцу тому представилась нужда идти въ монастырь дѣвичій, и онъ взялъ съ собою того юношу, какъ ему повелѣно было отъ игумена. Филостратъ, пришедши въ монастырь и увидѣвъ невѣсту Христову—св. Евдокію, удивлялся ея смиренному виду, нищетѣ и умерщвленію плоти, ибо видѣлъ, что лице ея—блѣдно, глаза опущены долу, уста молчаливы, одежды худы, одръ на землѣ—изъ рогожи и на немъ нѣкое жесткое рубище. Нашедши удобное время къ бесѣдѣ (когда прочіе стояли поодаль), онъ тихимъ голосомъ началъ говорить ей: „что это я вижу, Евдокія? Кто это прельстилъ тебя, жившую прежде въ палатахъ, подобныхъ царскимъ, изобиловавшую столькими богатствами и

утѣхами и всѣ дни проводившую въ радости и веселіи,—кто прельстилъ тебя и привелъ въ сіе худое мѣсто? Кто лишилъ тебя большаго шумнаго города, въ которомъ всѣ почитали тебя, часто прогуливавшуюся въ одеждахъ свѣтлыхъ, удивлялись красотѣ твоей и величали тебя разными похвалами? Какой прелестникъ отъ столькихъ благъ привелъ тебя въ сію крайнюю нищету и убожество, къ этой бѣдственной и срамной жизни? И вотъ теперь весь Иліополь (городъ, въ которомъ Евдокія провела свою молодость) ищетъ тебя, взоры всѣхъ желаютъ видѣть тебя, самыя стѣны пышныхъ палатъ твоихъ плачутъ о тебѣ. Я посланъ къ тебѣ, какъ вѣстникъ общаго народнаго желанія, дабы именемъ всѣхъ умолить тебя возвратиться въ городъ и тѣмъ утѣшить народную скорбь по тебѣ. Послушай меня, госпожа, и послѣдуй за мной, выйди изъ этаго убогаго жилища, уйди отъ голода, отъ смрадныхъ одеждъ, отъ жесткаго одра и возвратись въ прежнія твои палаты, къ прежнимъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, которыми такъ недавно изобиловала ты. Хотя ты и погубила богатство свое, отдавши даромъ чужимъ, но мы готовы тотчасъ же снова обогатить тебя. Что медлишь и сомнѣваешься? Зачѣмъ,—когда всѣ такъ расположены къ тебѣ и добра тебѣ желаютъ,—зачѣмъ ты сама становишься врагомъ и мучителемъ своимъ? Какъ тебѣ не совѣстно и не жалко скрывать красоту свою во мракѣ сей иноческой жизни? Не безразсудно-ли губить глаза свои, солнечнымъ лучамъ подобныя, напраснымъ плачемъ и слезами? Какая польза столь красивое и молодое тѣло морить голодомъ и жаждой и другими жестокостями? Гдѣ твои масти благовонныя, благоуханіемъ которыхъ, проходя, наполняла воздухъ въ городѣ, и всѣ почитали тебя какъ бо-

гиню?—И вотъ, послѣ этихъ благоуханій, сама добровольно избрала ты смрадъ нищенской и отверженной жизни. Кому ты слѣдуешь пришедши въ такое заблужденіе? Какая суетная надежда отвлекла тебя отъ обладанія столь многими, а въ будущемъ еще большими благами? Кто изъ богатыхъ людей отвергаетъ отъ себя свое богатство и даромъ отдаетъ другимъ, какъ сдѣлала ты? Впрочемъ, я знаю, гдѣ находятся твои богатства, такъ что ихъ опять можно получить и возвратить въ твое владѣніе, возвратись только къ намъ, госпожа наша Евдокія. Вотъ я и золота довольно принесъ на дорогу, а остальное, расточенное тобою, пришедши въ Иліополь, отыщемъ тотчасъ-же."— Когда онъ пустословилъ такимъ образомъ, святая съ гнѣвомъ взирала на него, наконецъ, не терпя болѣе слышать лукавыхъ и льстивыхъ рѣчей, съ яростью сказала ему: „Богъ отмщеній да запретитъ тебѣ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Праведный Судія, Коего я—недостойная раба, да не попуститъ тебѣ, пришедшему сюда съ злою мыслію, возвратиться, поелику ты—сынъ діавола." Сказавши это, она дунула ему въ лице, и вдругъ ложный инокъ тотъ, окаянный обольститель, упалъ предъ нею мертвый на землю. Прочія сестры—дѣвицы, смотря на бесѣду ихъ, стояли на такомъ разстояніи, что имъ нельзя было понять сказанныхъ словъ, но, видя юношу падшимъ отъ дуновенія Евдокіи и мертвымъ при ногахъ ея, пришли въ ужасъ. Сначала онѣ удивлялись сему дѣлу, превосходящему силу естественную, и видя въ Евдокіи благодать Божію, а потомъ стали опасаться, какъ-бы не узнали мірскіе люди и судьи, какъ-бы не приняли сего обстоятельства за убійство и не зажгли ихъ монастыря, ибо еллины (греки), будучи идолопоклонниками, ненавидѣли

христіанъ и монастыри ихъ; стали совѣтоваться между собою что дѣлать, а Евдокію не осмѣливались спросить о случившемся обстоятельствѣ, наконецъ, одна изъ дѣвицъ сказала: „помолчимъ сегодня, такъ какъ уже вечеръ и начинается ночь, а ночью помолимся Богу, быть можетъ Онъ откроетъ намъ вину смерти сего инока и наставитъ, что намъ дѣлать". Когда-же наступила полночь и когда обыкновенно начиналось полуночное пѣніе, явился Евдокіи Господь въ сонномъ видѣніи и сказалъ: „встань, Евдокія, прославь Бога твоего и, преклонивъ колѣна около мертваго тѣла искусителя твоего, посланнаго на тебя отъ діавола, помолись ко Мнѣ, и Я тотчасъ повелю ему быть живымъ, силою Моею возстанетъ онъ и узнаетъ, Кто Я, въ Котораго ты вѣруешь, а въ тебѣ еще большая благодать Моя изобиловать будетъ". И пробудившись отъ сна, св. Евдокія сотворила довольную молитву ко Владыкѣ своему и воскресила мертваго. А Филостратъ, возставъ отъ смерти, какъ отъ сна, и познавъ истиннаго Бога, Котораго милости сподобился, палъ къ ногамъ блаженной, говоря: „молю тебя, блаженная Евдокія, пріими меня кающагося и прости мнѣ, что я оскорбилъ тебя своими лукавыми и нечистыми рѣчами, ибо я узналъ, какому и сколь благому и сильному Владыкѣ служишь ты". Блаженная-же Евдокія отвѣчала ему: „возвратись съ миромъ къ себѣ, но не забывай благодѣяній Божіихъ, явленныхъ на тебѣ, и не отступай отъ познаннаго тобою праваго пути св. вѣры, который обѣщаешь моему Богу".—Марта 1.

Неосужденіе и клевета.

Смерть инока, никого не осуждавшаго.

Преподобный Анастасій Синаитъ разсказываетъ.— Нѣкій мужъ, пребывая въ иноческомъ чинѣ, проводилъ

дни свои во всякомъ нерадѣніи и въ лѣности проживъ всю жизнь свою, приблизился къ смерти. И когда разболѣлся послѣдней смертной болѣзнью и уже былъ при послѣднемъ издыханіи, нисколько не убоялся своей смерти, но разлучался отъ тѣла тихо, радостно и съ улыбкой на лицѣ. Бывшіе при этомъ братія съ игуменомъ сказали ему: „мы видѣли тебя, братъ, проводившимъ жизнь въ нерадѣніи, и теперь не знаемъ, откуда у тебя въ сей страшный часъ такое спокойствіе и улыбка сладкая; укрѣпляемый силою Іисуса Христа, Бога нашего, вставъ, скажи намъ, чтобы мы всѣ узнали и прославили величіе Божіе“. Братъ, немного приподнявшись на одрѣ, сказалъ имъ: „подлинно, честные отцы, я проводилъ жизнь свою во всякомъ нерадѣніи, и вотъ теперь принесены были предъ меня и прочтены всѣ записанныя злыя дѣла мои. Ангелы Божіи сказали мнѣ: „знаешь-ли это?“ Я отвѣчалъ имъ: „да, знаю хорошо. Однако съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ міръ и постригся, я не осудилъ человѣка, не имѣлъ ни на кого злобы и молю, дабы исполнилось на мнѣ слово Христово, ибо Онъ сказалъ: не осуждайте, дабы не быть осужденными, оставьте и оставится вамъ“. Когда я сказалъ это, тотчасъ святые Ангелы разорвали запись грѣховъ моихъ. Посему-то я съ радостію и безпечально и отхожу къ Богу“. Разсказавъ сіе, братъ сей предалъ съ миромъ Господу душу свою“.—Марта 30.

Чудесное наказаніе за клевету.

Святой Григорій, впослѣдствіи епископъ неокесарійскій (ум. въ 266 или въ 270 г.), въ юности своей былъ нелюбимъ своими сверстниками за то, что опасно хранилъ свое дѣвство и жилъ добродѣтельно. Чтобы очернить его, они подговорили одну непотребную жен-

щину, дабы она обличила предъ всѣми святаго юношу какъ-бы въ содѣянномъ съ нею грѣхѣ. Однажды, когда святой стоялъ на нѣкоторомъ открытомъ мѣстѣ съ честными философами и первѣйшими учителями и бесѣдовалъ съ ними ([1]), подошла къ нему та, подговоренная сверстниками, женщина и безстыдно стала требовать отъ него платы какъ-бы за сдѣланный съ нею плотской грѣхъ. Всѣ, услышавъ сіе, удивились и одни соблазнились, думая, что это—правда, а другіе, напротивъ, не вѣрили словамъ блудницы, зная чистую и цѣломудренную жизнь Григорія, и отгоняли женщину прочь. Но она, громко крича, не отходила отъ святаго и требовала, чтобы онъ отдалъ ей плату за совершенное любодѣяніе. О, какъ стыдно было святому Григорію слышать эти безстыдныя и лживыя слова явно грѣшной женщины предъ столькими честными людьми, и... какъ чистая дѣвица, онъ краснѣлъ лицемъ! Будучи незлобивъ и кротокъ, онъ не сказалъ ей никакого упрека, не показалъ никакого гнѣва, не оправдывался и не представлялъ свидѣтелей своей невинности, но кротко сказалъ одному изъ своихъ друзей: „поскорѣй отдай ей сколько она требуетъ, чтобы она ушла отъ насъ и не безпокоила болѣе". Другъ тотчасъ отдалъ ей сколько она хотѣла, выкупая Григорія отъ незаслуженнаго стыда. Но Богъ, Сей нелживый Свидѣтель, живущій на небѣ, обличилъ ту неправду,—попустилъ нечистаго духа на ту безстыдную и лживую блудницу, которая, когда взяла въ руки несправедливую плату, тотчасъ получила и лютую казнь, ибо бѣсъ напалъ на нее и предъ всѣми сталъ ее мучить. Она упала на землю, страшнымъ голосомъ кричала, дрожала всѣмъ тѣломъ,

---

([1]) Это было въ Александріи, гдѣ св. Григорій обучался тогда философіи и другимъ наукамъ.

скрежетала зубами и испускала пѣну, такъ что всѣ предстоящіе пришли въ великій страхъ и ужасъ, видя столь скорое и тяжкое отмщеніе за невиннаго юношу. А бѣсъ не переставалъ мучить женщину до тѣхъ поръ, пока самъ святой не сотворилъ о ней усердной молитвы къ Богу и не отогналъ отъ женщины бѣса.— Ноября 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій и истинный Богъ, сходившій на землю для спасенія людей.

Два естества во Іисусѣ Христѣ—Божеское и человѣческое.

Сынъ Божій своимъ вочеловѣченіемъ и смертію побѣдилъ діавола.

Силы небесныя: херувимы и серафимы.

Ангелъ хранитель.

Діаволы суть ангелы, отступившіе отъ Бога.

Стр.

Діаволъ искуситель.

Связь Церкви торжествующей—небесной съ Церковію воинствующею—земною.

Необходимость крещенія для полученія вѣчнаго блаженства.

Дѣйствительность таинства Евхаристіи.

Дѣйствительность таинства священства.

Мытарства. Рай и адъ и разныя въ нихъ обиталища. Страшный Судъ.

Небесное воздаяніе праведникамъ.

Стр.

Миръ, вражда, жестокость.

Соблазнъ.

Стр.

Опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
7	13 снизу.	вакъ	какъ
9	10 снизу.	Іоанну	Іоанна
19	10 снизу.	благословленіе	благословеніе
30	12 снизу.	асобенно	особенно
33	19 сверху.	Отчего	Отъ чего
45	16 снизу.	Агамію	Апамію
103	12 снизу.	гнустныя	гнусныя
124	10 снизу.	скажите	скажете
130	3 сверху.	въ лѣнности	въ лѣности.


2005097013